

JOURNAL OF FRONTIER STUDIES

ISSUE 4/1 | 2019

ISSN: 2500-0225

16+

ЖУРНАЛ ФРОНТИРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Научный электронный журнал

www.jfs.today
www.frontierstudies.com

№4.1

«IN MEMORIAM DEBORAH BIRD ROSE (1946-2018)»

2019

ISSN: 2500-0225

16+

JOURNAL OF FRONTIER STUDIES

Scientific E-Journal

www.jfs.today
www.frontierstudies.com

№4.1

«IN MEMORIAM DEBORAH BIRD ROSE (1946-2018)»

2019

**Журнал Фронтирных Исследований. 2019. №4.1:
«In Memoriam Deborah Bird Rose (1946-2018)»**

О НОМЕРЕ

Данный номер «Журнала фронтирных исследований» мы посвящаем удивительному австралийскому ученому – Деборе Бёрд Роуз, которая скоропостижно ушла из жизни в декабре прошлого года. Родившись в США, она, тем не менее, связала свою жизнь с Австралией. Начав изучение культур коренного населения этого континента, она сделала очень много для аборигенов, помогая отстаивать им свои права на землю. Знакомство с аборигенной культурой оказало огромное влияние на ее мировоззрение. Она познакомилась с совершенно другими принципами восприятия окружающего мира, в котором человека не объявляют «царем природы», а воспринимают всего лишь как неотъемлемый элемент мироздания, тесно связанный с другими элементами природы. Такой взгляд на окружающий мир привел ее к новой экологической парадигме, в которой тесным образом сочетались западная философия и традиционное мировоззрение коренных жителей этого континента. Именно это определило ее стремление защищать не только права аборигенов, но и разнообразных представителей местной фауны, чье существование оказалось под угрозой в результате действия современной системы эксплуатации ресурсов континента.

Но в этом «повороте» ее научной карьеры нет ничего удивительного, так как экологический поворот во фронтирных исследованиях оказался наиболее востребованным в современном мире. Не стоит забывать, что фронтир, это не только система взаимоотношений человек-человек, но еще и человек-природа, и даже человек-природа-человек. Данным номером, посвященным этому замечательному ученому, мы постарались показать именно эту сторону научного поиска. В номере читатель найдет как воспоминания о Деборе Роуз, так и работы ее друзей и учеников.

Помимо этих статей, в номере имеется ряд статей, непосредственно не связанных с Роуз или Австралией, однако, в них анализируются общие вопросы фронта в разных частях света, что всегда интересовало Дебору, поэтому мы посчитали уместным включить их в номер.

**Journal of Frontier Studies. 2019. №4.1:
«In Memoriam Deborah Bird Rose (1946-2018)»**

ABOUT THE ISSUE

This issue of the “Journal of Frontier Studies” we dedicate to the brilliant Australian scientist Deborah Bird Rose, who unexpectedly passed away in December last year. Born in the United States, she nevertheless connected her life with Australia. Having begun to study the cultures of the indigenous people of this continent, she did a lot for the aborigines, helping them to defend their rights to land. Acquaintance with Aboriginal culture has had a huge impact on her worldview. She was introduced to completely different principles of perception of the world around her, in which a person is not declared a “King of Nature”, but is perceived as an integral element of the universe, closely related to other Beings on the Earth. This vision has led her to a new ecological paradigm that closely blended Western philosophy with the traditional worldview of the indigenous people of the continent. It is this that has determined its desire to protect not only the rights of the aborigines, but also a variety of local fauna, whose existence was threatened by the modern system of exploitation of the resources of the continent.

But there is nothing surprising in this "turnaround" of her scientific career, as the environmental shift in frontier research has become the most popular in the modern world. It should not be forgotten that the Frontier is not only a system of man-man relations, but also man-nature, and even man-nature-man. By this issue, dedicated to this wonderful scientist, we tried to show this new trend in modern scientific research. The reader will find in this issue both memories about Deborah Rose and the articles of her friends and colleagues.

In addition to these articles, there are a number of articles in the issue, not directly related to Rose or Australia, but that analyze the general question of the Frontier in different parts of the world, which Deborah has always been interested in, so we thought it appropriate to include them in the issue.

Журнал является периодическим изданием, выходящим четыре раза в год, не имеющим печатной версии. В журнале публикуются научные статьи, рецензии, информационные ресурсы, отчеты об экспедициях, конференциях и прочие научные материалы.

Журнал является рецензируемым научным изданием, посвященным проблемам фронта. Все статьи перед публикацией проходят экспертную оценку ведущих ученых.

Мы стремимся к тому, чтобы наш журнал выполнил бы важные научные функции – коммуникативную и информационную, которые позволят не только аккумулировать новые достижения в этой области, но и послужат основой для новых открытий и озарений.

Учитывая тот факт, что изначально фронтальная теория родилась в США, мы посчитали необходимым предоставить нашу площадку для ученых из разных стран, поэтому вторым равноправным языком нашего журнала стал английский. А в редколлегии нашего журнала принимают активное участие не только отечественные, но и зарубежные ученые, так или иначе связанные с изучением данной проблемы.

Хотя предпочтение отдается гуманитарной направленности данной проблемы, однако редакция журнала будет приветствовать и статьи научно-естественного характера, в той или иной степени имеющие отношение к научному фронту, так как, с нашей точки зрения, фронт является не только особым историческим локусом, но это еще и особая культурная парадигма, проявляющаяся в различных областях нашей жизни, определенная идея, находящая отклик в разных областях науки и человеческого бытия.

Наш журнал является рецензируемым научным изданием, и все статьи перед публикацией проходят экспертную оценку ведущих ученых.

Но это не означает, что статья, получившая критические замечания однозначно не будет опубликована в нашем журнале. В ряде случаев мы можем опубликовать ее с определенными оговорками или редакционными замечаниями. Мы будем стараться предоставлять платформу для самых различных мнений и идей. И мы полагаем, что каждый ученый имеет право на высказывание и собственную точку зрения, даже если у членов редакции имеется отличное от авторского мнение.

Вместе с тем это не означает, что любая, присланная в редакцию статья, будет напечатана в нашем журнале. Любая антинаучная и не подкрепленная фактологически статья будет отклонена редакторами.

Все статьи публикуются в журнале бесплатно, но и гонорар авторам не выплачивается.

- Государственная регистрация в Роскомнадзоре: Свидетельство о регистрации СМИ (электронная версия): Эл № ФС77-61330 от 07 апреля 2015 г.

- ISSN: 2500-0225

- Опубликованные в журнале материалы предназначены для лиц старше 16 лет

Журнал индексируется в:

- Erih Plus
- DOAJ
- РИНЦ: Договор №348-06/2016 от 9/6/2016
- Киберленинка
- Index Copernicus
- PKP Index
- Root Indexing | Root Society for Indexing and Impact Factor Service
- World Catalogue of Scientific Journals
- Researchbib
- Journal Factor

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР (Editor-in-Chief):

Якушенков Сергей Николаевич, доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»

ПОМОЩНИК ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА (Assistant of the Editor-in-Chief):

Алиев Растям Туктарович, кандидат исторических наук, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»

РЕДАКТОРЫ АНГЛИЙСКОЙ ВЕРСИИ (Literary Editors)

Саракаева Элина Алиевна, кандидат филологических наук, доцент, Хайнаньский университет, Хайкоу (КНР)

Тайсина Эмилия Анваровна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры Философии и медиакоммуникации ФГБОУ ВО «Казанский государственный энергетический университет»

Isabeau Vollhardt, B.A. Philosophy/English University of Washington, Seattle WA graduate 1980 published author of The Casebook of Elisha Grey science fiction/detective ebook series. English language editor for Beijing University Press' translation of Huang Di Nei Jing (Yellow Emperor's Medical Classic), Zhu Ming, transl, USA

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ (Editorial Board):

Якушенков Сергей Николаевич, (Главный редактор), доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»

Романова Анна Петровна, доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»

Алиев Растям Туктарович, кандидат исторических наук, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»

Саракаева Элина Алиевна, к. филол. н., Хайнаньский профессиональный колледж экономики и бизнеса Хайкоу, Китай

Тайсина Эмилия Анваровна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры Философия и медиакоммуникации ФГБОУ ВО «Казанский государственный энергетический университет»

Khodarkovsky Michael, Ph.D. in History, professor of Loyola University Chicago

Isabeau Vollhardt, B.A. Philosophy/English University of Washington, Seattle WA graduate 1980 published author of The Casebook of Elisha Grey science fiction/detective ebook series. English language editor for Beijing University Press' translation of Huang Di Nei Jing (Yellow Emperor's Medical Classic), Zhu Ming, transl, USA

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ (Editorial Council):

Морозова Елена Васильевна, доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Россия

Федорова Мария Михайловна, доктор политических наук, ИФ РАН

Гринев Андрей Вальтерович, доктор исторических наук, профессор кафедры общественных наук, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого (СПбПУ), Россия

Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран факультета международных отношений ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», Россия

Виноградов Сергей Вадимович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России; руководитель Центра изучения истории Нижнего Поволжья советского периода, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», Россия

Завьялова Елена Евгеньевна, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой литературы, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», Россия

Бурыкина Людмила Васильевна, к. ист. н., доцент кафедры отечественной истории, историографии, теории и методологии истории Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, Россия

Romaniello Matthew P., Ph.D. in History, associate Professor of History, Weber State University; associate Editor «The Journal of World History», USA

Geraci Robert P., Ph.D. in History, associate Professor of Department of History of University of Virginia, USA

Sunderland Willard, Ph.D. in History, Henry R. Winkler Professor of Modern History, Department of History, University of Cincinnati, USA

Hopson Nathan, Ph.D. in History, Graduate School of Humanities, Nagoya University, Japan

Piotr Gorecki, Ph.D., professor of Department of History, University of California, Riverside, USA

Andrei Znamenski, PhD, Professor Department of History The University of Memphis Memphis, USA

Schorkowitz Dittmar, Ph.D., professor, Max Planck Institute for Social Anthropology, Germany

КОНТАКТЫ:

Учредитель: Общество с ограниченной ответственностью научно-производственное предприятие «Генезис.Фронтир.Наука»

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью научно-производственное предприятие "Генезис.Фронтир.Наука"

Адрес редакции: 414050, Астраханская область, г. Астрахань, ул. Геологов, д. 85, кв.2

Главный редактор:
Якушенков Сергей Николаевич
Email: editorialboard.jsf[at]gmail.com

Дирекция журнала:
Алиев Растям Туктарович
Email: rastaliev[at]gmail.com

Вёрстка:
Гончаренко Юрий Дмитриевич

Все статьи публикуются в авторской редакции. Мнение редколлегии журнала может не совпадать с мнением авторов.

СОДЕРЖАНИЕ		CONTENT
Сергей Якушенков Вступительная статья	12 13	Serguey Yakushenkov Introduction
Елена Говор Вселенная по имени Дебби Роуз	26 27	Elena Govor A Universe Named Debbie Rose
Кэйт Ригби Пробуя на вкус бабочку богонг	39 40	Kate Rigby Getting a Taste for the Bogong Moth
Дебора Роуз, Стюарт Кук & Том ван Дорен Вóроны за игрой	67 68	Deborah Rose, Stuart Cooke & Thom van Dooren Ravens at Play
Максим Кирчанов Латышские интеллектуалы в Австралии в 1950–1980-е гг.: ситуации культурного фронта	89 88	Maksym W. Kyrchanoff Latvian Intellectuals in Australia in the 1950-1980s: Situations of Cultural Frontier
Анастасия Михалева Российское государство и церковь в Восточной Азии: аккламация и преодоление границ	131 132	Anastasia Mikhaleva The Russian State and the Church in East Asia: Acclamation and Overcoming of Borders
Растям Алиев Чужой и чужая культура: выявление моделей инаковости на основе поисковых запросов россиян в интернете	155 156	Rastyam Aliev The Other and the Other's Culture: Revealing Models of Otherness on the Basis of Russians' Search Queries in the Internet
Александр Мещеряков Фронтирный кейс русского инженера КВЖД: письма Г. С. Москвитина (1898-1901)	172 173	Alexander Meshcheryakov Frontier Case of Russian Engineer Chinese Eastern Railway: Letters G. S. Moscovitin (1898-1901)
Лариса Ильина Россия конца XIX в. в путевых заметках Олимпии Одуар	198 199	Larisa Ilyina Russia of the late XIX Century in the Travel Notes of Olympe Audouard

ОТ РЕДАКТОРА: IN MEMORIAM DEBORAH BIRD ROSE (1946-2018)

Якушенков Сергей Николаевич (а)

(а) Журнал Фронтирных Исследований. 414050, Россия, Астраханская область, г. Астрахань, ул. Геологов, д. 85, кв.2. E-mail: editorialboard.jsf[at]jfs.today

Аннотация

Данное вступление посвящено памяти замечательного австралийского исследователя Деборы Бёрд Роуз, которая ушла из жизни 22 декабря прошлого года. Родившись в США, она тем не менее связала свою жизнь с Австралией. Начав изучение культур коренного населения этого континента, она сделала очень много для аборигенов, помогая отстаивать им свои права на землю. Знакомство с аборигенной культурой оказало огромное влияние на ее мировоззрение. Она познакомилась с совершенно другими принципами восприятия окружающего мира, в котором человека не объявляют «царем природы», а воспринимают всего лишь как неотъемлемый элемент мироздания, связанным с другими элементами природы. Такой взгляд на окружающий мир привел ее к новой экологической парадигме, в которой тесным образом сочетались западная философия и традиционное мировоззрение коренных жителей этого континента. Именно это определило ее стремление защищать не только права аборигенов, но и разнообразных представителей местной фауны, чье существование оказалось под угрозой в результате действия современной системы эксплуатации ресурсов континента.

Однако в этом повороте в научных изысканиях Д. Роуз не было ничего удивительного. В данном предисловии редактора показано, как западная гуманитарная наука уже давно ищет новые направления в изучении человека в неотрывной связи с окружающим миром. В статье также приведен краткий анализ наиболее значимых представителей такого относительного нового направления исторической науки как «история окружающей среды».

Ключевые слова

Дебора Б. Роуз; Австралия; аборигены; история окружающей среды; энвайронментализм; Р. Нэш; У. Кронон

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution – Non Commercial – No Derivatives»](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

FROM THE EDITOR: IN MEMORIAM DEBORAH BIRD ROSE (1946-2018)

Serguey Nickolayevich Yakushenkov (a)

(a) Journal of Frontier Studies. 85, Geologov St. apt. 2, Astrakhan, Russia, 414050
E-mail: editorialboard.jsf[at]jfs.today

Abstract

This issue of the “Journal of Frontier Studies” we dedicate to the brilliant Australian scientist Deborah Bird Rose, who unexpectedly passed away in December last year. Born in the United States, she nevertheless connected her life with Australia. Having begun to study the cultures of the indigenous people of this continent, she did a lot for the aborigines, helping them to defend their rights to land. Acquaintance with Aboriginal culture has had a huge impact on her worldview. She was introduced to completely different principles of perception of the world around her, in which a person is not declared a “King of Nature”, but is perceived as an integral element of the universe, closely related to other Beings on the Earth. This vision has led her to a new ecological paradigm that closely blended Western philosophy with the traditional worldview of the indigenous people of the continent. It is this that has determined its desire to protect not only the rights of the aborigines, but also a variety of local fauna, whose existence was threatened by the modern system of exploitation of the resources of the continent.

But there is nothing surprising in this “turnaround” of her scientific career, as the environmental shift in frontier studies has become the most popular one in the modern world. In this Preface, the Editor shows how Western Humanities has long been looking for new directions in the study of man in inseparable connection with the environment. The Preface also provides a brief analysis of the most significant representatives of such a relative new direction of historical science as “environmental history”.

Key words

Deborah B. Rose; Australia; aborigines; environmental history; environmentalism; R. Nash; W. Cronon

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution – Non Commercial – No Derivatives 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

Работа над номерами журналов, посвященных памяти каких-то личностей, странным образом структурирует пространство. Они то сжимают его до предела, то расширяют до невероятных масштабов. В результате пространство начинает пульсировать, как будто пульсирует сердце человека, о котором вы пишете. В этот процесс постоянно оказываются вовлечены все новые люди, которые также расширяют это пространство памяти. Но самое главное, что оно не обязательно связано только с человеком, которому посвящен номер. Эта новая память начинает расти за счет памяти о других людях, переплетаться, создавая удивительную нить бытия. Так было и с этим номером. Еще год назад, начиная думать о предстоящем на 2019 г. направлении нашей работы, мы и не ожидали, что будем готовить номер, посвященный австралийскому антропологу Деборе Бёрд Роуз (1946-2018). Мы были давно знакомы с ее работами по австралийскому фронтиру и много раз намеревались написать ей и пригласить к сотрудничеству. Но время шло, новые заботы и новые проблемы заставляли каждый раз откладывать это шаг на потом, и когда в январе мы все-таки написали ей письмо, пришел ответ от ее мужа, в котором сообщалась, что Дебора умерла 22 декабря 2018 г.

Не скроем, что ощутили некоторую растерянность, пустоту и ощущение вины. Конечно, мы не были ни в чем виноваты перед Деборой, может даже облегчили ей жизнь, не тревожа ее по пустякам. Но все эти мысли были слабым оправданием. Ее муж, известный австралийский поэт Питер Бойл, писал нам в своем письме: «Она всегда интересовалась фронтиром в таких странах, как США, Россия и Австралия и отношениями между переселенцами и местными народами на этих территориях». И это означало, что проблемы истории нашей страны были ей интересны. И кроме этого, Дебора Роуз была очень необычным ученым, с удивительной судьбой и самыми широкими научными интересами и подходами. Поэтому ощущение вины происходило еще из-за того, что мы так и не выступили инициаторами очень важного диалога между Деборой Роуз и нашими читателями. Ведь нам казалось тогда, а сейчас мы уверены в этом еще больше, что ее работы будут очень интересны нашим читателям. Мы были уверены, что у нее есть чему учиться, и она может помочь взглянуть на проблемы фронта с новых точек зрения.

Именно тогда и родилась идея выпустить номер, посвященный Деборе.

Нам сложно сказать, получился ли он. Трудно рассказывать о человеке, которого ты не знал, и чья судьба раскрывается перед тобой лишь в рассказах ее друзей и в научных исследованиях, которые она

вела. Но такое знакомство с человеком *post mortem* имеет и ряд плюсов (странное выражение, возможно неправильно, но мы не нашли ничего иного, как употребить именно его). Это взгляд издали лишен личностных переживаний, он дает возможность беспристрастно (хотя может ли быть человек беспристрастным) взглянуть на другого человека. Но чем мы больше познакомились с жизнью и работами Деборы, тем менее беспристрастными мы оставались. Да и сложно было сохранять это равнодушие, читая отклики ее друзей и воспринимая ее научные изыскания через ее труды.

Следует оговориться, что, когда мы называем Дебору Роуз австралийским антропологом, мы делаем множество допущений. Ее очень сложно «определить», ограничить какими-то одними характеристиками. Она не была австралийкой, так как родилась в США. Но, приехав в Австралию изучать культуру австралийских аборигенов, она влюбилась в новый континент и осталась там навсегда. Назвать ее антропологом было бы тоже не совсем правильно, так как, начав свою профессиональную карьеру в качестве антрополога (1984) (1985) (1986) (Rose & Lewis, 1988) (1989), она быстро переросла ее, став и просветителем, и защитником прав коренного населения Австралии (1996), и защитником австралийской природы, особенно в отношении некоторых видов, подвергшихся нещадному целенаправленному уничтожению или чье существование оказалось под угрозой в результате активной деятельности человека (2011A) (2011B) (2017). И делает она это не только с позиции «полевика», исколесившего всю Австралию, посетив самые отдаленные уголки, путешествуя то пешком, то верхом, то в грузовике, то в лодке. Свой практический опыт она пытается соединить с западной философской мыслью, основанной на многовековом опыте человечества. Она то обращается к истокам мировоззрения коренных австралийцев (1988) (2006), то стремится осознать это с точки зрения концепции диалогизма Бахтина (2002), пытаясь достичь синтеза западного мировоззрения с автохтонным (2005).

Как было сказано, изучала она историю австралийских аборигенов и с точки зрения фронтирной теории. Ее интересовали самые разнообразные стороны этой проблемы: она интересовалась проблемой встречи культур в Австралии (1998) и феноменом фронта в целом – вместе со своим коллегой антропологом Ричардом Дэвисом выпустили коллективную монографию, посвященную проблемам фронта в сравнительной перспективе

(Rose & Davis). Среди приглашенных были исследователи самых различных специальностей и направлений: историки, антропологи, философы. Хотя большинство из них изучали Австралию и описывали различные кейсы австралийского фронта, но была также сделана попытка проанализировать фронт на общетеоретическом уровне и сравнить австралийский фронт с канадским (Furniss).

Этой монографией коллектив австралийских ученых, во главе Д. Роуз и Р. Дэвиса, заложили серьезный фундамент в исследование истории австралийского фронта. Конечно, не следует считать эту работу первым научным трудом по австралийскому фронту, так как до нее было множество других, можно, например, вспомнить замечательного австралийского историка Генри Рейнольдса (Henry Reynolds), написавшего несколько фундаментальных книг по истории австралийского фронта (1982) (1987) (1990). Однако, не умаляя вклад Г. Рейнольдса в историю австралийского фронта, отметим, что все его исследования были посвящены практическим сторонам освоения Австралии. Наибольший акцент он делал на проблемы взаимоотношений белых переселенцев с местным населением.

Коллективная монография Роуз и Дэвиса имела совершенно иной характер. Правда, и в ней вопросы фронтальной теории не были основными, однако, статьи Фёрнис и Дэвиса (Davis, 2005) выходили далеко за рамки практических вопросов истории Австралии.

И последнее, о чем мы хотели поговорить во введении касается собственно самих статей, которые представлены в номере. Когда мы готовили номер, многие спрашивали нас, как соотносятся бабочки богонги или вороны с фронтом, ведь фронт – это освоение новых территорий, завоевание новых земель, колонизация, столкновение с народами, живущими на этих территориях. Приходилось постоянно объяснять, что этот аспект фронтальной истории является частью фундаментальной проблемы в системе человек-природа. Пребывание на новой неизвестной территории – это не только встреча с незнакомыми часто враждебными народами, но и встреча с незнакомыми животными, рыбами, птицами, насекомыми, растениями. Эта встреча, а иногда и столкновение может проходить самым разнообразным образом, и иногда даже очень разрушительным для обеих сторон.

Фронтальные встречи (с другой фауной, флорой, да и другими людьми) оказывает на человека сокрушительное воздействие. Это воздействие может быть как конструктивным, так и разрушительным. Но чаще всего огромные ресурсы новых территорий кажутся новому субъекту несметными, не поддающимися счислению и поэтому

нескончаемыми. Эта земля чужда ему, он пришел воспользоваться ее благами, не став ее частью, не задумываясь о ней. Эта отчужденность в конечном итоге оборачивается негативными последствиями не только для территории, но и для самого субъекта. Его сознание, как, впрочем, и прежних жителей земли, оказывается разорванным на две противоположные крайности: воспоминанием о прежнем благополучии, которое царило на этой территории, но разочарованием от настоящего, не сулящего ему ничего хорошего. Ностальгия по прошлому в конечном итоге приводит к романтизму, как на уровне художественного произведения, так и на уровне практического воплощения этой иллюзорной мечты о возврате к «век благоденствия». Не будем здесь подробно останавливаться на романтических идеях в культуре, порожденной фронтирными мотивами, но напомним, что практической стороной ностальгии по фронтирному ландшафту стали различные коммуны, возникающие в США в середине XIX в.¹

Среди множества примеров мы бы хотели упомянуть такое философско-литературное течение как трансцендентализм. В этом течении, а мы бы скорее назвали его движением, мечты об идеальной жизни на природе, в согласии со всем живым, проявилась очень ярко. Идеи эти не были просто фантазиями, нашедшими свое воплощение в литературных произведениях, это, как правило, были реальные попытки жить в дикой природе, довольствуясь всем необходимым, а уж потом этот опыт переносить на бумагу, как это было у Г. Торо (1854). Или коллективный опыт интеллектуалов из Бостона и Кембриджа, которые ушли летом 1858 г. следом за У. Дж. Стилманом² и Ральфом У. Эмерсоном в Адирондакские горы (на северо-востоке шт. Нью-Йорк), чтобы там в глуши вести «праведную» жизнь, по типу «саков и сиу», проводя «симпозиумы» вокруг костра. Связь этих практик с фронтиром может несколько патетично, но очень хорошо подметил американский журналист Джеймс Шлетт: «И именно здесь встретились эти две традиции той еще молодой нации: фронтир, представленный дебрями Адирондака, и интеллектуализм Новой Англии, представленный великими мужами Бостона и Кембриджа, стремившимися превратить свои города в «Американские Афины»» (Schlett, p. 27).

В этой пробудившейся страсти к «дикой природе» (wilderness) нет ничего удивительного, так как молодая американская нация,

¹ Частично мы касались этого вопроса в нашей статье «In Frontier We Trust» (Якушенков, 2019)

² William James Stillman (1828 – 1901) – американский художник, фотограф, издатель, журналист, военный корреспондент.

отвоевавшая полвека назад эту землю у британцев, наконец-то начала осознавать ее своей, стремясь познать ее и полюбить, не противопоставляя эту дикость современным городам.

Если раньше эта любовь к дикой природе выражалось в охоте и совместных обедах¹, то теперь Генри Лонгфелло, получивший приглашение присоединиться к группе Эмерсона, отказывается, узнав, что тот собирается брать с собой ружье (Kaiser, p. 131).

Было бы неверно предполагать, что вылазка Эмерсона и его друзей в Адирондакские горы была чем-то экстраординарным. Хотя эти горы были самой настоящей глухоманью еще во времена индейцев, и местные мохоки и онеида не очень-то и заходили туда, однако уже в первой половине XIX в. там были проложены туристические тропы, и существовали отели для туристов, а местные жители предлагали всем желающим услуги гидов. Существовали и подробные описания путешествий в горах, рассказывающие о богатой рыбалке и охоте в этой «глуши» (Headley, 1849).

Новое для группы Эмерсона было только то, что ехали они туда не для развлечений и удовольствий, а для познания себя и окружающего мира. Стремление Эмерсона взять с собой ружье было для них скорее исключением, чем правилом.

Но вернемся к современному состоянию фронтальной теории и направлениям фронтальных исследований. Короткий экскурс в историю Эмерсона, Торо и их друзей нам понадобился лишь для того, чтобы показать, что в середине XIX в. многие американские интеллектуалы уже искали себя в новом для них явлении – экологическом отношении к миру. И совершенно закономерно, что именно в их среде воспевают как окружающую природу, так и индейцев, когда-то живших в этих местах. «Песнь о Гайавате» Лонгфелло – удивительный и восхитительный манифест этого нового мировоззрения. Удивительно в нем то, что пока Лонгфелло воспекает и восхищается индейцами, на Диком Западе идет самая настоящая кровопролитная война с ними. В ней гибнут не только индейцы, но и белые колонисты. В то время, как газеты пишут про странную группу бостонских интеллектуалов, заседающих у костра совета, как «саки и сиу», эти индейцы сиу ведут ожесточенную борьбу. Так «враждебные» племена становятся своеобразной метафорой, с помощью которой описываются интеллектуальные практики кембриджских мыслителей.

¹ Об одном из подобных объединений – колонии Скукеле (Colony in Schuylkill, Schuylkill Fishing Company) мы уже писали раньше (см. Якушенков, 2018, стр. 92-100)

Поэтому неудивительно, что обращение к проблемам экологии в США происходит не только в рамках естественных наук, непосредственно связанных с познанием природы, но и в рамках гуманитарных, и прежде всего истории и антропологии. Носителями этих идей оказываются не только философы, как Эмерсон или Торо, но и историки, и антропологи. Изучение культуры индейцев, знакомство с их бытом и отношением к окружающей среде, дает этим исследователям мощный толчок к собственному познанию мира, в котором соединены оба подхода: традиционалистский, выстроенный на тотемических и анимистических представлениях, и научный, обогащенный современными достижениями науки и техники.

Критические изменения в окружающей среде, вызванные бурным развитием промышленности в развитых странах, приводят к активизации в 60-70-е гг. XX в. энвайронменталистского движения на Западе, что в свою очередь дает толчок и возникновению такого направления как энвайронменталистская история (environmental history) или история окружающей среды (экологическая история¹), основным объектом которой стало рассмотрение взаимодействия двух систем: социума и природы и то, как эти системы влияют друг на друга.

Одним из основателей этого направления был Родрик Нэш (Roderick Nash), написавший одну из основополагающих работ в данной области «Дикая природа и американский ум» (Nash R. F., 1967). Однако, среди тех, кто заложил основы для этого направления называют, не без основания, и Фредерика Дж. Тёрнера – основоположника фронтирной теории (Merchant, pp. 90-91, 242). И в этом нет ничего удивительного, так как именно Тернер первым начал говорить о влиянии фронта (особой среды) на американцев².

Правда, следует отметить, что современные историки в значительной степени изменили и направления, и подходы в изучении истории окружающей среды. Их уже не устраивает методологические

¹ Мы неслучайно переводим термин «environmental history» как «энвайронменталистская история», а не как «экологическая история», так как понятие «окружающая среда» гораздо шире понятия «экология». На наш взгляд совершенно неуместно называть эту дисциплину «история экологии», так как это превращает ее в историю научного направления (экологии). На русский язык уместней было бы переводить эту дисциплину как «история окружающей среды», так как ключевым в этом направлении оказывается человек и окружающая его среда, как некий ландшафт, некая система (природа), недаром одна из «первых» книг этого направления была посвящена такому понятию как «дикость» (wilderness) и ее влияние на менталитет американцев. Но и название «история окружающей среды» не может в полной мере передать весь смысл этого направления, так как в англоязычном варианте именно окружающая среда оказывается атрибутом истории, т.е. в основе этой дисциплины лежит «история» с ее атрибутом – «окружающей средой», но в русском эквиваленте атрибутом выступает именно «история».

² Мы бы не стали сбрасывать со счетов и такую фронтирную личность, как Теодор Рузвельт.

подходы, обозначенные Нэшом. Известный американский историк У. Кронон выступил в 90-х гг. XX в. против концепции дикой природы (wilderness¹), заявляя, что «в концепции дикой природы нет ничего естественного. Это всецело творение культуры, которая дорожит ею, продукт той самой истории, которую она стремится отрицать. Действительно, одним из самых поразительных доказательств культурного изобретения дикой природы является полное стирание истории, из которой она возникла. Практически во всех своих проявлениях дикая природа представляет собой бегство от истории. Рассматриваемый как изначальный сад, он является местом вне времени, из которого люди должны были быть изгнаны, прежде чем падший мир истории мог бы должным образом начаться» (Cronon, *The Trouble with Wilderness: Or, Getting Back to the Wrong Nature*, 1996, p. 16). Для чего мы привели эту пространную цитату... У. Кронона на сегодня можно считать одним из основных лидеров в environmental history. И его возражения против концепции wilderness в американской исторической науке можно считать достаточно значимыми. Кроме этого, возражения Кронона против завышенного значения wilderness в американской культуре показывает, что с точки зрения современных историков-энвайронменталистов, следует обращать внимание не на поэтику американской ментальности, а на реальное изменение окружающей среды. В одном из своих первых исследований, озаглавленных «Изменения в ландшафте: индейцы, колонисты и экология Новой Англии», он уже смещает акцент с поэтики и генезиса концепций в сторону изучения реальных изменений ландшафта и экологии Новой Англии, показывая, как хозяйственная деятельность колонистов изменяет окружающую среду (Cronon, 1983)². К новизне подходов У. Кронона можно отнести и смещение внимания этого историка с сельской местности или дикой местности на город, который оказывается двигателем изменений окружающего пространства. Наиболее значительным трудом в этом направлении стал его «Природный мегаполис: Чикаго и Великий Запад»³ (1991).

¹ Еще Р. Нэш говорил о том, что не у всех народов имеется это понятие (wilderness), и не всегда возможен точный перевод на другие языки (Nash R. , 1976, p. 14). Мы в данном контексте используем словосочетание «дикая природа», хотя насколько верно этот вариант, мы не знаем. Еще недавно наиболее близким вариантом этому было бы слово «пустынь», а человек, ушедший в дикий лес, назывался «пустынник». Однако сейчас это слово утратило первоначальный смысл, так как в большей степени указывает на климатическую зону – пустыню.

² В 1984 г. эта книга была удостоена национальной премии имени Фрэнсиса Паркмана, как лучшая книга года.

³ Эта книга была удостоена в 1991 г. премии имени Банкрофта, а в 1992 г. призером Пулитцеровской премии в области истории.

У. Кронон, при всем его интересе к истории окружающей среды, был и остается одним из ведущих специалистов в исторической науке. Примечательно, что американские историки очень чутко реагируют на эти тенденции в развитии науки, именно поэтому в 2012 г. он был избран президентом Американской исторической ассоциации.

Готовы признать, что фронтирные тропы «environmental history» увели нас достаточно далеко от основной темы нашего журнала – памяти Деборы Роуз. Но этим длинным экскурсом в современные проблемы окружающей среды мы бы хотели показать, что в этом резком повороте антропологии к экологии не было ничего выходящего за рамки естественных тенденций науки. Дебора занималась тем, что, по ее мнению, нуждалось в наибольшем внимании с ее стороны. И кроме этого, она переносила видение, которому она научилась у аборигенов Австралии, в мир Западного человека.

Именно поэтому мы и отобрали для номера работы, которые некоторым могут показаться далекими от фронтирной теории, но, на самом деле, составляют одну из ее неотъемлемых частей. Работа К. Ригби, посвященная бабочке богонг, была когда-то написана по просьбе Д. Роуз для ее журнала, и на наш взгляд она очень хорошо показывает этот новый взгляд на природу вокруг нас: то, что мы считаем ненужным, вредным и мешающим нам, может в реальности оказаться чем-то более значимым. Это существо или явление может быть важным элементом в сложной системе отношений всех живых существ.

Вторая работа, «Вороны за игрой» также показывает новые направления в гуманитарном знании. Написанная Деборой Роуз и ее коллегами, в прошлом учениками, она очень хорошо обозначает проблему, в которой мы оказываемся – не владение основами коммуникации с окружающим миром. Кто мы (живые существа) и кто они (другие живые существа) для нас? Живя в антропоцентристском мире, мы утрачиваем связь с окружающей природой, частью которой сами оказываемся. Вот тот посыл, которые Дебора пыталась передать последними своими работами.

В номере есть и воспоминания нашей соотечественницы, а теперь австралийки, Е. Говор, которые очень хорошо раскрывают личность Деборы Роуз.

Надеемся, что это выпуск нашего журнала будет интересен самым разнообразным читателям и позволит некоторым из них иначе взглянуть на окружающий нас мир.

Список литературы

- Cronon, W. (1983). *Changes in the Land: Indians, Colonists, and the Ecology of New England*. New York: Hill & Wang.
- Cronon, W. (1991). *Nature's metropolis: Chicago and the Great West*. New York, London: W.W. Norton.
- Cronon, W. (1996). The Trouble with Wilderness: Or, Getting Back to the Wrong Nature. *Environmental History*, 1(1), 7-28.
- Davis, R. (2005). Introduction: transforming the frontier in contemporary Australia. In D. B. Rose, & R. Davis (Eds.), *Dislocating the frontier : essaying the mystique of the outback* (pp. 7-22). Canberra: ANU Press.
- Furniss, E. (2005). Imagining the frontier: comparative perspectives from Canada and Australia. In D. B. Rose, & R. Davis (Eds.), *Dislocating the frontier : essaying the mystique of the outback* (pp. 23-46). Canberra: ANU Press.
- Headley, J. T. (1849). *The Adirondack; or, Life in the woods*. New York: Baker and Scribner.
- Kaiser, H. H. (1982). *Great Camps of the Adirondacks*. Boston: David R. Godine Publisher.
- Merchant, C. (2002). *The Columbia Guide to American Environmental History*. New York: Columbia University Press.
- Nash, R. (1976). The Value of Wilderness. *Environmental Review: ER*, 1(3), 12-25.
- Nash, R. F. (1967). *Wilderness and the American Mind*. New Haven, London: Yale University Press.
- Reynolds, H. (1982). *The other side of the frontier: aboriginal resistance to the European invasion of Australia*. Townsville, Qld.: James Cook University of North Queensland.
- Reynolds, H. (1987). *Frontier: Aborigines, settlers, and land*. Allen & Unwin.
- Reynolds, H. (1990). *With the white people*. N.Y.: Penguin Books.
- Rose, D. B. (1984). The Saga of Captain Cook: Morality in Aboriginal and European Law. *Australian Aboriginal Studies*(2), 24-39.
- Rose, D. B. (1985). Aboriginal Identity vs Christian Identity. *Australian Aboriginal Studies*(2), 58-61.
- Rose, D. B. (1986). Passive violence. *Australian Aboriginal Studies*(1), 24-30.
- Rose, D. B. (1988). Exploring an Aboriginal Land Ethic. *Meanjin*, 47(3), 378-387.

- Rose, D. B. (1989). Remembrance. *Aboriginal History*(2), 135-148.
- Rose, D. B. (1996). Land rights and deep colonising: the erasure of women. *Aboriginal Law Bulletin*, 3, 6-13.
- Rose, D. B. (1998). Signs of life on a barbarous frontier: Intercultural encounters in North Australia. *Humanities Research*(2), 17-36.
- Rose, D. B. (2002). Dialogue with Place: Toward an Ecological Body. *Journal of Narrative Theory*, 32(3, Benjamin & Bakhtin: New Approaches-New Contexts), 311-325.
- Rose, D. B. (2005). An Indigenous Philosophical Ecology: Situating the Human. *The Australian Journal of Anthropology*, 16(3), 294-305.
- Rose, D. B. (2006). Indigenous Water Philosophy in an Uncertain Land. In L. Botterill, & D. Wilhite (Eds.), *From Disaster Response to Risk Management: Australia's National Drought Policy* (pp. 37-50). The Netherlands: Springer Science & Business Media.
- Rose, D. B. (2011A). Flying Fox: Kin, Keystone, Kontaminant. *Australian Humanities Review*(50. Unloved Others: Death of the Disregarded in the Time of Extinctions), 119-136.
- Rose, D. B. (2011B). *Wild Dog Dreaming: Love and Extinction*. Charlottesville; London: University of Virginia Press.
- Rose, D. B. (2017). Monk Seals at the Edge: Blessings in a Time of Peril. In D. B. Rose, T. Dooren, & M. Chrulew (Eds.), *Extinction Studies: Stories of Time, Death, and Generations* (pp. 117-148). New York: Columbia University Press.
- Rose, D. B., & Davis, R. (Ред.). (2005). *Dislocating the frontier : essaying the mystique of the outback*. Canberra: ANU Press.
- Rose, D. B., & Lewis, D. (1988). *The Shape of the Dreaming: The Cultural Significance of Victoria River Rock Art*. Canberra: Aboriginal Studies Press.
- Schlett, J. (2015). *A Not Too Greatly Changed Eden: The Story of the Philosophers' Camp in the Adirondacks*. New York: Cornell University Press.
- Thoreau, H. D. (1854). *Walden; or, Life in the Woods*. Boston: Ticknor and Fields.
- Якушенков, С. Н. (2018). Семантическое разнообразие образов индейца в Новой Англии в XVIII в. Часть 2. *Журнал фронтирных исследований*(1), 91-120.
- Якушенков, С. Н. (2019). In Frontier We Trust. *Журнал фронтирных исследований*(3), 12-59.

References

- Cronon, W. (1983). *Changes in the Land: Indians, Colonists, and the Ecology of New England*. New York: Hill & Wang.
- Cronon, W. (1991). *Nature's metropolis: Chicago and the Great West*. New York, London: W.W. Norton.
- Cronon, W. (1996). The Trouble with Wilderness: Or, Getting Back to the Wrong Nature. *Environmental History*, 1(1), 7-28.
- Davis, R. (2005). Introduction: transforming the frontier in contemporary Australia. In D. B. Rose, & R. Davis (Eds.), *Dislocating the frontier : essaying the mystique of the outback* (pp. 7-22). Canberra: ANU Press.
- Furniss, E. (2005). Imagining the frontier: comparative perspectives from Canada and Australia. In D. B. Rose, & R. Davis (Eds.), *Dislocating the frontier : essaying the mystique of the outback* (pp. 23-46). Canberra: ANU Press.
- Headley, J. T. (1849). *The Adirondack; or, Life in the woods*. New York: Baker and Scribner.
- Kaiser, H. H. (1982). *Great Camps of the Adirondacks*. Boston: David R. Godine Publisher.
- Merchant, C. (2002). *The Columbia Guide to American Environmental History*. New York: Columbia University Press.
- Nash, R. (1976). The Value of Wilderness. *Environmental Review: ER*, 1(3), 12-25.
- Nash, R. (1967). *Wilderness and the American Mind*. New Haven, London: Yale University Press.
- Reynolds, H. (1982). *The other side of the frontier: aboriginal resistance to the European invasion of Australia*. Townsville, Qld.: James Cook University of North Queensland.
- Reynolds, H. (1987). *Frontier: Aborigines, settlers, and land*. Allen & Unwin.
- Reynolds, H. (1990). *With the white people*. N.Y.: Penguin Books.
- Rose, D. B. (1984). The Saga of Captain Cook: Morality in Aboriginal and European Law. *Australian Aboriginal Studies*(2), 24-39.
- Rose, D. B. (1985). Aboriginal Identity vs Christian Identity. *Australian Aboriginal Studies*(2), 58-61.
- Rose, D. B. (1986). Passive violence. *Australian Aboriginal Studies*(1), 24-30.
- Rose, D. B. (1988). Exploring an Aboriginal Land Ethic. *Meanjin*, 47(3), 378-387.
- Rose, D. B. (1989). Remembrance. *Aboriginal History*(2), 135-148.

- Rose, D. B. (1996). Land rights and deep colonising: the erasure of women. *Aboriginal Law Bulletin*, 3, 6-13.
- Rose, D. B. (1998). Signs of life on a barbarous frontier: Intercultural encounters in North Australia. *Humanities Research*(2), 17-36.
- Rose, D. B. (2002). Dialogue with Place: Toward an Ecological Body. *Journal of Narrative Theory*, 32(3, Benjamin & Bakhtin: New Approaches-New Contexts), 311-325.
- Rose, D. B. (2005). An Indigenous Philosophical Ecology: Situating the Human. *The Australian Journal of Anthropology*, 16(3), 294-305.
- Rose, D. B. (2006). Indigenous Water Philosophy in an Uncertain Land. In L. Botterill, & D. Wilhite (Eds.), *From Disaster Response to Risk Management: Australia's National Drought Policy* (pp. 37-50). The Netherlands: Springer Science & Business Media.
- Rose, D. B. (2011A). Flying Fox: Kin, Keystone, Kontaminant. *Australian Humanities Review*(50. Unloved Others: Death of the Disregarded in the Time of Extinctions), 119-136.
- Rose, D. B. (2011B). *Wild Dog Dreaming: Love and Extinction*. Charlottesville; London: University of Virginia Press.
- Rose, D. B. (2017). Monk Seals at the Edge: Blessings in a Time of Peril. In D. B. Rose, T. Dooren, & M. Chrulw (Eds.), *Extinction Studies: Stories of Time, Death, and Generations* (pp. 117-148). New York: Columbia University Press.
- Rose, D. B., & Davis, R. (Ред.). (2005). *Dislocating the frontier : essaying the mystique of the outback*. Canberra: ANU Press.
- Rose, D. B., & Lewis, D. (1988). *The Shape of the Dreaming: The Cultural Significance of Victoria River Rock Art*. Canberra: Aboriginal Studies Press.
- Schlett, J. (2015). *A Not Too Greatly Changed Eden: The Story of the Philosophers' Camp in the Adirondacks*. New York: Cornell University Press.
- Thoreau, H. D. (1854). *Walden; or, Life in the Woods*. Boston: Ticknor and Fields.
- Yakushenkov, S. N. (2018). Semantic diversity of images of the Indian in New England in the XVIII century. Part 2. *Journal of Frontier Studies* (1), 91-120. (In Russian)
- Yakushenkov, S. N., (2019). In Frontier We Trust. *Journal of Frontier Studies*(3), 12-59. (In Russian)

ВСЕЛЕННАЯ ПО ИМЕНИ ДЕББИ РОУЗ

Говор Елена (а)

(а) ANU College of Arts and Social Sciences. Beryl Rawson Building, 13 Ellery Cres, Acton ACT 2601, Австралия. Email: elena.govor[at]anu.edu.au

Аннотация

Данные воспоминания посвящены памяти Деборы Бёрд Роуз. В них автор, на основании своих дневниковых записей, делится своими впечатлениями от первых встреч с Дебби до продолжительной дружбы на протяжении 1990-2000-х гг. Дебби Роуз – австралийский антрополог американского происхождения и талантливый автор многочисленных работ в области антропологии и философии природы, с 1980-х годов вела длительную полевую работу среди австралийских аборигенов на Северной Территории Австралии вместе со своим мужем, историком и антропологом Даррелом Льюисом. Ко времени встречи автора и ее мужа, известного советского этнографа Владимира Кабо, в 1990 г. с семьей Роуз, Дебби работала в Австралийском институте по изучению аборигенов и островитян Торрессова пролива в Канберре, Австралия. Воспоминания, посвященные в основном личности Дебби, содержат отрывки из рассказов, ее и Даррела, об опыте их полевой работы в районе Виктория-ривер на Северной территории, их контактах с аборигенами и их размышления о таких важных вопросах, как отношение к земле в традиционных обществах аборигенов, реконструкция культурных кругов, понимание мифологического Времени сновидений (Дриминга). Автор также отдает должное гостеприимству этой семьи и с благодарностью вспоминает о помощи Дебби и Даррела во время приезда семьи автора в Австралию.

Ключевые слова

Дебора Бёрд Роуз; воспоминания; австралийские аборигены; Даррел Льюис; Владимир Кабо; антропология Австралии

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution – Non Commercial – No Derivatives»](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

A UNIVERSE NAMED DEBBIE ROSE

Elena Govor (a)

(a) ANU College of Arts and Social Sciences. Beryl Rawson Building, 13 Ellery Cres, Acton ACT 2601, Australia. Email: elena.govor[at]anu.edu.au

Abstract

These memoirs are written in memoriam Deborah Bird Rose. Elena Govor draws from her diary entries to share her impressions from her first meetings with Debbie to their long friendship in the 1990s and 2000s. Debbie Rose, an Australian American anthropologist and the author of numerous acclaimed works in the fields of anthropology and ecocriticism, has been conducting field work since the 1980s among Indigenous Australian people in the Northern Territory of Australia with her partner, historian and anthropologist Darrell Lewis. By the time the author and her husband, Soviet ethnographer Vladimir Kabo, met in 1990 with the Rose family, Debbie was working at the Australian Institute of Aboriginal and Torres Strait Islander Studies in Canberra, Australia. The memoirs capture Debbie's vivacious personality and include excerpts from her own and Darrell's stories about their fieldwork in the Victoria River area of the Northern Territory, their contacts with Aboriginal people, and their reflections on important issues including attitudes towards land in traditional Aboriginal societies, reconstruction of culture circles, and understanding of the mythological Dreaming. The author also pays tribute to Debbie and Darrell's hospitality and the help they extended to her family in Australia.

Keywords

Deborah Bird Rose; memoirs; Australian Aborigines; Darrell Lewis; Vladimir Kabo; Australian anthropology

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution – Non Commercial – No Derivatives 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

Сознание не хотело принимать сообщение в ленте Фейсбука о смерти Дебби Роуз накануне австралийского Рождества в прошлом году – такая вселенная как Дебби не может, не должна угаснуть. Я не расшерила и не комментировала пост, но весь год память снова и снова возвращалась к ней, к той Дебби, которая когда-то ввела нас в новую австралийскую жизнь. Может быть, несколько штрихов к ее портрету, которые я могу добавить к словам ее коллег, помогут нам всем примириться с ее смертью.

Наше знакомство началось еще до приезда в Австралию. Мой муж, австраловед и этнограф Владимир Кабо, который всю жизнь был «невыездным», в 1990 году неожиданно получил приглашение в Австралию в качестве гостя Института по изучению аборигенов Австралии и островитян Торрессова пролива (AIATSIS). А следом пришло письмо от Дебби Роуз и ее мужа Даррела Льюиса, которые в это время были сотрудниками института. Оно было совсем не формальным и просто предлагало помощь. А помощь нам действительно нужна была, из-за бесконечных проблем с визами, билетами, обменом денег. В письме был телефон. Помню, как я московским вечером со страхом набираю номер Дебби и слушаю долгие звонки – никого нет дома – и в сознании возникает картина яркого австралийского утра и ощущение, что никогда нам перенестись через все эти препоны и преграды в тот мир, где сейчас звонит мой телефон. (Жившие в те годы в СССР меня поймут).

Но колеса судьбы чудесным образом повернулись, и 30 августа 1990 г. мы ступили на землю Австралии и в тот же день познакомились с Дебби. Она сразу покорила нас – красавица с длинными пышными, совершенно седыми волосами и молодым лицом. Потом мы шутили, что я, пытаюсь описать мое первое впечатление о ней как «прекрасное виденье», не нашла ничего лучше, чем английское слово ‘vision’. Дебби мгновенно завоевывала вас своей открытостью и легкостью в обращении, и, кроме того, глубоким искренним интересом к собеседнику.

В первые же дни она помогла нам начать «полевую работу» с аборигенами. Когда всю жизнь изучаешь аборигенов как астроном далекую планету – а именно так сложилась жизнь у Владимира, – не так-то просто шагнуть в реальность настоящего, и Дебби с большим мастерством помогала нам преодолеть этот барьер. С ней можно было обсуждать любые «тонкие» вопросы, и новые, «политкорректные» вещи, о которых она нам рассказывала, звучали убедительно, потому что во всем, что она делала, была подлинная искренность. Помню, как она организовала нам первую встречу с аборигенкой Айрис,

работавшей секретарем в институте. На ланче в кафе мы по-настоящему разговорились, как на московской кухне – в ответ на мою исповедь о том, как я в юности «потеряла» свою белорусскую идентичность, Айрис рассказала о том, каково было ей восстановить связь со своим народом, со своей землей после того, как ее в детстве забрали из семьи и воспитали в интернате. Было видно, что и для Дебби эти вопросы «аборигенности», связи с землей и природой не абстрактный дискурс обращенный в прошлое, а материя повседневной жизни.

Через пару дней Дебби и Даррел привезли нас к себе, в тот самый дом, в который я когда-то звонила ранним австралийским утром. Как я теперь понимаю, это был скромный государственный домик, который они получили, когда Даррел был еще студентом. Нас сразу покорила их такая близкая нам зацикленность не на материальном благосостоянии, а на путешествиях и полевой работе, а Даррел, казалось, был просто создан для нее. Эдакий австралийский парень, вроде героя «Крокодила Данди», для которого австралийский буш – дом родной. Мы смотрим вместе новую серию образовательной передачи «Bush Tucker Man», о том, как можно прожить в Австралии, используя природные ресурсы подобно аборигенам, и, конечно, в титрах мелькает имя Даррела как специалиста-консультанта. Дебби и Даррел рассказывают нам о своей жизни на Северной территории, в районе Виктория-ривер, где они долго жили с аборигенами, собирая материалы об их истории, этнографии и контактах с европейцами. Одним из помощников во вхождении в мир аборигенов стала дочь Дебби, Шантал, с которой она приехала из Америки. Шантал в то время было лет 10 и она совершенно «обаборигенилась». На фотографиях она везде с кучей аборигенских детей – они прыгают с поваленного дерева в водоем, лазят по скалам, играют на берегу реки. Из этого периода жизни родилась книга Дебби «Потаенные истории» (Rose, 1991).

Несколько месяцев спустя, когда мы снова вернулись в Канберру, объехав пол-Австралии, и познакомившись с аборигенами и антропологами в разных местах, Дебби и Даррел взяли нас «в буш», и мы, хотя бы отчасти, познакомились с их опытом полевой жизни. В чиновничьей Канберре у них было любимое потаенное место, на западной стороне Черной горы, возвышающейся над городом, и именно туда они нас и привезли. Этот день и наши разговоры я описала в дневнике и процитирую несколько своих беглых заметок: «Мы были одни в светлом эвкалиптовом лесу, разожгли костерок (как потом выяснилось, мы нарушали закон), и Дебби приготовила чай –

billy tea. Установила ведерочко с поднятой ручкой на горящие ветки, налив в него на треть воды. Вода скоро закипела и в нее всыпали пару жменек чая. Все это проварилось несколько секунд, потом ведерко сняли с огня, дали заварке опуститься и добавили 2/3 холодной воды. Аборигены предпочитают такой чай, т.к. его можно пить сразу, а чай белого человека надо остужать. Потом Даррел очень ловко приготовил дампер, вернее, Джонни-саке, который отличается от дампера наличием изюма. В мисочку с плотно прилегающей выпуклой крышкой всыпается блинная мука, туда же всыпается изюм, перемешивается с мукой и понемногу добавляется вода. Все это вымешивается, но не очень тщательно, дно миски посыпается слоем муки, на нее кладется тесто, все закрывается крышкой и ставится на слой углей, ими окружаются и бока миски, сверху также накладываются угли и горящие палочки. Сбоку поддерживается небольшой огонек, который дает новые угли. Печется дампер минут 30. Получился дампер у Даррела замечательно вкусным, мы ели его с маслом и чаем».

Очевидно, пока готовился дампер, мы обсудили много вопросов, и я продолжаю выписки из своего дневника: «Говорили, в основном, об этнографии. Когда Дебби впервые жила у аборигенов на Северной территории, они все время приходили к ней и просили муку, чай и сахар. Она все давала, считая, что это им очень нужно и они потом вернут одолженное. Кончилось тем, что у нее кончились запасы и деньги. Она поняла, что аборигены считают, что продукты белого человека достаются ему очень легко и решила дать им что-то, что они по-настоящему оценят. Она с Даррелом подстрелила кенгуру и гордо раздала мясо всем аборигенам. Они также стали давать что-либо аборигенам в обмен и, по словам Даррела, иногда надо просто подойти и взять [чтобы быть «своими» среди аборигенов].

В вопросе о роли и сохранности религии они согласны с Винсом [нашим коллегой, с которым мы ездили по Арнемленду], что аборигены еще не все раскрыли, и религия в их жизни играет основную роль. Говорили и о земельном вопросе и принадлежности земли. Случай из практики Дебби. При рассмотрении земельной заявки одна группа людей назвала себя А. И доказала, что это их земля. Но через год, при рассмотрении вопроса о земле в другом районе, пришли те же люди и сказали, что они группа Б., и что и это их земля. Дебби защищала их интересы в суде и считает, что в земельном законодательстве неправильно закреплены представления [влиятельного англо-австралийского антрополога] Ника Петерсона о патрилинейном наследовании земли, которые у него сложились на

основе его полевого опыта. В действительности, считает Дебби, аборигены могут сознавать себя принадлежащими и к группе матери, и группам бабушек и дедушек, и называют себя соответствующим образом в зависимости от того, на чьей территории они сейчас живут. Вообще они считают, что постоянными являются священные тотемические центры, связанные с определенными родственными линиями, принадлежность к которым передается по линии отца или по линии матери. Земля для ее поддержания нуждается в совершении обрядов всеми людьми, принадлежащими к ней по той или по иной линии. Сами люди постоянно перемещаются по территории нескольких тотемических ареалов, время от времени посещая свои земли для совершения обрядов.

Фотография 1. Первые встречи: Дебби Роуз (справа) с дочерью Шантал, Владимир Кабо и Елена Говор. 1990 г.

Связанная с этим теория Даррела о ритуальных районах с однотипной культурой наиболее зримое выражение находит в искусстве. Такие районы есть в Кимберли (ванжина), в Виктория-ривер, а также есть тотемические рисунки в Центральной Австралии. Все компоненты культуры не всегда совпадают в одном районе, а только процентов на 80. В благоприятных районах, например, прибрежных, с большой плотностью населения, культура может

охватывать небольшую площадь, а наследование и расселение могут быть патрилинейными. В неблагоприятных районах площадь контактов очень большая, выживаемость зависит от связей с отдаленными группами, там учитываются все родственные линии. В прибрежных районах, в которых первоначально происходили контакты с европейцами, аборигены могли жить патрилинейными группами».

И последние записи этих бесед за дампером с билли-ти: «Дебби объяснила мне разницу между британской и американской антропологией. Британская стремится все уложить в схему, изучает социально-экономические явления. Американская больше интересуется культурой в ее многообразных проявлениях. Дебби говорила о дриминге – дриминг в некоторых племенах может обозначать и мифологическое, и историческое прошлое. Когда аборигены рассказывают историю, непонятно, когда все это происходило. [И только после фразы] «Потом они превратились в летучих лисиц и улетели» – понимаешь, что это мифологическое прошлое». Мое участие в таких посиделках было для меня лучшей школой – антропологические идеи и теории, вырвавшиеся из полевого опыта, а не из университетских аудиторий, были частью повседневной жизни этих людей.

Фотография 2. Во время рождественского визита Дебби и Даррела в 1998 г. Ральфи чуть не оказался в пасти крокодила, то бишь мусорного бака.

В конце ноября мы, казалось, навсегда уезжали из Канберры, нам предстояло посетить еще Аделаиду и Мельбурн и вылететь в Москву из Сиднея. Дебби на прощанье подарила мне чудные гребни для волос, инкрустированные перламутром. Они с Даррелом были среди немногих, знавших, как мы хотим остаться в Австралии, и, может быть, гребни ее и удержали меня – уже на пути в аэропорт мы получили известие, что меня приняли в аспирантуру Австралийского национального университета в Канберре, что позволило нам не возвращаться в Россию. В начале января 1991 года мы вернулись в Канберру и началась новая жизнь, в которой Дебби с Даррелом остались нашими самыми близкими друзьями.

Видя, в каком тяжелом психологическом состоянии был Владимир, Дебби посоветовала ему начать писать книгу о его жизни, своего рода автобиографию духа, это его и спасло. Но и в практических вопросах Дебби была «свой в доску» человек. Еще когда мы в первый раз отправлялись путешествовать по Австралии, она отвезла нас в благотворительный магазин Армии спасения, называвшийся Manicare, он так и вошел в наш лексикон как «Мэнкэр». При отсутствии денег это помогало нам выживать. В другой раз, когда нам негде было жить, ребята отвезли нас в дом нашей бывшей квартирной хозяйки. Она оказалась в отъезде, но они, ничтоже сумняшеся, открыли замок кредитной карточкой, послав подальше бдительного соседа. Когда мы, наконец, получили университетское жилье, Дебби привезла кучу плакатов – она понимала, как нам будет тяжело на первых порах среди голых стен. Несмотря на солидный возраст Владимира, мы легко вписались в студенческо-полевой стиль жизни Дебби с Даррелом. Когда через год у нас родился сын Ральфи, они притащили нам целый мешок детских одежек из Мэнкэра. Помню, как мы все сидим в саду, во дворе дома, что-то пьем, и Дебби, покуривая, отгоняет дымок от младенца...

Фотография 3. Дебби и Даррел (в центре), Елена и потомки русско-аборигенской семьи Ильиных. 2000 г.

Фотография 4. Последний день 2000 г. под казуаринами на берегу Маррамбиджи. Владимир, Кейт Ригби, Елена, Даррел с Ральфи, Дебби и Роберт Хартли.

Перед Рождеством они появились у нас с тарелкой самодельного имбирного печенья, подарив его вместе с тарелкой – они раздаривали свои вещи друзьям, переезжая в Дарвин, где Дебби получила «настоящую» работу. Позже она говорила, что несколько лет жизни в Дарвине были для нее очень тяжелыми из-за отношения ее босса, к тому же серьезно заболела Шантал, отправившаяся учиться в Мельбурнский университет. После их возвращения в Канберру наши контакты возобновились. Ральфи души не чаял в Дарреле, который однажды явился на день рождения Владимира в образе австралийского разбойника Неда Келли – его знаменитый «бронежилет» с прорезью для глаз Даррел с Дебби сделали из мусорного бака. Во время презентации книги Владимира «Дорога в Австралию» (Кабо, 1988) они еще жили в Дарвине, но презентация книги Дебби «Динго делает нас людьми» в 2000 году уже была в Канберре в университетском книжном магазине (Rose D. V., 2000). Через месяц там же прошла презентация моей книги о семье русских аборигенов, на которой Дебби с удовольствием выступала (Govog, 2000). Все было именно так, как и мечталось, – Ральфи бегал с детьми аборигенов между полок книжного магазина, и мы все говорили от души, и было так хорошо, что потом все вместе перекочевали к нам домой и принимали гостей безо всяких церемоний, в стиле «все что есть в печи – на стол мечи». Дебби с Даррелом были душой компании. Последний день 2000 года мы провели тоже с ними, и, конечно же, у костра на берегу реки. К нам присоединились и наши общие друзья – Кейт Ригби с семьей. Об этом счастливом дне напоминают фотографии.

Фотография 5. Даррел в доспехах Неда Келли, австралийского бушрейнджера-разбойника на 80-летию Владимира. 2005 г.

Несколько раз после этого мы втроем – Дебби, Кейт и я – устраивали посиделки в кафе. Говорили о детях и об исследованиях, которыми мы занимались. В это время и Дебби, и Кейт решительно изменили тематику своих исследований – от антропологии и литературоведения они обратились к философским аспектам природы. К этому времени Дебби с Даррелом купили дом и, казалось, все в их жизни было благополучно и устойчиво. Но, видно, такую вселенную, какой была душа Дебби, нельзя было вместить с рамки благополучной семейно-академической жизни. Неожиданно для всех она еще раз круто, как и тему своей работы, повернула ее. В 2008 году, бросив все, она уехала в Сидней, к поэту, влюбившись в его душу. Ему, как и всему миру вокруг, нужна была ее забота. Эти последние десять лет ее жизни, хотя и трудные, были наполнены любовью и вдохновением и стали ее творческим расцветом.

Список литературы

Govor, E. (2000). *My dark brother : the story of the Illins, a Russian-Aboriginal family*. Sydney: UNSW Press.

- Kabo, V. (1988). *The Road to Australia: Memoirs of Valdimir Kabo*. Canberra: Aboriginal Studies Press.
- Lewis, D. (1988). *The rock paintings of Arnhem Land, Australia: social, ecological, and material culture change in the Post-Glacial Period*. Oxford: B.A.R.
- Lewis, D. (1997). *A shared history : Aborigines and white Australians in the Victoria River district, Northern Territory*. Darwin: Create-a-Card.
- Lewis, D., & Rose, D. B. (1988). *The shape of the dreaming : the cultural significance of Victoria River rock art*. Canberra: AIATSIS.
- Rose, D. B. (1991). *Hidden Histories: Black Stories from Victoria River Downs, Humbert River and Wave Hills Stations*. Canberra: Aboriginal Studies Press.
- Rose, D. B. (2000). *Dingo makes us human : life and land in an Australian Aboriginal culture*. Oakleigh, Vic.: Cambridge University Press.
- Кабо, В. Р. (1969). *Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии*. Москва: Наука.
- Кабо, В. Р. (1975). *Тасманийцы и тасманийская проблема*. Москва: Наука.
- Кабо, В. Р. (1986). *Первобытная доземледельческая община*. Москва: Наука.
- Кабо, В. Р. (2004). Письма издадека. В *Проблемы этнографии и истории культуры народов Азиатско-тихоокеанского региона* (стр. 181-195). Санкт-Петербург.

References

- Govor, E. (2000). *My dark brother : the story of the Illins, a Russian-Aboriginal family*. Sydney: UNSW Press.
- Kabo, V. (1988). *The Road to Australia: Memoirs of Valdimir Kabo*. Canberra: Aboriginal Studies Press.
- Lewis, D. (1988). *The rock paintings of Arnhem Land, Australia: social, ecological, and material culture change in the Post-Glacial Period*. Oxford: B.A.R.
- Lewis, D. (1997). *A shared history : Aborigines and white Australians in the Victoria River district, Northern Territory*. Darwin: Create-a-Card.
- Lewis, D., & Rose, D. B. (1988). *The shape of the dreaming : the cultural significance of Victoria River rock art*. Canberra: AIATSIS.

- Rose, D. B. (1991). *Hidden Histories: Black Stories from Victoria River Downs, Humbert River and Wave Hills Stations*. Canberra: Aboriginal Studies Press.
- Rose, D. B. (2000). *Dingo makes us human : life and land in an Australian Aboriginal culture*. Oakleigh, Vic.: Cambridge University Press.
- Kabo, V. (1969). *Origin and Early History of Aboriginal Australia*. Moscow: Science.
- Kabo, V. (1975). *Tasmanians and the Tasmanian Problem*. Moscow: Science.
- Kabo, V. (1986). *Primitive pre-farming community*. Moscow: Science.
- Kabo, V. (2004). Letters from Afar. B *Problems of ethnography and cultural history of the peoples of the Asia-Pacific region* (pp. 181-195). St. Petersburg.

ПРОБУЯ НА ВКУС БАБОЧКУ БОГОНГ¹

Ригби Кейт (а)

(а) Университет Монаш (Мельбурн), Австралия / Научно-исследовательский центр эколого-гуманитарных наук, Университет Бат Спа, Corsham, Chippenham, SN13 0BZ England UK.
E-mail: k.rigby[at]bathspa.ac.uk

Аннотация

Эта статья была заказана Деборой Берд Роуз и Томом Ван Доореном для специального выпуска журнала «Australian Humanities Review» 2011 г., озаглавленного «Нелюбимые другие: смерть презираемых во время вымираний». Это был знаковый номер в формирующейся междисциплинарной области «многовидовых исследований», в основании которых особую роль сыграли Роуз и Ван Доорен. Привлекая экологическую этику к диалогу с историей, этнографией, природоохранной биологией, а иногда также литературой и искусством, многовидовые исследования занимаются разрушением границы между человеком и другими видами в интересах коллективного экологического процветания. «Нелюбимые другие» должны были раскрыть истории связи между видами, особенно учитывая те, которые обычно игнорируются или презираются, и сделать это таким образом, чтобы показать личную вовлеченность исследователя в это повествование. Мое эссе фокусируется на виде, который я в течение моего детства в Канберре воспринимала как весьма «нелюбимый другой»: ночная бабочка богонг (*Agrotis infusa*), мигрирующее насекомое, численность которого в настоящее время резко сократилась. После краткого обзора научной литературы по этому насекомому я обсуждаю исторические и антропологические источники, которые подчеркивают ее решающее значение в качестве пищи для коренных народов района Канберры. Случай с мотыльком богонг показывает, как по мере продвижения колониальной границы хрупкие межвидовые отношения, поддерживавшие культуру и экологию этого континента, разрушались. Статья завершается предложением, одновременно этическим и кулинарным, о восстановлении состояния бабочки, что также учитывает наследие коренных народов.

Ключевые слова

Экологическая этика; вымирание видов; культуры питания; аборигенная Австралия; богонгская бабочка; *Agrotis infusa*; Дебора Берд Роуз; колонизация; постколониализм

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution – Non Commercial – No Derivatives»](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

¹ Оригинальный вариант статьи был напечатан в The Australian Humanities Review, 2011, № 50, подготовленном Деборой Роуз и Томом ван Доорен. Редакция Журнала Фронтирных Исследований благодарит автора за предоставленную возможность перевода ее статьи.

GETTING A TASTE FOR THE BOGONG MOTH

Kate Rigby (a)

(a) Monash University (Melbourne), Australia / Research Centre for Environmental Humanities, Bath Spa University, Corsham Court Campus Corsham, Chippenham, SN13 0BZ England UK.
E-mail: k.rigby[at]bathspa.ac.uk

Abstract

This essay was commissioned by Deborah Bird Rose and Thom van Dooren for a 2011 special issue of the journal *Australian Humanities Review*, entitled *Unloved Others: Death of the Disregarded in the Time of Extinctions*. This was a landmark volume in the emerging interdisciplinary field of ‘multispecies studies’, which Rose and van Dooren helped to found. Bringing ecological ethics into conversation with history, ethnography, conservation biology, and sometimes also literature and the arts, multispecies studies is concerned with decolonising the frontier between human and other species in the interests of collective ecological flourishing. The brief for *Unloved Others* was to uncover stories of interspecies entanglement entailing species that are commonly ignored or reviled, and to do so in such a way that makes explicit the researcher’s own involvement in this narrative. My essay focusses on a species that I knew as a very ‘unloved other’ in the course my childhood in Canberra: the bogong moth (*Agrotis infusa*), a migratory insect, currently in steep decline. Following a brief survey of the scientific literature on the moth, I discuss historical and anthropological sources that highlight its crucial significance as food for the Aboriginal peoples of the Canberra region. The case of the bogong moth reveals how, as the colonial frontier advanced, the delicate multispecies relations that sustained the cultures and ecologies of this continent were ruptured. The essay concludes with a proposal, at once ethical and culinary, for restoring the fortunes of the moth that also honours Indigenous heritage.

Keywords

Ecological ethics; species extinction; food cultures; Aboriginal Australia; Bogong moth; *Agrotis infusa*; Deborah Bird Rose; colonisation; postcolonialism

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution – Non Commercial – No Derivatives 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

НЕЗВАННЫЕ ГОСТИ

Однажды много лет назад, весенней ночью, когда экзаменационное напряжение в студенческой среде австралийских университетов доходит до предела, мой друг разбил окно в своей комнате в общежитии колледжа. Час был поздним, нервы на грани, и есть вероятность, что он мог быть не совсем трезв. Но его большой ошибкой было то, что он ушел, оставив окно открытым. По возвращении он обнаружил, что его комната полна ночных бабочек¹, и именно в ходе своих неуёмных попыток изгнать или уничтожить злобных нарушителей с помощью надежного учебника, окно было окончательно разбито, что и обеспечило их беспрепятственное проникновение.

Сейчас я не могу точно сказать, что это были за бабочки, но мой несчастный друг заявил, что это были богонги. Услышав это, я ему еще больше посочувствовала. Как и он, я выросла в Канберре и научилась опасаться ежегодных вторжений ночных бабочек богонг. Наряду с многолетней засухой, разрушавшей ухоженные сады наших родителей, богонги занимали высокое место в иерархии наименее любимых элементов местной окружающей среды в сознании многих детей моего поколения из Канберры, родители которых переехали в «столицу буша» во время бурного роста в послевоенное десятилетие. Не обладая опасной харизмой других нежелательных австралийских эндемиков, таких как красные пауки или пауки-магаломорфы, а также тигровые змеи, эти крупные, серо-коричневые насекомые были воплощением отвратительной чужеродности. Их упорный стук в незашторенные окна и скрытные вторжения в тщательно закрытые жилые помещения вызывали врожденный страх и чувство отвращения.

¹ Так как статья имеет отношение к гуманитарным наукам, а не является научной статьей по энтомологии, мы позволили себе здесь некорректную типологизацию этого насекомого, как «ночной бабочки». В англоязычной традиции их принято называть «moth», т.е. «моль». Однако, в нашем восприятии (обывателей, чьи знания не отягощены знаниями по биологии), моль – это, главным образом, «платяная моль» (*Tineola bisselliella*), пожирающая наши одежды. Вместе с тем моли относятся к семейству *Tineidae* (молевые), а богонги к семейству *Noctuidae* или «совки» (ночницы), т.е. ночные бабочки. Нередко в простонародье их также называют мотыльками. Вместе с тем, нам приходится учитывать тот факт, что автор пишет о насекомом, к которому относятся как к досадному недоразумению, которое человек может не задумываясь раздавить, так как воспринимает его в негативном контексте. Никому же не придет в голову спасти платяную моль, да и только маленький ребенок позволит себе восторгаться бабочкой-капустницей. Поэтому в разных местах мы обозначаем это насекомое то как бабочка, то как моль, то как совка, стараясь наиболее полно передать контекст статьи, ведь моль у нас вызывает презрение или другую негативную реакцию, ночная бабочка – более нейтральное определение, а совка интригует. Однако, правильнее их было бы называть богонгской совкой (прим. переводчика).

Поразмыслив над тем, что бурная реакция моего друга из колледжа, орудовавшего книгой, вполне могла быть наследием едва сохранившейся травмы от детских воспоминаний о бабочке, полученной им во время Великого нашествия 1969 г., когда мы оба были впечатлительными учащимися начальной школы. В тот раз, как я недавно выяснила, столица страны стала жертвой настолько сильного нашествия бабочек, что автоматические лифты и шахты кондиционирования воздуха в некоторых высотных административных зданиях были забиты залетевшими туда бабочками, а в некоторых частях города даже произошло полное отключение электроэнергии (Flood, 1980, p. 74). С тех пор не было зарегистрировано столь значительной миграции бабочек, и в последние годы их численность, по-видимому, заметно сократилась. Это может быть просто вопрос естественной циклической изменчивости, но, как мы увидим далее, будущее богонга далеко от гарантированного. Интересно, есть ли шанс, что те, кто находит это существо настолько непривлекательным, примут его близко к сердцу, чтобы его судьба стала предметом заботы со стороны общества?

Время от времени богонги попадают в новости: не только в университетские или местные новости, но и в национальные и даже международные. Совсем недавно они попали в заголовки газет по всему миру, когда несколько человек стали жертвами жары, которая даже остановила игру во время женского финала Открытого чемпионата Австралии по теннису в 2009 года в Мельбурне. Когда столбик термометра поднялся до 43 градусов Цельсия, заставляя игроков «истекать от пота и судорожно ловить ртом воздух», а зрителей отправил «наблюдать за матчами по телевизору в прохладе баров и уютных мест в Мельбурн Парке», «суровые условия оказались слишком сложными для роев богонгов, трепещущих вокруг яркого света стадиона и дюжинами падающих на главную площадку» (Linden, 2009). Но и за пределами стадиона, в течение беспрецедентных трех дней, во время которых температура достигла своего максимума в 43°, летучие лисы и опоссумы также падали замертво в парках и садах, а морги Мельбурна были переполнены человеческими жертвами. Эти смерти теперь вспоминаются как часть зловещего предвестника еще более разрушительного пожара, охватившего большую часть штата в конце следующей недели: катастрофы, которая, несомненно, отчасти обязана своим

происхождением антропогенным изменениям климата, которые могут также предвещать нежелательные последствия и для богонгов.

Это был далеко не первый случай, когда богонги упоминались в репортажах о международном спортивных событиях в Австралии, наиболее известным из них был случай, когда бабочка, как сообщается, уселась на грудь Ивонн Кенни, когда та пела финальный гимн Сиднейской Олимпиады 2000 г.. Несмотря на то, что видовая принадлежность этой особи (Herbison-Evans & Crossley, 2011) была поставлена фактическая под сомнение, представляется, что не только стадион, но и все туалеты были завалены богонгами, что «нервировало» многих зарубежных гостей. В то время как пресс-секретарь мероприятия признала, что их убийство является возможным «вариантом» борьбы с ними, один спортивный репортер Би-би-си иронизировал, что их следует тщательно отбирать и что они могут быть интересными в качестве «ресторанного меню», поскольку богонги считались «кулинарным изыском, обладающим ореховым вкусом, чем-то средним между грецким орехом и пеканом» (Athletes given swarm reception, 2000).

Историей, которая действительно привлекла наше внимание к этой досадной, хотя и потенциально приятной на вкус, австралийке, стала Великая Канберрская катастрофа курравонгов¹ в октябре 2003 года. Это событие почти наверняка бы не попало в международные новости, если бы факт, что федеральную столицу как раз собирался посетить президент США, и все усилия были направлены на то, чтобы придать этому визиту более комфортный характер. Возможно, если бы он проживал в Канберре, как это принято у премьер-министров Австралии, лояльный президенту «шериф» Джон Говард мог бы попытаться отговорить своего американского товарища не «прилетать» в сезон нашествия ночных бабочек. Однако, как раз именно в то время, когда Джордж Буш должен был прибыть, здание парламента подверглось серьезной атаке со стороны богонгов. Как недавно заметил Грэм Добелл, этот прилет бабочки является «ежегодным примером закона о непредвиденных последствиях, даже в условиях максимального планирования. Австралия потратила миллиард долларов на строительство дома с огромным флагштоком.

¹ Курравонги – птицы рода *Strepera* семейства артамовых (Artamidae) или ласточковые сорокопуть. Иногда их также называют флейтовыми воронами, так как курравонги известны своей мелодичной флейтовой песней. Различают три вида курравонгов: черный курравонг (*Strepera fuliginosa*), серый курравонг (*Strepera versicolor*) и пестрохвостый курравонг (*Strepera graculina*). Хотя по внешнему виду курравонги напоминают ворон, однако, они находятся ближе к австралийским сорокопутьам, которые также относятся к артамовым и также отличаются своей флейтовой песней. (прим. переводчика)

Но во всей этой подготовке никто не учитывал миграцию бабочек». Очевидно, что президента нужно было оградить от этого неприятного и потенциально досадного нашествия мелких коричневых злоумышленников. Парламентские подоконники, а также другие архитектурные уголки, выемки и проемы были распылены достаточным количеством инсектицида на основе пиретрума, а на рассвете были привлечены дополнительные садовники для уборки накопившихся за ночь жертв, которых увозили на тачках. Несмотря на повышенное внимание СМИ к Канберре в это время, маловероятно, что это само по себе могло бы считаться значительной новостью, если бы не тот факт, что среди погибших стали также встречаться птицы. Всего, по имеющимся сведениям, четырнадцать курравонгов пали жертвами этой кампании по уничтожению ночных бабочек, предположительно (хотя это так и не было доказано окончательно) в результате употребления в пищу отравленных насекомых. Кроме того, в последующие недели по непонятным причинам сороки и курравонги сторонились Капитольского Холма – скромного возвышения, казавшегося значительным благодаря архитектурному шедевру, в котором располагалась парламентская власть Австралии. Хотя гибель тысяч бабочек могла бы так и остаться без внимания, если бы не мысль о том, что территория нашего блистательного Нового Парламента оказалась завалена огромными тушами черных птиц именно в том момент, когда взоры всего мира были устремлены на федеральную столицу. Все это неожиданно сделало богонгов предметом национальной обеспокоенности.

AGROTIS INFUSA

Стремясь узнать больше об этом нежелательном нарушителе и надеясь найти его менее отвратительным при более близком знакомстве, я подумала, что неплохо было бы узнать, что энтомологи говорят об этих богонгах.

В Австралии *Agrotis infusa*, как известно западной науке, обычно начинает и заканчивает свой жизненный цикл на склонах и равнинах к западу от Большого Водораздельного хребта на севере Нового Южного Уэльса и юге Квинсленда. Каждую весну полчища взрослых бабочек летят на юг в Снежные горы, расположенные на юге Нового Южного Уэльса и севере Виктории, в поисках прохладных темных щелей в альпийских скалах, кавернозных нагромождений гранитных валунов, где они в течение летних месяцев находятся в состоянии

эстивации¹, спасаясь от жары. Там они коллективно уютно устраиваются, пряча головы под крылья друг друга и покрывая скальные стены, как чешуя или черепица.

Фотография 1. Богонгская совка, находящаяся в состоянии эстивации¹

¹ Эстивация – состояние анабиоза в период летней спячки. Эстивация необходима ночным бабочкам, чтобы пережить летнее повышение температуры (прим. переводчика).

Толчком к ежегодной миграции является, по-видимому, падение атмосферного давления, сопровождающееся формированием летних штормов. Моли перемещаются ночью, в некоторых случаях на 1000 километров, питаются по пути нектаром, а днем опускаются на землю в поисках укрытия.

Это всегда было потенциально опасное путешествие, но в XX в. оно стало еще более опасным. В дополнение к многолетнему риску быть сбитым с курса в сторону восточного побережья западными ветрами, рост городов, освещающихся все более ярким электрическим светом, оказался нередко фатальной угрозой для мигрирующих бабочек. Считается, что ночное освещение городов «обманывает мотыльков, заставляя их вести себя так, как будто наступает восход солнца. Их естественной реакцией является опускание на землю, чтобы найти темное место до наступления дневной жары. ...Здания могут быть покрыты толстым слоем мотыльков, отчаянно ищущих темные трещины и расщелины, чтобы укрыться от солнца» (Bogong Moths, 2009; Bogongs Migrating South, 2002). Те, кто оказывались в Сиднее, не говоря уже о Мельбурне, серьезно сбивались с курса, вероятно, в результате штормовой погоды; но Канберра находится прямо на пути их следования, и, в дополнение к внутреннему освещению обширных пригородов, 40000 огней Нового Парламента с прожектором, издавая освещающим флагшток, горит долго и ярко. Неудивительно, что у политиков есть бабочки, с которыми им приходится бороться весной (как будто постоянные вторжения журналистов и лоббистов недостаточно ужасны для них).

Богонги, которым удастся пережить риски во время их южного пребывания, связанные с бурями, хищниками, ядами и странными студентами, орудующими книгами, возвращаются на север в свои места размножения в относительно прохладное время осени. Теперь, когда они все выросли, они должным образом спариваются, после чего беременные самки искусно откладывают свои яйца на стебли разнообразных пищевых растений. Ранее это были аборигенные виды, сегодня это чаще всего сельскохозяйственные культуры, такие как цветная капуста, мангольд, люцерна, лен и разные зерновые культуры. Само собой разумеется, такая практика привела к тому, что богонгов больше всего ненавидят фермеры, чем такие городские чудики, вроде меня. Когда личинки появляются под видом голодных гусениц

¹ Фотография CSIRO. Имеет лицензию Creative Commons Attribution 3.0: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:CSIRO_ScienceImage_2192_A_Huddle_of_Bogong_Moths.jpg

кремового цвета, затем зеленого и, наконец, серого, черного или оранжево-коричневого оттенка, каждый из них делает себе уютную норку в почве у основания своего растения. Там они днем прячутся, коварно появляясь под покровом тьмы, чтобы насытиться. Этот ночной пир – плохая новость для саженцев, стебли которых часто прогрызаются, что приводит к тому, что богонги классифицируются как вредоносные «гусеницы» и в последние 50-100 лет регулярно поливаются огромной массой инсектицидов.

Взрослые гусеницы, которым посчастливилось избежать попадания в организм насекомых или быть отравленными инсектицидами, в конечном итоге опускаются в норы и окукливаются, превращаясь через четыре недели чудесным образом в бабочек. При ближайшем рассмотрении они оказываются не столь уж непривлекательными персонажами.

С размахом крыльев около пяти сантиметров, богонги варьируются по цвету от светло-коричневого до почти черного, и все они имеют на каждом переднем крыле отличительную и действительно эффектную темную полосу, напоминающую стрелу, разорванную двумя более светлыми пятнами, одно из которых имеет форму запятой и одно – круглой формы. «Задние крылья светло-коричневого цвета с более темной окантовкой», – согласно описанию Хербиссона-Эванса и Кроссли, поэтически добавляющих: «В покое моль складывает крылья над телом в виде палатки» (Herbison-Evans & Crossley, 2011).

Фотография 2. «Совка богонг»¹

¹ Оригинал этой работы был любезно предоставлен Деборой Берд Роуз.

КОРРОБОРИ И ПИРОЖНЫЕ

Богонгская совка – одно из многих существ, чей миграционный жизненный цикл со временем способствовал формированию сложной ткани не только человеческой жизни на этом континенте, вплетая виды и места в сложные схемы коллективного развития. Как мы видели, существование этого рыжевато-коричневого насекомого тесно переплелось с жизнью людей в Австралии в основном антагонистическим образом, как в сельской местности, так и в городе, и особенно в федеральной столице. Однако в ходе своих исследований социально-экологической истории района Канберры я обнаружила, что богонги по-прежнему занимают очень важное место в культуре коренных народов в качестве серьезного полноценного питания.

В своей книге «История и легенды 1927 года, посвященной территории федеральной столицы Содружества Австралии» (1927), Джон Гейл, старожил этой местности, известный журналист и общественный деятель, приводит беседу с «миссис Дж. Макдоналд», муж которой тогда владел пастбищем «Урайарра» на западном берегу реки Маррумбриджи недалеко от Канберры. Заявляя, что название их собственности взято из фразы аборигенов, означающей «бегом на праздник», миссис Макдональд рассказала, как из соседних районов сотни «черных и их жен» со своими «негритятами» собирались весной и летом в соседних горах, чтобы наедаться «богонгами» [sic], которыми «кишели» местные возвышенности. Она связывала название «Урайарра» с большим плоским камнем на их территории, который, как она помнит, нагревали для того, чтобы жарить на нем собранных бабочек, принесенных с гор в дурацких сумках. В хорошие сезоны, заявила она, праздник вокруг этого камня мог продолжаться несколько недель, предоставляя возможность для общения и отдыха... Это был сезон обжорства, намного более сытный, чем период охоты на опоссумов и сбор ямса. От смакования совками черная кожа едоков буквально сияла, а их тела выглядели достаточно упитанными, создавая контраст с их обычным видом» (57-58).

Значение богонга в культуре аборигенов южной части Альпийского региона наиболее подробно исследовала археолог Джозефина Флад, посвятившая этому восхитительному насекомому свою монографию «Охотники на моль» (Flood, 1980). Хотя она нашла множественные упоминания о ежегодном пиршестве этими насекомыми в записях наблюдателей из числа белых, Флад смогла обнаружить лишь одно свидетельство, рассказывающее подробно о

процессе охоты и приготовления этой пищи. Оно было предоставлено энтомологу А. В. Скотту неким Робертом Вайнером, который сообщил о восхождении в 1865 году на гору, известную как «Нумоядонга» в горах Богонга. Его гидом был коренной австралиец, которого он называл Старым Веллингтоном. В статье, опубликованной в журнале Энтомологического общества НЮУ в 1869 году, Скотт написал, что Вайнер обнаружил, что выемки на вершине скалы были:

«буквально покрыты этими насекомыми, плотно прижимающимися друг другу, что представляло собой темную поверхность чешуйчатого узора – каждое насекомое крепко опиралась ногами на скалу, а не на спину других, как в рое пчел. Сок было так много, что на этой вершине можно было легко собрать шесть бушелей богонгов; отходов от бывших обитателей было так много, что вставленная в мусор палка на полу пещеры ушла на глубину до четырех футов» (1980, р. 61).

Старый Веллингтон следующим образом продемонстрировал, как собирали и готовили бабочек:

«на пол расстилают одеяло или кладут лист коры: совок, сбитых палкой, собираю, прежде чем они успеют уползти или улететь, и ссыпают в мешок. Для их приготовления в песчаном месте делается углубление и в нем разводят небольшой костер, пока песок хорошо не нагреется, тогда тщательно сметают все горящие угли, опасаясь обжечь тела насекомых – ведь в таком случае, по их суеверным представлениям, неизбежно возникнет сильный шторм. Затем насекомых высыпают из пакета, недолго помешивают в раскаленной золе, а затем пересыпают на лист коры чтобы охладить. Следующий процесс заключается в тщательном просеивании их в сетке, во время которого головы отваливаются, и, поскольку предварительно крылья и ноги отрывают, получают должным образом приготовленные тельца. В этом состоянии они готовы к употреблению, но иногда их с помощью гладкого камня и полого куска коры измельчают в пасту, а затем из нее делают пирожные» (pp. 61-62).

Начав в ходе своих исследований испытывать некоторое сочувствие к богонгам, я с удовольствием обнаружила у Флад другую

цитату из работы 1895 г. антрополога Ричарда Хелмса, в которой говорилось, что бабочек обычно окуривали дымом тлеющих веток, прежде чем их собирали для приготовления пищи, поэтому в процессе их готовки они не очень страдали. Хелмс, опираясь на свидетельства старых поселенцев, также с восхищением описывают «изящные сети из волокна курраджонга¹», в которые собирались одурманенные бабочки: «У них имелись очень изящные сетки, а изготавливали их [женщины] с большим старанием, и будучи прикрепленными к паре шестов, они легко складывались, когда их нужно было вынуть из расщелин (рр. 66). По словам и Хелмса, и другого путешественника Джорджа Беннета, который в 1832 году поднимался на гору Богонг с группой аборигенов, праздничное пиршество из альпийской совки обычно длилось до трех месяцев в течение всего лета. Беннетт также сообщает, что часть пирожных из совок коптели и хорошо провяливали, что позволяло им оставаться свежими дольше, предположительно для того, чтобы их можно было отнести в долины и полакомиться ими позже (р. 67). Что касается вкуса обжаренной бабочки, то источники Флад сходятся во мнении, что у них приятный сладковатый ореховый вкус. Вайнер, которого Старый Веллингтон, очевидно, угостил довольно вкусной едой из совок, нашел ее настолько вкусной, что «захотел получить еще порцию» (р. 61) – с этой характеристикой совпадало мнение моего друга Даррелла Льюиса, который помогал Флад определить места охоты на бабочек и попробовать их на вкус в ходе этих экспедиций.

Среднее содержание жира в съедобном брюшке богонгов составляет более 61% для самцов и 51% для самок (р. 81), и многие источники Флад отмечали благотворное влияние этого ежегодного пиршества на состояние кожи и телосложение собравшихся «племен» и даже, согласно Э. Дж. Эйру, на их «несчастных полуголодных собак» (р. 70). Несмотря на то, что запасы этих насекомых были неоднородными и менялись из года в год (по размерам и доступности), а иногда и полностью отсутствовали, Флад убедительно доказывает важность праздника богонгов в ежегодных циклах жизнеобеспечения аборигенов высокогорных районов. Хотя

¹ Курраджонг (лат. *Brachychiton populneus*) — невысокое дерево рода брахихитон, подсемейство стеркулиевые (семейство мальвовых). Курраджонги можно встретить в самых разнообразных природных зонах Австралии. Эти растения нашли широкое применение в культуре аборигенов, а ряд методов использования этого дерева или его плодов стала достоянием и культуры белых переселенцев. Семена этого растения аборигены использовали в пищу, а поселенцы их обжаривали и мололи, заваривая вместо кофе. Из древесины местные народы делали щиты, а кора дерева, после обработки, превращалась в тонкие волокна, из которых делали сетки и плели сумки. И главное, в корнях этого дерева скапливалась вода в засушливый период, что давало аборигенам возможность добыть дополнительный источник воды в период засухи (прим. переводчика).

большинство ее этноисторических источников указывают на то, что охота велась на самом деле только мужчинами, понятно, что женщины и дети (и, по-видимому, собаки) также получали свою долю добытого на вершинах.

Тем не менее Флад подчеркивает, что значение охоты на бабочек выходило далеко за рамки просто питания, предоставляя возможность для проведения очень крупных межплеменных встреч, в которых участвовали нгариго, валгалу и нгунавал, проживавших в районе Канберры, а также, возможно, тауа, джинингандж и валбанга, в ходе которых мог проводиться целый ряд социальных, экономических и церемониальных мероприятий. Это включало в себя крупные групповые корроборри¹ на равнинах перед восхождением, обмен товарами, а также, вероятно, мужские обряды посвящения, по крайней мере, на некоторых из вершин, где у каждой группы охотников, по-видимому, была своя площадка (р. 74-76). В то время как информация о том, что совки впали в состояние эстивации, передавалась более отдаленным группам с помощью дымовых сигналов (р. 74), местные жители узнали о них от ворон, которые кружились вокруг участков со спящими бабочками для того, чтобы насладиться первыми плодами сбора (р. 66). Живая Земля, как нас учит биосемиотика, является невероятно сложной коммуникационной системой с динамично развивающимися и самопреобразующимися региональными сетями. Изменения далеко не всегда имеют закрытый характер. Однако очевидно, что британская колонизация Австралии разорвала многие специфические, культурно обусловленные сети межвидового семиозиса, такие как тот, в котором богонги играли центральную роль, с фатальными последствиями для многих, людей и не только их. Согласно источникам, изученным Флад, богонгские пирушки проводились по крайней мере до 1850-х гг., «но к 1878 году они окончательно исчезли» (р. 73).

¹ Корробори – ритуальные практики аборигенов Австралии, сопровождающиеся, как правило, пением и плясками. В общеавстралийском контексте под корробори могут подразумеваться церемонии аборигенов, однако, между церемониями и корробори имеется существенная разница, и, как правило, обозначается самими аборигенами разными терминами. Церемонии имеют более фиксированный характер, в значительной степени структурированы и имеют четкие ритуальные функции. Корробори – это более свободное действие, к которому может присоединиться любой участник, знакомый с «репертуаром», т.е. специальным набором песен и формализованных движений. Танцы и песнопения корробори являются своеобразным инструментарием для обращения аборигенов ко «Времени сновидений» (прим. переводчика).

ПОСТКОЛОНИАЛЬНАЯ КУХНЯ

Выросшая в Канберре в 1960-х гг., я понятия не имела о том, что название моего родного города происходит от термина «нгамбри», которое, как считается, означало «место встречи», и я совершенно не имела представления о лишении собственности тех, для кого этот район был «питательным ландшафтом» тысячелетия назад (Rose, 1996; Jackson-Nakano, 2001; Gammage, 2002). Никогда бы не подумала, что можно приготовить еду из этих ужасных насекомых. Однако в наши дни школьники Канберры на экскурсии в Национальный парк Намаджи, скорее всего, получают удовольствие от вкуса обжаренного богонга в контексте изучения местной культуры коренных народов. В публичном пространстве федеральной столицы мир Камберри¹ представлен в виде разнообразных скульптур богонга, подобных тем, которые украшают территорию Австралийского института изучения аборигенов и жителей островов Торресова пролива на полуострове Актон, некогда являвшемся крупным местом проведения корробори.

Фотография 3. Скульптура с изображением богонгской совки в культурном центре AITSIS на полуострове Актон. (Фото автора)

¹ Камберри (Kamberrri или Canberra) – топоним и возможно этноним восходящий топониму и этнониму Ngambri (прим. переводчика).

Далее на юг, недалеко от Альбери, в труднодоступном бассейне реки Мюррей-Дарлинг, ежегодно в последнюю субботу ноября, проходит фестиваль «Богонгская бабочка» или, как его сейчас называют, «место сбора» – Нган Гирра, на котором ежегодно выступают «местные исполнители, проводятся конкурсы метания копий и бумерангов, курс выживания в буше и прочие забавы детишек коренных народов» (Vogong Moths, 2009).

Похоже, что богонг становится чем-то вроде туристической достопримечательности и даже иконой деколонизации – своеобразным символом древнего образа жизни и культурного возрождения коренных австралийцев. А как же само насекомое? Запоздалое признание коренных практик землепользования, то есть практики заботы о стране в процессе создания специфической модели человеческой жизни в ее пределах, потенциально открывает путь к деколонизации также отношению поселенцев Австралии со всем, что выходит за рамки только человеческой жизни на этой Земле. Но для того, чтобы пройти этот путь, необходимо, чтобы в образе богонга мы научились чтить не только охотников за ночными бабочками, но и самих мотыльков. И может быть, спрашиваю я себя, лучший способ для этого насекомого, так нелюбимого людьми, проникнуть в сердце человека – это через его желудок?

Очевидно, что это не тот аргумент, который может хорошо сочетаться с вегетарианскими доктринами. «Не ешь ничего с лицом», – такова максима защитников прав животных (Singer, 1996; Dover, 1991, p. 186). И у богонга определенно есть лицо – я могу поручиться за это. Как ни странно, ночью перед тем, как я приступила к написанию этой статьи, я была поражена странным ударом в мои незашторенные кухонные окна в районе хребта Данденонг, к востоку от Мельбурна. Оказалось, что это была дюжины бабочек, которые, очевидно, серьезно заблудились по пути на север в альпийские районы. Они успокоились, когда я выключила свет в соседней комнате, но оставались на подоконнике достаточно долго, чтобы я хорошо их разглядела. Вблизи как бы пушистые брюшки были похожи на многослойное флэпперское платье 1920-х гг., слегка взъерошенное ветром, и выглядели они довольно соблазнительно. Станным образом они напоминали млекопитающих. По мере того, как я продолжала их рассматривать, стали появляться индивидуальные различия в размерах, метках и даже в поведении. Внезапно я почувствовала, что инспекция была взаимной, так как я

обнаружила, что и я нахожусь под прицелом нескольких десятков очень больших глаз.

Это было не так трогательно, как тот раз в деревне в Германии, когда я лицом к лицу встретила с молодой телкой, предназначенной для убоя. В тот раз я прибежала домой в слезах, заявив, что больше никогда не буду есть мясо. Признаюсь, что не сохранила эту решимость, хотя и настаиваю на свободном выгуле и не слишком молодом возрасте животного, и предпочитаю, чтобы мой «обед» был экологически выращен и гуманно убит. Правда, такое поведение «поедателя-плоти» в значительной степени мотивировано собственными животными аппетитами, которые я не хочу подавлять, и которых я в основном не стыжусь (хотя иногда они вызывают у меня некоторое смущение): в конце концов, именно моя беспокойная животность и является тем источником, что питает мое сострадание к другому живому существу, не являющемуся человеком. Более того, я разделяю мнение Вэлы Пламвуд¹ о том, что аргумент о лице не является абсолютно надежной основой для экологической этики питания.

В рамках этических норм, касающихся прав животных/освобождения животных, лицо выступает в качестве символа присутствия сознания или чувства, и именно это принято считать основанием для того, чтобы разделить тот класс существ, которые не могут быть съедены человеком, от тех, которых есть можно. Проблема этой линии аргументации заключается в том, что она неизбежно оставляет большую часть нечеловеческого мира вне поля зрения, на противоположной стороне этической обоснованности. Питер Сингер², например, утверждает, что в дополнение к другим млекопитающим мы должны включать птиц, рыб, рептилий и других позвоночных животных в число тех, которых нам не следует есть, а именно, по причине их способности испытывать боль, хотя и предполагает, что моллюски, такие как устрицы, могут потребляться с чистой совестью (если, конечно, вы не ортодоксальный еврей, но это другая история). В отношении насекомых он «агностик» (р. 11), но у

¹ Val Plumwood (1939 – 2008) – австралийский философ, феминистка, преподавала во многих университетах Австралии и мира. Была сторонницей экософии, автором многочисленных книг, в которых анализировались вопросы экологии и феминизма. Пламвуд выступала против искусственного разделения мира на человека и природу, так характерного для западной философии, полагая, что человек также является частью природы. Эта оппозиция (человек/природа), по ее мнению, проявилась и на уровне гендерных, расовых и колониальных конструкций (прим. переводчика).

² Сингер, Питер (Peter Albert David Singer, род. 1946) – австралийский философ, профессор биоэтики Принстонского университета. Выступает за права животных, сторонник вегетарианства, полагает, что богатые страны должны помогать бедным (прим. переводчика).

него нет никаких сомнений относительно этического исключения растений: «Такая жизнь – полная пустота; я бы нисколько не пожалел о сокращении этой формы существования, лишенной субъектности» (Plumwood, 2002, p. 149). Как отмечает Пламвуд, «методология Зингера организует разнообразную и непрерывную сферу разума и этики в поляризованную, простую форму присутствия/отсутствия – сознание есть или нет... точно так же, как это делал Декарт» (p. 149), тем самым усиливая имплицитно картезианский дуализм разума-природы. Хотя такие аргументы могут быть эффективными для расширения класса существ, считающихся достойными этического рассмотрения, они предполагают весьма проблематичное и исключительно современное разделение существ на тех, которых *потреблять* можно, и тех, которые достойны *уважения*. В анализе Пламвуд, «отказ допустить, чтобы что-либо нравственно значимое онтологизировалось как съедобное или полезное, приводит к глубокому отказу от экологичности существования этих существ, поскольку все живые существа с экологической точки зрения являются пищей для некоторых других существ» (p. 156). Кроме того, в переводе на уровень ландшафта это разделение на использование/уважение приводит к изоляции отдельных территорий под видом «первозданной дикой природы» и одновременному предоставлению возможности беспощадной эксплуатации остальных территорий, будь то в виде добычи полезных ископаемых, захоронения отходов или интенсивного производства продовольствия. В Австралии, где национальные парки по определению являются «местными», а животные и растения, выращиваемые для питания на фермах, являются почти исключительно «экзотическими», это привело в дальнейшем к тревожному последствию: отказу со стороны господствующей культуры поселенцев «от участия в земле», как говорит Фрея Мэтьюс¹, «от стремления «познать» ее в плотском смысле» (p. 41). Хотя очевидно, что некоторые местные растения и животные потреблялись поселенцами Австралии в периоды острой нехватки продовольствия в молодой исправительной колонии в Ботаническом заливе в течение большей части XIX века, практически ничто из этого не стало основой англо-австралийской кухни. К 1900 году, с появлением новых сортов пшеницы, лучше приспособленных к условиям Австралии, открытием и эксплуатацией Большого Артезианского бассейна и постоянно возрастающее использование

¹ Фрея Мэтьюс (Freya Mathews) – австралийский философ-энвайронменталист, просветитель, автор множества книг по проблемам экологии и эпистемологии, политики и т.д.. (прим. переводчика).

удобрений, биоцидов и тяжелых машин, в Австралии действительно началось промышленное производство продовольствия, нацеленное на поставку именно тех продовольственных товаров, которые еще недавно ввозились с других континентов на забитых до отказа кораблях Первого флота (Symons, 2007). Как отмечает Мэтьюс, «наши колониальные предки принесли с собой весь свой биологический и, следовательно, диетический запас растений и животных». Они прибыли сюда, образно говоря, в европейском Ноевом ковчеге, и мы для достижения всех практичных нужд остались на этом корабле обеспечения» (р. 41). Австралийцы-поселенцы, которым не только кулинарные предпочтения, но и расовые предрассудки мешали ассимилировать пищевую культуру тех народов, чьи земли они забрали для своих собственных западноевропейских целей, были в значительной степени неспособны охватить местные геокультурные ландшафты в качестве питательной базы, сведя их до одного измерения: либо прибыльного «сырья», либо живописного «пейзажа».

Однако в течение последнего десятилетия или около того эта колониальная и колонизирующая граница между использованием/уважением начала нарушаться различными многообещающими способами. Поскольку национальные парки все чаще находятся под совместным управлением с коренными обитателями Австралии, посетителям предлагается испытать такие места не как «дикую природу», а как «страну», многомерную человеческую родину, где признание родства было всегда объединено с уважительным отношением к потреблению других нечеловеческих существ. В то же время с расширением практики более разумного землепользования в сельском хозяйстве многие австралийские фермеры пытаются найти способы сочетания коммерческих и экологических принципов. Действительно, для некоторых типов ландшафтов, особенно в редколесье или в травянистых лесах, интеграция принципов сохранения и производства через границу уважения к использованию имеет решающее значение для выживания многих видов (Manning, 2009). Действительно, для некоторых типов ландшафтов, особенно в редколесье или в травянистых лесах, интеграция принципов сохранения и производства через призму уважения/использованию имеет решающее значение для выживания многих видов (2009). После успеха телесериала «*Выживание в буше*» (Bush Tucker Man), который впервые вышел в эфир на канале ABC в конце 1980-х гг., некоторые предприимчивые фермеры также начали выращивать местные виды пищи (Bush Tucker on a Commercial Scale,

2009). В наши дни вы можете даже купить мясо кенгуру в некоторых австралийских супермаркетах.

Однако, когда речь идет об этике питания, решающее значение имеет контекст. Потребление мяса кенгуру, семян акации¹ и новозеландского шпината², не говоря уже о мигрирующих бабочках, само по себе недостаточно для деколонизации австралийского рациона питания. Это может просто означать перемещение в сферу потребления продуктов, считавшихся ранее значимыми, презируемыми или просто игнорируемыми. Существуют также сложные социальные вопросы, связанные с «расой» и классом, в отношении того, кто и от чего в действительности получает выгоду от потребления.

Это нашло свое отражение в романе 2003 г. известной канберрской писательницы Мэрион Халлиган, о которой я писал ранее в другом месте (Rigby, 2007). Его название *The Point* относится к вымышленному ресторану на не менее вымышленном мысе Канберрского озера Берли Гриффин, который является центральным локусом и тропологическим центром повествования Халлиган. Известный как лучший ресторан в городе, «The Point» обслуживает в основном влиятельных бизнесменов, политиков, дипломатов, журналистов и других высококвалифицированных профессионалов – закрытый мир привилегированного населения столицы. Это, как отмечает рассказчик, «те, кто владеет и, возможно, те, кем владеют. Снаружи – лишённые всего». Основанный на одном из замечательных рисунков Мэрион Махони Гриффин³, сделанных для ее мужа, ставшего лауреатом Федерального столичного конкурса 1911 г., The

¹ Австралийские аборигены, да и некоторые современные австралийцы употребляли в пищу семена, точнее бобы различных акаций (wattle seeds) и прежде всего *Acacia murrayana* и *Acacia victoriae*, культивирование которых все чаще начинает принимать промышленные масштабы в виду их полезных пищевых свойств (прим. переводчика).

² Шпинат новозеландский – пищевое растение (warrigal greens) – *Tetragonia tetragonoides* (прим. переводчика).

³ Мэрион Махони Гриффин – Marion Mahony Griffin (1871 – 1961) – американский архитектор и дизайнер. Она была одной из немногих первых женщин-архитекторов, получивших признание общественности и специалистов за свои проекты. Вместе со своим мужем Уолтером Бёрли Гриффином (Walter Burley Griffin, 1876 – 1937) они сделали очень много для формирования современного облика Канберры. Мэрион Махони и Уолтер Бёрли принадлежали к архитектурному направлению, получившему условное название «Школа прерий», стилистика архитекторов этой школы вобрала в себя некоторые традиции индейской архитектуры в сочетании с тенденциями строительства, характерными для конца XIX в. Однако это название весьма условно, как и соотносённость архитектурных стилей этой школы с тенденциями строительства жилья у индейцев прерий. В большей степени они находились под влиянием архитектуры индейцев Юго-запада – пуэбло и т.д. Архитектурный стиль индейцев пуэбло, для которого характерны горизонтальные прямые линии. Для многих проектов «Школы прерий» было характерно стремление вписать здание в окружающий ландшафт, создать некоторую гармонию между природным ландшафтом и архитектурой (прим. переводчика).

Point представляет собой восьмиугольное здание, семь из восьми стен которого выполнены полностью из стекла. Ночью, когда ресторан освещается, как фонарь, «обездоленные видят себя и тех, кто внутри; а те, кто внутри – только себя». Для посетителей ресторана, стеклянные стены функционируют как зеркало, так что они «видят только себя» (pp. 1-2). Блюда, приготовленные здесь инновационным шеф-поваром Флорой Маунт, также являются космополитными и, безусловно, постмодернистскими. Они включают такие китчевые блюда 60-х гг., как *устрицы Рокфеллера* и *котлеты по-киевски*, переосмысленные и поданные в провокационной форме, а также еще недавно привычные для рабочего класса блюда, как рубец, теперь выступают в качестве экзотического деликатеса. В меню также присутствуют личинки бабочек-древоточцев¹, типичный пищевой продукт в курсах по выживанию в буше. Однако это удивительное включение не обязательно свидетельствует об уважении традиций и био-региональных особенностей коренных народов: наоборот, оно лишь демонстрирует, что для Флоры и ее космополитной публики постмодернистское произведение кулинарного искусства теперь можно сделать из чего угодно. Однако ближе к концу романа Флора привносит новую политическую повестку дня в свои кулинарные подвиги под видом «добродетельной глобализации» (p. 267), представленной движением «слоу фуд»². Именно в то время, как она размышляет о своем вкладе в предстоящий ужин в стиле «слоу фуд», происходит трагичная развязка романа, вызванная неожиданным вторжением в элегантный космополитный и исключительно человеческий мир ресторана «The Point» презренного существа, нечеловеческого, но «туземца» – несчастной бабочки, влетевшей в эту ночь в ее кухню через окно. Вспоминая праздники коренных жителей Камберри, Флора решила, что пирожные из совки будут идеальным выбором, чтобы добавить местный колорит в ее эклектичное меню, и собирается поймать других мотыльков, которые последовали за первым. Однако ее второсортных знаний недостаточно, и, по иронии судьбы, у нее совсем нет времени. В спешке она совершает роковую ошибку. Камень, который она берет с собой, чтобы поджарить своих

¹ Witchetty grubs – личинки ночной бабочки *Endoxyla leucomochla* из семейства древоточниц (Cossidae). Личинки этой бабочки питаются преимущественно корнями некоторых видов акаций (*Acacia kempaeana* и др.) (прим. переводчика).

² Движение «слоу фуд» (досл. англ. «медленная еда») зародилось в Италии в противовес глобализирующейся кухне и тенденциям доминирования «фастфуда», т.е. «быстрой еды», основанной на приготовлении полуфабрикатов. Сторонники «слоу фуда» в Италии делали ставку на национальные традиции итальянской кухни. Оно было направлено на поддержание туристического сегмента экономики Италии, нуждавшегося в развитии всего национального и исключительно местного (прим. переводчика).

совок – это речной камень – пережиток прошлых времен – взрывается при его нагревании, вызывая пожар, который убивает повара и разрушает ресторан, а также наносит увечья бездомной девочке-подростку, спящей снаружи.

Катастрофические последствия проекта Флоры Маунт по производству пирожных из мотыльков, осуществляемого в отсутствие обучения со стороны аборигенов и в интересах преимущественно некоренной городской элиты, могут рассматриваться как символ ложного согласия: хотя у действия и были хорошие намерения, но оно больше напоминало присвоение, чем деколонизацию.

ЕДА ДЛЯ ДРУГИХ

Но это не обязательно должно быть так случиться. Создание кулинарной культуры вкушения изысков коренных народов тех мест, где мы проживаем, с умением поддерживать процветание разных существ, а не только человеческую жизнь, и гармоничном общения с теми, чьи предки так умело поддерживали это равновесие в прошлом, стало бы важным шагом на пути к примирению как между коренными народами и поселенцами Австралии, так и между последними и землей. Учитывая гораздо большее количество людей, которые сейчас населяют южные высокогорья, то, конечно, возможно только ограниченное употребление совок, при том что все будут иметь справедливую долю. И все же я уверена, что если бы мы ценили их как пищу, то гораздо больше беспокоились бы о нынешнем состоянии этих насекомых.

С одной стороны, если бы мы жили или работали на пути их миграций, мы бы убедились, что мы выключили наши огни, как, по сообщениям, научились делать парламентарии Канберры, покидая свои офисы (тем самым также уменьшая счета за электричество, субсидируемые налогоплательщиками, так и выбросы парниковых газов «дома народов»¹ (McCormick, 2006, p. 10). Во-вторых, мы, несомненно, подняли бы тревогу по поводу сокращения численности мигрирующих совок. Хотя причины этого упадка остаются неясными, явными причинами этому могут быть вырубки местной растительности в местах их размножения, а также широкое использование биоцидов на возделываемых землях, которые, вероятно, вытесняют их (Keaneу, 2009). Промышленное производство продуктов питания, предпочитаемых поселенцами и, возможно, других прибыльных растений в местах размножения богонгов также,

¹ Имеется в виду здание парламента (прим. переводчика).

по-видимому, представляет даже большую угрозу, чем сами мотыльки. Авторы статьи, опубликованной в 2001 году (Green & et al., 2001) сообщают, что повышенный уровень мышьяка, обнаруженный в местах вымывания воды из тех пещер, где богонги проводили эстивацию в течение лета, указывали на то, что мотыльки переносили яд в Альпы. Кроме того, мышьяк был также обнаружен в фекалиях млекопитающих, которые питались ими, в том числе летучих мышей и горных карликовых опоссумов, уже находящихся под угрозой исчезновения. Источником этого мышьяка вполне могли быть скопления в почве, наследие его прежнего использования в пестицидах, а также в инсектицидах и фунгицидах, которыми фермеры долин обрабатывают свой крупный рогатый скот и овец: история богонгов раскрывает связи во времени и пространстве. Авторы отмечают, что инсектицид на основе мышьяка по-прежнему патентован для сельскохозяйственного использования в Новом Южном Уэльсе в виде гидрометиларсената натрия (MSMA). Согласно McCormick (p. 11), MSMA в основном используется в хлопководстве в качестве послевсходового гербицида: еще одна веская причина, по всей видимости, сокращения масштабов этой водоемкого производства и предпочтения органических закупок (хотя в настоящее время это означает – не закупку австралийского (Organic cotton: Reduce your impact one t-shirt at a time, 2009). Наконец, если мы хотим в будущем иметь возможность присоединиться к пиршеству и вкушать богонгов наравне с другими живыми существами, как только мы озеленим и детоксифицируем их региональные гнездовые угодья, нам нужно будет еще сделать все возможное, чтобы обеспечить адекватные меры по смягчению последствий изменения климата во всем мире: если эти потоки воздуха, идущие вдоль альпийских склонов, станут слишком теплыми, богонгам негде будет найти убежище от жары летом.

Учитывая многочисленные угрозы богонгу, включая мышьяк, который эти упертые твари в настоящее время несут в своих жирных брюшках, кажется, что мы не сможем научиться любить их как регулярную часть нашего собственного рациона, по крайней мере, в настоящее время. К сожалению, богонгу также не хватает потенциально компенсаторной харизмы, которая позволила другим видам, наиболее известным из которых является белый медведь, стать привлекательной картинкой для сохранения и смягчения последствий изменения климата. Тогда, возможно, лучший шанс для богонгов – это быть почитаемыми в качестве пищи не столько для нас самих, сколько для других, как людей, так и других существ, какими они

были в течение долгих веков в прошлом; какими они остаются для некоторых нечеловеческих существ и сегодня; и какими они еще могут стать для наших собственных потомков, в компании с разнообразием других хищников, в настоящее время едва мыслимом, глубоко устойчивом будущем.

ПАРЛАМЕНТСКИЙ ПОСТСКРИПТУМ

Переломив тенденцию к сокращению численности, весна 2009 г. вновь стала небывалым годом для богонгов в Канберре. В свете предостерегающего рассказа Халлиган, а также ввиду якобы высокого содержания мышьяка в бабочках, я испытала смешанные чувства, узнав, что один предприимчивый ресторатор в Канберре рыскал по парламентским кабинетам, ловя их сачком для своей кафешки (Yaxley, 2009). Размышляя о возвращении богонгов в огромном, неуправляемом количестве в здание парламента, я вдруг прихожу к мысли, что их следует рассматривать не просто как жертв, соблазненных городскими огнями, но вместо этого их можно приветствовать как неумышленных лоббистов: прятаясь между страницами «Хансарда»¹, нарушая столь-важные-человеческие² дела и заставляя даже скептиков изменения климата помнить о том, что необходимо выключать свет ночью, не могли бы они действовать, хотя и невольно, как эмиссары из мира, отличного от человеческого, который больше не собирается мириться с тем, что его отодвинули на задний план, будь ради декорации или в качестве ресурсов? Политический репортер ABC, Луиза Яксли, которая пережила пятнадцать «нападений» богонгов на парламент, комментируя миграцию 2009 г., так описывает новую чувственность в Канберре:

«В этом здании во времена миграции бабочек время от времени раздаётся шлепающий звук, когда насекомое на полной скорости врезается вам в спину или даже в лицо. Есть даже созерцательные моменты, когда вы всматриваетесь в крошечное личико, появившееся на вашем столе, очевидно, в попытке инициировать какое-то

¹ Хансард – так называются публикации стенограмм парламентских дебатов британского парламента. Названы так по имени Томаса Хансарда (1776 – 1833), одного из первых издателей, кто начал печатать парламентские документы. Первоначально это не были стенограммы в буквальном смысле этого слова, а лишь цитаты и пересказы парламентских дебатов, собранные из разных источников, и Хансард однажды даже попал в тюрьму за подобную практику. Но позднее это уже стали подробные и точные стенограммы, а на всех изданиях стояло имя Хансарда. Это название распространилось и на все официальные документы, печатаемые в других парламентах Содружества: Канаде, Австралии и Новой Зеландии (прим. переводчика).

² «The human-all-too-human business» – ироничный парафраз книги Ф. Ницше «Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов» (англ. Human, All Too Human) (прим. переводчика).

межвидовое общение. ... Таким образом, в течение нескольких недель в доме парламента весной есть живая, хлопающая связь с местной культурой в этом регионе – событием, когда прибытие насекомых было питательным после зимы подбери-меня-событием. ... Это странная привилегия оказаться местом остановки в их ежегодном путешествии в снежные горы, но мне нравится их визит. Я приветствую их общество и оплакиваю всех их павших.

Несмотря на то, что они до сих пор были ненавистны в культуре австралийских поселенцев, мне нравится воображать, что эти темнокожие незваные гости теперь действуют как своего рода авангард, подталкивая нас к давно назревшей инаугурации более инклюзивного парламента, который будет стремиться править в интересах не только человеческих граждан, но и всех существ» (Serres, 1995)

Список литературы

- Athletes given swarm reception.* (2000, September 23). Retrieved from BBC Sport On-line: <http://news.bbc.co.uk/sport2/hi/olympics2000/athletics-track/938449.stm>
- Bogong Moths.* (2009, September 28). Retrieved from Basin Kids. Murray Darling Basin Commission: http://kids.mdbc.gov.au/encyclopedia/wildlife/invertebrates/bogong_moth
- Bogongs Migrating South.* (2002, November 14). Retrieved from Scribbly Gum, ABC Science Online: <http://www.abc.net.au/science/scribblygum/november2002>
- Bush Tucker on a Commercial Scale.* (2009, September 29). Retrieved from Landcare Online. Landcare Australia: http://www.landcareonline.com/case_study.asp?cID=163
- Dobell, G. (2010, October 4). *Aussie Bogongs, Pommie Mice.* Retrieved from The Interpreter: <http://www.lowyinterpreter.org/post/2010/04/12/Aussie-bogongs-Pommy-mice.aspx>
- Dover, B. (1991). *Save the Animals! 101 Easy Things You Can Do.* North Ryde: HarperCollins.
- Flood, J. (1980). *The Moth Hunters: Aboriginal Prehistory of the Australian Alps.* Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies.
-

- Gale, J. (1927). *Canberra: History of and Legends Relating to the Federal Capital Territory of the Commonwealth of Australia*. Queanbeyan: A. M. Pallick & Sons.
- Gammage, B. (2002). *Australia under Aboriginal Land Management. Fifteenth Barry Andrews Memorial Lecture*. Canberra: University College, ADFA.
- Green, K., & et al. (2001). Long distance transport of arsenic by migrating Bogong moths from agricultural lowlands to mountain ecosystems. *The Victorian Naturalist*(118), 112–116.
- Halligan, M. (2003). *The Point*. Crows Nest: Allen and Unwin.
- Herbison-Evans, D., & Crossley, S. (2011, May 14). *Agrotis infusa*. Retrieved from <http://lepidoptera.butterflyhouse.com.au/noct/infusa.html>
- Jackson-Nakano, A. (2001). *The Kanberri. A History from the Records of Aboriginal Families in the Canberra-Queanbeyan District and Surrounds 1820-27, and Historical Overview 1928-2001. Weereewaa History Series (Vol. 1)*. Canberra: Aboriginal History.
- January 2009 Heatwave in Victoria. (2009, May 4). Retrieved from Chief Health Officer, Victoria, Australia: <http://www.health.vic.gov.au/chiefhealthofficer/publications/heatwave.htm>
- Keaney, B. (2009). *Bogong Moth*. Retrieved from ACT GreenGuide: http://act.greenguide.net.au/Bogong_Moth
- Linden, J. (2009, January 28). *Heatwave causes havoc at Australian Open*. Retrieved from Reuters: <http://www.reuters.com/article/sportsNews/idUSTRE50R0W720090128>
- Manning, A. D. (2009). Scattered trees are keystone structures—Implications for Conservation. *Biological Conservation*(132), 311-321.
- Mathews, F. (1994). Carnal Legacies. In L. Cosgrove, & et al (Eds.), *Terra Incognita* (pp. 37-46). Carlton: Melbourne UP.
- McCormick, B. (2006). Bogong Moths and Parliament House. In *Research Brief, Parliament of Australia, Department of Parliamentary Services (18 December 2006, No. 6)*. Canberra: Parliamentary Library.
- Organic cotton: Reduce your impact one t-shirt at a time*. (2009). Retrieved from Greenhome: ACF online: http://www.acfonline.org.au/articles/news.asp?news_id=1921
- Plumwood, V. (2002). *Environmental Culture: The Ecological Crisis of Reason*. London: Routledge.

- Rigby, K. (2007). *Ecopoetics of the Limestone Plains*. In C. A. Cranston, & R. Zeller (Eds.), *The Littoral Zone. Australian Contexts and their Writers* (pp. 153-175). Amsterdam: Rodopi.
- Rose, D. B. (1996). *Nourishing Terrains: Australian Aboriginal Views of Landscape and Wilderness*. Canberra: Australian Heritage Commission.
- Serres, M. (1995). *The Natural Contract*. (E. MacArthur, & W. Paulson, Trans.) Ann Arbor: U of Michigan P.
- Singer, P. (1996). *Animal Liberation*. In R. Garner (Ed.), *Animal Rights: The Changing Debate* (pp. 7-18). Basingstoke: Macmillan.
- Symons, M. (2007). *One Continuous Picnic: A Gastronomic History of Australia*. Carlton: Melbourne UP.
- Yaxley, L. (2009, October 28). *Bogong tour 09 takes over Parliament House*. Retrieved from ABC News: <http://www.abc.net.au/news/stories/2009/10/28/2726474.htm>

References

- Athletes given swarm reception*. (2000, September 23). Retrieved from BBC Sport On-line: <http://news.bbc.co.uk/sport2/hi/olympics2000/athletics-track/938449.stm>
- Bogong Moths*. (2009, September 28). Retrieved from Basin Kids. Murray Darling Basin Commission: http://kids.mdbc.gov.au/encyclopedia/wildlife/invertebrates/bogong_moth
- Bogongs Migrating South*. (2002, November 14). Retrieved from Scribbly Gum, ABC Science Online: <http://www.abc.net.au/science/scribblygum/november2002>
- Bush Tucker on a Commercial Scale*. (2009, September 29). Retrieved from Landcare Online. Landcare Australia: http://www.landcareonline.com/case_study.asp?cID=163
- Dobell, G. (2010, October 4). *Aussie Bogongs, Pommie Mice*. Retrieved from The Interpreter: <http://www.lowyinterpreter.org/post/2010/04/12/Aussie-bogongs-Pommy-mice.aspx>
- Dover, B. (1991). *Save the Animals! 101 Easy Things You Can Do*. North Ryde: HarperCollins.
- Flood, J. (1980). *The Moth Hunters: Aboriginal Prehistory of the Australian Alps*. Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies.

- Gale, J. (1927). *Canberra: History of and Legends Relating to the Federal Capital Territory of the Commonwealth of Australia*. Queanbeyan: A. M. Pallick & Sons.
- Gammage, B. (2002). *Australia under Aboriginal Land Management. Fifteenth Barry Andrews Memorial Lecture*. Canberra: University College, ADFA.
- Green, K., & et al. (2001). Long distance transport of arsenic by migrating Bogong moths from agricultural lowlands to mountain ecosystems. *The Victorian Naturalist*(118), 112–116.
- Halligan, M. (2003). *The Point*. Crows Nest: Allen and Unwin.
- Herbison-Evans, D., & Crossley, S. (2011, May 14). *Agrotis infusa*. Retrieved from <http://lepidoptera.butterflyhouse.com.au/noct/infusa.html>
- Jackson-Nakano, A. (2001). *The Kanberri. A History from the Records of Aboriginal Families in the Canberra-Queanbeyan District and Surrounds 1820-27, and Historical Overview 1928-2001. Weereewaa History Series (Vol. 1)*. Canberra: Aboriginal History.
- January 2009 Heatwave in Victoria. (2009, May 4). Retrieved from Chief Health Officer, Victoria, Australia: <http://www.health.vic.gov.au/chiefhealthofficer/publications/heatwave.htm>
- Keaney, B. (2009). *Bogong Moth*. Retrieved from ACT GreenGuide: http://act.greenguide.net.au/Bogong_Moth
- Linden, J. (2009, January 28). *Heatwave causes havoc at Australian Open*. Retrieved from Reuters: <http://www.reuters.com/article/sportsNews/idUSTRE50R0W720090128>
- Manning, A. D. (2009). Scattered trees are keystone structures— Implications for Conservation. *Biological Conservation*(132), 311-321.
- Mathews, F. (1994). Carnal Legacies. In L. Cosgrove, & et al (Eds.), *Terra Incognita* (pp. 37-46). Carlton: Melbourne UP.
- McCormick, B. (2006). Bogong Moths and Parliament House. In *Research Brief, Parliament of Australia, Department of Parliamentary Services (18 December 2006, No. 6)*. Canberra: Parliamentary Library.
- Organic cotton: Reduce your impact one t-shirt at a time*. (2009). Retrieved from Greenhome: ACF online: http://www.acfonline.org.au/articles/news.asp?news_id=1921
- Plumwood, V. (2002). *Environmental Culture: The Ecological Crisis of Reason*. London: Routledge.

- Rigby, K. (2007). *Ecopoetics of the Limestone Plains*. In C. A. Cranston, & R. Zeller (Eds.), *The Littoral Zone. Australian Contexts and their Writers* (pp. 153-175). Amstersdam: Rodopi.
- Rose, D. B. (1996). *Nourishing Terrains: Australian Aboriginal Views of Landscape and Wilderness*. Canberra: Australian Heritage Commission.
- Serres, M. (1995). *The Natural Contract*. (E. MacArthur, & W. Paulson, Trans.) Ann Arbor: U of Michigan P.
- Singer, P. (1996). *Animal Liberation*. In R. Garner (Ed.), *Animal Rights: The Changing Debate* (pp. 7-18). Basingstoke: Macmillan.
- Symons, M. (2007). *One Continuous Picnic: A Gastronomic History of Australia*. Carlton: Melbourne UP.
- Yaxley, L. (2009, October 28). *Bogong tour 09 takes over Parliament House*. Retrieved from ABC News: <http://www.abc.net.au/news/stories/2009/10/28/2726474.htm>

ВÓРОНЫ ЗА ИГРОЙ¹

Роуз Дебора Бёрд (а), Кук Стюарт (b) и Ван Дорен Том (с)

(а) Университет Маккуори. Balaclava Rd, Macquarie Park NSW 2109, Австралия.
E-mail: nomail[at]nomail.com

(b) Университет Маккуори. Balaclava Rd, Macquarie Park NSW 2109, Австралия.
E-mail: stuart.cooke[at]griffith.edu.au

(с) Университет Нового Южного Уэльса. Sydney NSW 2052, Австралия.
E-mail: thom.van.dooren[at]gmail.com

Перевод с английского: Тайсина Эмилия Анваровна, ФГБОУ ВО "Казанский государственный энергетический университет". 420066 Россия, Респ. Татарстан, Казань, Красносельская ул., 51кД.
E-mail: emily_tajsin[at]inbox.ru

Аннотация

«Мы ехали через Долину Смерти, американо-австралийка и два коренных австралийца, по живописному маршруту из Лас Вегаса в Санта Крус».

Этот многоголосый отчет о множестве видов живых существ, встречающихся по дороге, есть некий интеллектуальный вызов шуточного и юмористического рассказа, который является вместе с тем очень серьезным и теоретически провокационным. Путешествия привели в такую местность, которую Донна Харауэй называет зоной контакта: сферой взаимного признания и реагирования. Территория контакта – это место важных вопрошаний: «Кто вы и кто тогда мы? Вот мы, и, стало быть, кем мы должны стать?» События были всем в этой экологии игры, в которой движения всех акторов включали материальное поле во всей его полноте: танцы приближения и отстранения, танцы, возникающие непосредственно, перефразируя Брайана Массуми, из динамического отношения между мириадами заряженных частиц.

Ключевые слова

Межвидовые штудии; Донна Харауэй; койоты; вороны

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution – Non Commercial – No Derivatives»](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

¹ Редакция Журнала Фронтирных Исследований выражает благодарность издательству UTS ePRESS и авторам за предоставление права на перевод и публикацию статьи Rose, D. B., Cooke, S. & Van Dooren, T. (2011). Ravens at Play. *Cultural Studies Review*, 17(2), 326-343. Doi: 10.5130/csr.v17i2.2224

RAVENS AT PLAY¹

Deborah Bird Rose (a), **Stuart Cooke** (b) и **Thom van Dooren** (c)

(a) Macquarie University. Balaclava Rd, Macquarie Park NSW 2109, Australia.
E-mail: nomail[at]nomail.com

(b) Macquarie University. Balaclava Rd, Macquarie Park NSW 2109, Australia.
E-mail: stuart.cooke[at]griffith.edu.au

(c) University of New South Wales. Sydney NSW 2052, Australia.
E-mail: thom.van.dooren[at]gmail.com

Translator: Emilia Anvarovna Taysina. Kazan State Energy University. 51kd, Krasnoselskaya str., Kazan, Tatarstan Republic, Russia, 420066. E-mail: emily_tajsin[at]inbox.ru

Abstract

‘We were driving through Death Valley, an American-Australian and two Aussies, taking the scenic route from Las Vegas to Santa Cruz.’

This multi-voiced account of multispecies encounters along a highway takes up the challenge of playful and humorous writing that is as well deeply serious and theoretically provocative. Our travels brought us into what Donna Haraway calls the contact zone: a region of recognition and response. The contact zone is a place of significant questions: ‘Who are you, and so who are we? Here we are, and so what are we to become?’ Events were everything in this ecology of play, in which the movements of all the actors involved the material field in its entirety. We were brought into dances of approach and withdrawal, dances emerging directly, to paraphrase Brian Massumi, from the dynamic relation between a myriad of charged particles.

Keywords

Multispecies studies; Donna Haraway; coyotes; ravens

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution – Non Commercial – No Derivatives 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

¹ The editors of the JFS are grateful to UTS ePRESS publisher and authors for granting the permission to translate and publish the article Rose, D. B., Cooke, S. & Van Dooren, T. (2011). Ravens at Play. *Cultural Studies Review*, 17(2), 326-343. Doi: 10.5130/csr.v17i2.2224

ДЕББИ: В ДОРОГЕ

Мы ехали через Долину Смерти, американо-австралийка и два коренных австралийца, по живописному маршруту из Лас Вегаса в Санта Крус. Долина Смерти является частью Пустыни Мохаве, которая простирается от Невады до Восточной Калифорнии. Был март 2009. Некоторые полевые растения стояли в цвету – в основном мальва и маргаритки. Полынь недавно уже завершила свою блистательную желтую феерию. Бабочки с крылышками в шашечку были повсюду среди полыни; через открытые равнины ярко-оранжевые бабочки привлекли наши взгляды; их блики венчали эту местность и нас. Их оживленная активность придала жизнерадостный заряд энергии стране, краски которой тяготели к строгой и впечатляющей гамме цветов песка, глины и шалфея, прошитых пятнами зеленого и серебряного. Том вел машину, а я была рада отдаться гипнозу.

Мили и мили по заросшим равнинам, и всегда мы были окружены выгоревшими складчатыми горами, и всё время что-то происходило. Если это были не бабочки, то значит, сильнее изменялась местность. И время от времени появлялись другие живые существа. Два ворона низко летели над зарослями по правую руку от нас, один сталкиваясь с другим повыше в воздухе. Мы с любопытством рассуждали о весеннем времени в этой долине, о гнездах, игривых толчках и оживленных столкновениях. Мы ехали, и мы уехали, прежде чем могли сделать что-то больше, чем поглядеть и порассуждать.

Затем мы увидели знак, изображающий человеческую ладонь и пёсью пасть. Пересекая эту иконографику, изображающую кормление, там был круг и поперечная линия, означавшая «нельзя». Они говорили о койотах или ночных лисах? Водились ли там дикие собаки? Они имели в виду только то, что мы не должны кормить их с рук, или предостерегали, чтобы мы не делились пищей с животными вообще? Очень скоро мы узнали, что знак не был поддельным. Машина впереди нас остановилась, и когда она снова двинулась, мы увидели, что к ней приблизился койот. Теперь настала наша очередь. В самом деле, по середине дороги передвигался койот, не то чтоб не замечая нас, но, напротив, довольно явно желая, чтобы мы подтянулись. Мы остановились, точно так же, как сделала машина до нас. Стюарт и я вышли на гудрон шоссе с нашими камерами, и койот виляющей походкой направился к нам, глядя на нас, широко раскрыв пасть, часто останавливаясь, чтобы мы сделали фотографии. Он подошел близко, возможно, на пару метров от передней части

машины. Уши торчком, хвост низко опущен, тело выражает доверие, а пасть, когда не широко открыта, спокойна и беззлобна. Конечно, разинутая пасть могла бы быть проявлением агрессии, но в то время она говорила мне: «еды» (Lehner, 1978). Все мы – и люди, и койот – держались на почтительном расстоянии друг от друга.

Стремление покормить его было всепоглощающим, но наша группа не пришла к полному согласию. Стюарт резонно и чутко указывал на отсроченные последствия вступления в отношения, которых мы не смогли бы поддерживать. Но я очень хотела оставить ему еды. Я была совершенно очарована возможностью побыть так близко к койоту. Ребёнком в Вайоминге я слышала, как они шумят, но никогда не сталкивалась нос к носу. Я хотела дать еды в знак благодарности – как дар именно этому парнишке, его жизненному выбору, его открытости случайной встрече. Стюарт сказал, что это ужасно безответственно, и что в долгосрочной перспективе в этом подарке не будет ничего щедрого. Мое сердце разрывалось, я спрашивала себя, не потворствовала ли своим собственным желаниям, или же существовала этика дарения, которая могла бы быть уместной в данном контексте. «Дар» Марселя Мосса обрушился на «гостеприимство» Жака Дерриды в моем желании придумать мгновенную отповедь в ответ на уверенность Стюарта.

К тому времени прибыла другая машина, и «конъюнктурный утилизатор», как его называют в технической литературе, койот, двинулся дальше, чтобы остановить другую группу, без сомнения, повторяя свой репертуар встречи и обращения.

Мы уехали, беседуя о работе Донны Харауэй, посвященной неожиданным встречам в мультимедийных средах. Мы возвращались с большого совещания и направлялись в Санта-Крус на семинар с Харауэй, Анной Цинь и их коллегами. Работа Харауэй была свежа в нашей памяти. Она доказывает, что уместным этическим вопросом, касающимся людей и животных, может быть такой: хотят ли они включаться в коммуникацию и взаимное реагирование, и с какими последствиями для кого? Мы не сомневались, что к нам обратились; то, что мы не смогли полностью договориться о соответствующем ответе, также имело значение. Мы предположили, что койот был накормлен, потому что знак предупредил нас, что он мог бы быть. Мы были странниками в материально-семиотическом поле, которое включало знак, дорогу, машину, койота и страну. Поле моей встречи включало мое воплощенное я: существо из материальной плоти, которое жаждало сделать подношение трепещущей жизненности этого храброго существа.

Я понимала, что разные люди будет по-разному встречать этого койота. Наша доброжелательность не собиралась распространяться на всех. Когда я был ребенком, эти существа назывались кай-оутами (в рифму с рангоутами), и этот термин часто был полон неуважения. Их считали душегубами овец, и ненавидели. Как я позже узнала, по всей Северной Америке койотов стреляли, травили, ловили, обманывали, заманивали в ловушки и мучили. У них была густая шерсть на темени, и, как известно, в период с 1916 по 2007 год шесть с половиной миллионов койотов были убиты. В 2008 году было убито девяносто тысяч. Большинство из этих убийств были по распоряжению скотоводов (Fox, 2009) (Fox & Parouchis, 2005). Хотя в то время я не думала об этих фактах, неотвязчивым воспоминанием стала наша недавняя встреча с женщиной позади на дороге. Там шли дорожные работы, и она держала в руках знак с указанием остановиться. Еще один знак предупреждал нас, что мы можем прождать минут двадцать, поэтому я вышла из машины, чтобы поболтать с ней. Предмет охоты приблизился к нам, и она сказала мне, что ее заветная цель в жизни состоит в том, чтобы сделать «пыльник» для себя из шкур койотов, которых она подстрелила¹.

О чем думал этот парнишка на дороге? Койоты наверняка должны знать, что некоторые люди – убийцы, так же, как они должны знать, что большинство людей не убивают койотов. Этот парень, казалось, думал, что местность была безопасна; что в национальном парке его не застрелят хладнокровно. Однако даже здесь он в конце концов может оказаться слишком близко или укусить руку, которая была настолько глупой, чтобы приблизиться к его пасти. Он может затормозить грузовик с вооруженными людьми и накликать на себя смертоносный ответ от негодяев. Или он сам может приобрести репутацию мошенника и стать подходящей мишенью. Что мне понравилось, так это его дерзость – его отважный и уверенный выбор: открыто приближаться к машинам и обращаться к людям, чтобы инициировать встречи в том месте, что Харауэй называет зоной контакта: сферой признания и реагирования. Мы знали, что находимся в богатом пространстве. Мэри Луиза Пратт писала о зоне контакта как о месте межкультурной встречи, связывая ее с дневниками путешествий, колонизацией, признанием, обменом и динамикой власти (Pratt, 1992). Джеймс Клиффорд, еще один коллега из Санта-Крус, которого мы надеялись посетить, также работал с этим термином в контексте путешествий, столкновений и власти (Clifford, 1997). Харауэй помещает анализ зон контакта в мультимедийные

¹ Длинное свободное пальто.

царства и ставит важные вопросы о воплощенном, укорененном становлении: «Кто вы и кто тогда мы? Вот мы, и, стало быть, кем мы должны стать?» (Haraway, 2008, p. 221).

Лицом к лицу с койотом мы столкнулись с большой неопределенностью, и пока что оставили это как есть. Мы знали, что койоты являются ловкачами – и даже демиургами в некоторых космологиях североамериканских аборигенов, и мы думали, что парень, которого мы встретили, был чарующе, почти неотразимо умен. Его обращение к нам поднимало замысловатые вопросы о возможной реакции, и мы хотели подольше поразмышлять об этой встрече и о переплетенных жизнях людей и койотов. Однако прежде чем у нас нашлось больше возможности проделать это, мы были втянуты в столкновение с другими; с воронами, если быть точным, – соучастниками и известными соратниками койота в истории и экологии этой земли.

СТЮАРТ: ИГРА НА «ПЕРЕМЕТНОЙ СУМЕ КОЙОТА»

Мы направлялись на север через Долину Смерти, стремясь добраться до последнего кемпинга в парке. Когда мы приехали, мест уже не было. Единственный вариант, казалось – продолжать ехать на север, где мы надеялись найти подходящее место, чтобы спрятать машину и разбить лагерь на ночь. Мы планировали остановиться у кратера под названием Васо.

К тому времени, когда мы прибыли, было уже поздно, и нити солнечного света развеивались в остывающем воздухе. Перед нами лежал Васо огромным, темным жерлом. Мы вышли из машины, и порывистый ветер растолкнул нас в разные стороны.

Я поднимался к кольцу кратера. Слева от меня – зев; справа от меня расщелины, как черные шрамы, простирались до дна долины. Я пробыл в машине слишком долго и хотел размять ноги. Податливая земля под ногами; я, вероятно, взбирался по обсидиановой песчаной дюне.

Слышно было, как ветер веет вниз по долине к её устью. Кратеру Васо было всего две тысячи лет, но Тимбиша Шошоны считали его местом творения, известного как «Переметные Сумы Койота». Согласно знаку, это было место, «где люди возникли, чтобы распространиться в четырех направлениях по всей земле». Другими словами, это было место, где койот, самый хитрый из существ, собирал вещества, чтобы они могли объединиться и найти новые формы в последующих созданиях.

Взбираясь к краю, я стал замечать, как появляются и другие кратеры. Три, четыре или даже пять (не помню сейчас) извержений взметнули ударными волнами сухую почву, которая потом застыла и вскоре начала выветриваться. Несмотря на эти в некоторой мере предсказуемые, неловкие моменты ретроспективного переживания возвышенного, и благоговейного страха, который за этим последовал, я начал думать о том, как возникло пространство, чтобы наступили эти моменты. Не считая нас, вокруг Васо почти не было людей, но так было не всегда. Где были тимбиша шошоны? В конце концов, именно их выселение из этой страны позволило колонизирующим державам, а позже и таким туристам, как мы, следовать по их тропам. В 1933 году Служба национальных парков приказала им удалиться, – это было частью создания Национального памятника Долины Смерти (Tribe, 2009), – попытавшись разорвать невообразимо сложный ансамбль отношений между людьми и остальной этой местностью. Плотная населенная и богатая наречиями, она была закрыта федеральной политикой. Свидетельством прочности этих отношений является то, что шошоны решительно сопротивлялись исключению из федерального законодательства, пока в 1983 году племя не получило признания, а в 2000 году значительную земельную базу в соответствии с Законом о Родине Тимбиша. Однако ничего из этого информация на указателях парка не предоставила (нам пришлось зайти на собственный сайт народа шошонов, чтобы найти ее).

Я оглянулся: Том был маленькой черточкой на большом расстоянии; и я не знал, куда делась Дебби. Несмотря на то, что вот так бродить по округе было интересно, желание вернуться, сесть и поговорить об этом месте мало по малу росло. После погруженного уединения явилась податливая тяга к обществу. Я быстро стал спускаться по седловине между Васо и одним из его меньших кузенов.

Так, рысью вниз по песчаному уступу кратера... Я пропустил Тома на обратном пути, и теперь, где-то позади, он следовал за мной.

Вдалеке я заметил другую машину, припаркованную рядом с нашей. Я не мог видеть владельцев, но внутри были заперты два гавкающих кокер-спаниеля, бьющихся и сияющих пушистым золотом в последних солнечных лучиках. Когда я приблизился к ним, я вскоре понял, почему они так возбужденно-активны. Прямо рядом с машиной, стоящей на желобе, были два громадных ворона.

Вороны были неподвижны и черны, как самая плотная тяжесть. Они были покойны, как мудрецы, и отлично справлялись с тем, чтобы не замечать рычащий, пенный хаос из меха и зубов повыше, с

другой стороны окна машины. Мне показалось, что обе собаки отдали бы *всё*, чтобы пробиться через это стекло и начать преследование мелких нахалов по горячим следам на дороге внизу! Я хохотнул. Не было причин не посмеяться.

Но, смеясь, думаю, я забыл о себе. Я хотел, чтобы вороны узнали, что я оценил их поведение. Я приближался к ним со всем доброжелательством, какое один испытывает к другому, тому, который заставил его смеяться, думая, что, возможно, мы все вместе примем участие в забаве. Теперь я был всего в нескольких шагах от них; светлые отблески на их глазных белках были единственными признаками, которым удалось выделиться среди темных масс. Я сказал им что-то; ответа не последовало. Я сделал еще один шаг поближе.

Совершенно синхронно оба ворона отскочили на шаг. Собаки заголосили на октаву выше; вороны подскочили к переднему колесу машины и теперь почти не были видны собакам.

Я сделал еще один шаг к ним; они оба отпрыгнули одним коротким неуклюжим скачком еще на шаг.

Я сделал и еще один шаг; они прыгнули еще дальше. Они продолжали вести меня так же. Пространство между нами совсем не увеличивалось, но оно ни разу и не уменьшилось. Они как бы удерживали меня невидимым шестом.

Снова прыг-скок; теперь мы приближались к краю кратера, а машина и обезумевшие собаки остались позади нас. Я понимал, что со мной играют, и был полностью вовлечен в эту игру. Их загадка продолжала призывать меня, – вот это их решение сохранять дистанцию. Здесь таинственное было внутренне-необходимым и управляемым; тишина давно исчезла. То, что представлялось уединенным, трансцендентным чувством возвышенного перед огромной пропастью кратера было развлечено и рассеяно действиями двух шутников. Не промышляли ли вороны и койоты бок о бок? Охотник, разрывающий вскрытую плоть, оставляя остатки мусорщику; падальщик, легко ступая, обходящий следы охотника.

Я посмотрел назад. Я хотел поделиться этим с кем-то. Том приближался, улыбаясь. Теперь, имея аудиторию, я стал упорствовать. Я медленно шел к ним; вороны продолжали подсакивать и подпрыгивать. Я подошел к краю кратера, и они перепрыгнули через его границу, в сторону крутого обрыва. Ветер рвался из темной утробы Васо и разбивался о мое лицо холодными волнами. Я видел, как Том боролся с ним. Он был уже как там, на кромке, когда это случилось.

Они распахнули крылья. В одно мгновение они снарядами взлетели вверх вместе с ветром, чтобы закручиваться и кружиться над нами.

Хлестнул ветер, ринулся в небо. Он взрывался ударами и бросками. Но вороны, прямо над нами, спокойно кружили, прежде чем повернуться и спуститься двумя четкими линиями обратно на свои места на крутом обрыве.

Снова они раскрыли свои крылья, чтобы их подбросило. Вверх, как два выстрела. Они танцевали и скользили в угасающем полусвете. И снова они накренились к кратеру и спустились, элегантные как ножи, и осторожно примостились на край утеса. Я не знаю, сколько раз они оставляли нас внизу, когда вороны взмывали вверх, а затем приземлялись, драпируясь в эту семантическую функцию «Снова...»

Когда Дебби вернулась со своего насеста где-то внизу на боку кратера, мы забрались обратно в машину и уехали. Однако для воронов игра еще не закончилась: мы уезжали с того места, они следовали за нами и продолжали кружить над нашей машиной.

Позже, когда мы говорили об этом, нас поразило происхождение этого «снова», этого повторения. Где это началось? Как это я, а затем и Том, были втянуты в игру воронов? Что привлекло всех нас троих под шатер игры, когда вороны начали кружить над нашей машиной, уезжающей от кратера? Что нас поразило, так это сложность с точным указанием начала события или основного действующего лица в нем. Мы с Томом не были вовлечены с воронами в связь один-на-один; игра была не просто о нас и о них. Скорее, их игра происходила в очень сложном материально-семиотическом поле и как реакция на него.

Конечно, там еще были собаки, заключенные в машине как в ловушке. Но шалость возникла не просто потому, что вороны возбуждали собак, а потому, что собаки были *заперты* в машине *рядом* с воронами. Другими словами, осведомленность воронов относительно прочности стали и стекла позволила им стоять на расстоянии менее метра от двух крупных собак, не опасаясь за свою безопасность. Потом там был еще громкий, злобный лай собак, уж точно достаточный, чтобы вызвать беспокойство даже самого крупного животного. Вороны не уходили; наоборот, казалось, они были вполне довольны этим звуком, пока я не пришел. Они что, наслаждались им? Они его старательно добивались?

Мы уже видели, как они отреагировали на двух человеческих актеров в этой истории, которые образовали другие, более плотные элементы в данном материальном поле. Подобно тому, как сталь и

стекло автомобиля обеспечивали воронам защитный барьер между ними и собаками, их отскакивания от моих продвижений обеспечивали аналогичную защиту. В то же время, однако, они казались одинаково независимыми от вторжения двух людей; их решимость оставаться на минимально *возможном* расстоянии от нас, а не улететь в другую часть парка, предполагает не только храбрость, но и глубокое знание биомеханики человека (нашей скорости), а также уверенность в своих навыках (их способности скрыться). Как будто мы участвовали в чем-то вроде сценария, когда проследовали за ними к краю кратера, а они прыгнули в последнюю главу ткани этой истории – ветер.

Конечно, этим не завершилось. От машины с собаками до края кратера и до кружения над нашей собственной уезжающей машиной их игра продолжалась. В любой момент они могли потерять интерес к нам и лететь дальше, но они этого не сделали. Таким образом, был выявлен еще один элемент их игры, её *юмор*: что-то в их встрече с этим сложным полем собак, стали, людей и ветра, должно быть, заставило воронов *продолжать* свою игру. И нас также. Казалось неверным предположить, что даже вороны были главными действующими лицами в этой занятой истории. Опять-таки, трудно точно указать, с чего начать объяснение. Есть ощущение, что с первой сентенции любого объяснения мы определяем пункт происхождения объяснения. И все же первый звук первой буквы первого слова сам по себе является не более чем связующим звеном в бесконечной цепочке аффектов. В сложном материально-семиотическом поле слово похоже на удар молнии. Он не напоминает, не представляет и не воспроизводит заряженное поле, из которого возник. Он не конформен и не соответствует ему. Скорее, он имеет свою собственную интенсивность, свой собственный способ существования, который, в свою очередь, порождает дальнейшие аффекты. Слово является *кульминацией* всех зарядов; оно разыгрывает или представляет интенсивность поля (Massumi, 2002).

Возьмите кратер Васо. Две тысячи лет назад его извержение стало кульминацией тысяч расплавленных геологических ярусов (историй) из недр Земли. Интенсивность этой кульминации была потом разыграна в рассказах о переметной суме койота. Здесь нет начал, потому что каждое происхождение отливается в бесчисленное множество других форм. Материальное поле запутано и сложно, оно перемежается дыханием, вокальными ритмами.

Дыхание, безусловно, является ритмом этой истории. Когда ветер рванулся вверх, взмывая вдоль ребер кратера, чтобы поднять воронов

в воздух, их последующий взлет заставил нас с Томом вдохнуть, быстро и резко, тот же воздух. Наши легкие наполнились, и тут последовала наша речь: «Эй, ты видел это?»; «Неимоверно, правда?». Истории рассказываются на *дыхании* говорящего. Когда Переметная Сума Койота вдохновила те первые вдохи, чтобы рассказать те первые истории, тогда ветер из легких кратера продолжил создавать историю. В день нашего посещения линии полета воронов сквозь дыхание кратера вызвали *нашу* первую речь. Другими словами, Васо, место творения, продолжало создавать истории. Удар молнии – это дыхание речи – сохраняется в нервах человеческого глаза. Брайан Массуми говорит нам, что вспышка света переходит «от автономного выражения в содержание тела и в жизнь» (2002, p. 25).

Именно потому, что мы были внимательны к пляшущим нитям игривого повествования воронов, мы сами смогли присоединиться. Отчаянное расстройство собак. Невидимый шест, управляющий баржей. Событие было всем. До него или за ним не было особого агента, который заставлял его развиваться. Это было автономное занятие. Движения его акторов включали материальное поле во всей его полноте. Оно было нелокализованным, непосредственно принадлежа динамическому отношению *между* мириадами заряженных частиц (2002, p. 24).

ТОМ: ЭКОЛОГИЯ ИГРЫ

Мы разбили лагерь чуть дальше по тропе, мы трое и наша машина, спрятанная среди пустынных дюн из опасения, что нас могут накрыть рейнджеры. Ночь была слишком холодной для разговоров, и звезды, вместе с повторяющимся промельком чего-то вроде крошечных летучих мышей, в основном занимали наше внимание. Утром мы поехали дальше, к парку древних бристлеконских сосен, разбили лагерь на снеговой границе, а на следующее утро направились на север и, наконец, добрались до бревенчатой хижины в Сьерра-Неваде, окруженной снегом глубиной около фута и предлагавшей теплый душ, открытый огонь и столько горячего шоколада, сколько мы могли выпить. Приют Сёренсена был приветливым местом: голова лося на стене в фойе представляла собой пластиковую восторженность, а ель и другие деревья были украшены цепочками огонечков в форме сосновых шишек. Перед камином мы снова начали размышлять о том, что может значить играть – и быть вовлеченными в игру – с врановыми, и, как Дебби все время напоминала нам, стать адресатами койотов.

Как и на протяжении всей нашей поездки, на просцениуме наших мыслей была последняя книга Харауэй «*Когда встречаются виды*». Игра, которая является предметом ее обсуждения, в основном ведется «группами» из двух участников; она и ее овчарка Кайенна, другие люди и собаки, а также это удивительно изобретательные отношения между собакой по имени Сафи и осликом по имени Вистер. Она обрисовывает в общих чертах такую игру, в которой центром является *доверие*. В ней два живых существа встречаются и успешно сообщают друг другу, что они играют. Таким способом движения и поведение из других контекстов могут быть использованы в качестве метакоммуникации, которая потенциально может привести к игровым взаимодействиям; например, когда собака изгибается «игровой дугой», она сообщает этим, что укусы и другие грубые поступки не следует воспринимать как агрессию (Haraway, 2008, p. 240) (Bekoff & Byers, 1981) (Bateson, 1973). Содержательное описание Харауэй показывает, что этот вид игры может быть успешным только тогда, когда партнеры понимают друг друга и доверяют друг другу. В контексте соревнований с Кайенной в подвижных видах спорта, Харауэй утверждает, что когда это работает, тогда возникает своего рода синергия, высокий градус совместного «достижения» в действии. Таким образом, игра может предоставить раскрытие для переделывания значений, правил, возможностей и, в конечном счете, самих игроков. «Игра делает открытие. Игра предлагает» (Haraway, 2008, p. 240).

Но это была не та игра, в которой мы принимали участие у кратера Васо. Для этих воронов, которые, как говорят нам наши любительские орнитологические познания, были *Corvus corax*, *вороны обыкновенные*, – доверие между участниками было гораздо менее важным, чем те составляющие, которые мы определили как отвагу, знания, мастерство и юмор. Здесь игра была не в том, чтобы доверять друг другу, а в том, чтобы осмеливаться быть игривым с другими, которых толком никто не знает, и которые (как в случае с собаками) могут захотеть съесть вас. Вместо «открытия», в котором два или более существ «достигают чего-то» вместе, эта игра воронов была пронизана глубоким чувством неведомого, отдаленного и таинственного. Мы подумали, что в этом пространстве незнаемого произошло нечто весьма глубокое.

Нам пришлось вернуться к знаменитому эссе Грегори Бейтсона об игре, которое напомнило, что одно из самых сложных метакоммуникативных событий происходит, когда и без того сложное утверждение «это игра» превращается в еще более сложный вопрос

«это игра?» (Bateson, 1973, p. 155). Именно диалектика этих двух предложений – вопроса и утверждения – превращает ограниченную единицу самой мета-коммуникации («это игра») в игру. Что нас очаровало в той реальной встрече, так это то, что нам не нужно было знать, аналитически либо этологически, какие именно сигналы существовали для того, чтобы узнать, что игра предлагается, чтобы дать наши собственные ответы и обнаружить, что игра возникла. Мы не эксперты по врановым, но нам кажется вероятным, что подпрыгивание или подсакивание – это метакоммуникативный игровой сигнал. Это жест по направлению к полету (в обоих смыслах этого термина); продвижение, которое является одновременно достаточно большим, чтобы уберечь ворона от (непосредственной) опасности, и в то же время достаточно маленьким, чтобы пригласить наземного последователя. Это движение, которое говорит: «это движение обозначает полет, и в то же время не обозначает полет». Его можно понимать как утверждение «это игра»; и в то же время оно ставит вопрос «это игра?» Стюарт мог бы ответить сигналом «это не игра», прицелившись в воронов и заставив их улететь, или вообще игнорируя их. Тем не менее, он решил подтвердить: «это игра», сделав шаг, а затем остановившись, чтобы посмотреть, что будут делать вороны дальше. Они ответили дальнейшей игрой, и Стюарт, наслаждаясь, с огромным удовольствием сделал то же самое.

Посреди всего этого спектакля интересно вспомнить, что ворону не чуждо пространство секретов. Во многих культурах считается, что врановые когда-то имели оперение белого или ярко окрашенного цвета и к тому же, возможно, мелодично пели. Некоторые легенды рассказывают, что в результате возвращения света или огня людям ворон дочерна обгорел и потерял свой прекрасный голос (Sax, 2003, pp. 44–45, 83–84, 99–100). Но сверкающие голубые, пурпурные и зеленые краски, которые сияют на крыльях воронов, когда на них падает свет, совершенно верно, напоминают нам об этом даре и о прошлом ворона. Так что, возможно, и не удивительно, что в игре воронов существует какая-то загадка, некая разобщенность. Кажется, что, хотя они часто играют рядом друг с другом – участвуя в изобретательном полете и любопытно-игриво исследуя разные неодушевленные предметы, и даже копируя шуточные действия друг друга, – вороны много реже играют непосредственно *друг с другом* – то, что этологи называют «социальная игра» (Ficken, 1977, p. 578) (Heinrich, 2006, pp. 280–294). Но миры на кону в игре воронов, тем не менее, в высшей степени социальны. У кратера Вачо нас втянули в контакт, знакомство и формирование *мультивидовых* сообществ. И

так, в то время как мы явно были активными участниками игры с воронами, эта разобщенность помогла создать отчетливое впечатление, что нами в некоторой степени также «играли». То, что отмечает разницу между игрой с тобой («как с игрушкой») и подлинной игрой – насколько между ними может быть проведена твердая граница – это готовность и способность *игриво* реагировать на продвижения другого. Это требует внимательности и знания других, хотя бы для того, чтобы знать, когда вас приглашают играть, а также искусного изучения тех действий, которые могут или не могут быть уместными или безопасными. Необходима и смелость, когда не вполне контролируешь или даже по-настоящему не знаешь другого, но всё равно играешь, – как и чувство юмора. С учетом всего этого, может быть, актуальный вопрос для мультимедийных отношений таков: могут ли люди играть? Есть ли у людей умение, смелость, юмор и *готовность* предаться неопределенности и радости неожиданной встречи?

Возможно, для воронов, подобных тем, у кратера Васо, это не имеет большого значения. Они будут продолжать играть независимо от того, включимся мы или нет. Если некоторые люди не справляются с этой задачей, вполне вероятно, что они просто найдут других, более смелых и умелых, которые помогут провести время. Их игра на самом-то деле не для того, чтобы узнать друг друга. Она не наслаивается на статичный, уже существующий мир, а скорее глубоко проникает во взаимозависимое становление всех вовлеченных. В конце концов, игра не есть просто излишек активности. Этологи говорят нам, что существует много разных видов игры и что они, вероятно, развивались независимо у млекопитающих и птиц (Ficken, 1977, p. 580). В их изложении, как и во многом в биологии после Дарвина, игра играет эволюционную функцию. Именно благодаря игре птицы (часто подростки) получают представление о своих телах и ветре, развивая важные навыки как для выживания, так и для того, чтобы с готовностью убивать других во время охоты. Вороны, парящие в ветрах места сотворения мира, призывают быть внимательными к этим экологическим аспектам игры. Они напоминают нам: чем бы еще ни была игра, она также часто ведется на пересечении жизни и смерти; она глубоко врезана в длинные истории коэволюции и мультимедийные сообщества, которые сегодня превращают пустыню Мохаве в то, что она есть. Таким образом, игра происходит не только *внутри* поля взаимодействия; в некоем важном смысле это также заряд, который генерирует это поле и систему связей, которые его составляют. Здесь игра связана с формированием

полезных отношений, а также с адаптивностью; это «важно для обучения и развития поведенческой гибкости» (Ortega & Bekoff, 1987, p. 339). В этом контексте интересно отметить, что врановые, и, в частности, Ворон Обыкновенный (*Corvus corax*), обладают самой сложной птичьей игрой, что признается по крайней мере некоторыми людьми. «По мере того, как ворон развивает корректировку и гибкость поведения посредством игры, он потенциально становится способен обитать в гораздо большем диапазоне сред, чем птицы, поведение которых менее пластично» (Ficken, 1977, p. 578).

В игривом поскоке воронов, в распахивании их крыльев восходящим потокам творения, даже в том, что они дразнят собак, запертых в машине, на карту поставлен весь мир. Все мы, кто может захотеть играть с воронами, или те, с кем можно просто поиграть, вовлечены в действие конститутивным образом. Но то же самое относится и ко всем тем, кто живет рядом с воронами, – что, учитывая их адаптивность и разнообразие (особенно в условиях окружающей среды, «нарушенной человеком»), включает большинство наземных экосистем.

Адаптивность имеет последствия. Успех воронов часто накладывал ограничения на жизнь других. Там, в Мохаве, где мы играли, адаптивность воронов имела разрушительные последствия для находящейся под угрозой пустынной черепахи (*Gopherus agassizii*). Мы впервые столкнулись с этими черепахами несколькими днями ранее благодаря знаку в государственном парке «Долина огня» в Неваде, куда мы сбежали от оглушительной какофонии Лас-Вегаса. Популяции черепахи испытывают серьезные проблемы на всем протяжении Мохаве по ряду причин, включая нападения хищников, болезни и нарушение среды обитания человеком. Вполне вероятно, однако, что одна из этих причин имеет острый клюв и черные крылья. Ученые, работающие с Геологической службой США, считают, что за последние двадцать пять лет:

популяция Ворона обыкновенного в западной пустыне Мохаве резко увеличилось на 1500 процентов... в ответ на постоянно пополняемые запасы продовольствия и другие ресурсы, которые развитие человека сделало доступными для них в условиях, в ином случае слишком суровых для поддержания большого числа воронов. Адаптивность и разнообразные модели хищничества и утилизации, доступные воронам, позволяют им воспользоваться преимуществами изменяющихся экосистем, но в то же время оказывать огромное давление на виды хищных животных, которые могут быть с большей легкостью приведены к вымиранию (USGS, 2003).

Молодые пустынные черепахи, чьи панцири все еще мягки, уязвимы для острых вороновых клювов.

Рисунок 1. Уильям И. Борман: проколотый вороном панцирь молодой черепахи (USGS, 2003)

В этом контексте игра связана с совершенно иным «открытием». В изменяющихся экосистемах Мохаве борющаяся пустынная черепаха знает, что игра воронов – это больше, чем невинное удовольствие.

ДЕББИ, СТЮАРТ И ТОМ. СМЕРТЬ В ДОЛИНЕ

Мы отправились в Санта-Крус, думая о гибели и рассеивании. Черепахи не были единственными жертвами здесь. Стремясь уменьшить влияние воронов на других, Бюро по управлению земельными ресурсами (BLM) постоянно пытается ограничить их популяцию в Западной Мохаве с помощью как летальных, так и не-летальных средств. К не-летальным методам относится сокращение доступа воронов к отходам и водным ресурсам, которые были завезены в регион в результате увеличения числа людей. Эта ситуация четко обрисовывает антропогенную природу данного кризиса. Однако отравление и отстрел также применяются, и они остаются компонентами внутренне противоречивого плана BLM по восстановлению пустынной черепахи. Точно так же койоты, которых *массово* убивали и продолжают убивать, теперь являются предметом инициатив, направленных на защиту их жизни и на то, чтобы помочь людям научиться сосуществовать с ними. Такие методы «поиска и уничтожения» для заселения и управления землей не ограничиваются

действиями за животных и против них. Коренные американцы также пережили историю, шокирующе похожую на истории некоторых из этих животных, которых поочередно презирали, разгоняли, а впоследствии их попросили вернуться и стать участниками новых зрелищных видов в парках.

Запутанные судьбы многих видов, движимые зигзагами антропогенной деятельности, включая запланированные и незапланированные последствия политики и тактики, были в центре нашего внимания; мы планировали провести семинар в Санта-Крус, на котором были бы рассмотрены некоторые из этих вопросов в контексте темы исчезновения видов. Харауэй написала, что когда мы относимся к миру с полным осознанием существования более крупных мультивидовых живых сообществ, мы вынуждены «поставить всё ради некоторых образов жизни [и смерти], а не каких-то других» (Naraway, 1997, p. 36). Думается, это была прекрасная возможность выявить ее взгляды на койотов, кормление и игру. Она была еще более пылкой, чем Стюарт: предлагать еду означало бы смертельный риск для койота. Приучать его к человеческим предложениям пищи было бы формированием опасно неустойчивого партнерства между человеком, ненадежным распределением человеческой пищи и койотом.

Но даже если люди находятся вне этой картины, возможности мультивидовых сообществ как в отношении запаса продуктов питания, так и для социального взаимодействия, которые открыты для койотов, вовлекают множество игроков и форм игры. Врановые часто играют с койотами, а также с собаками и волками. Основная игра – резко спикировать и спровоцировать их на погоню. В других случаях птицы даже преследуют псовых или по очереди гоняются друг за другом (Ficken, 1977, p. 577) (Sax, 2003, p. 26). Иногда это делается просто для удовольствия, но в других случаях еда тоже важна. Вороны и койоты симбиотичны в своих поисках еды. Адольф Мюри пишет о своих наблюдениях: «Они заинтересованы в действиях друг друга; ворон наблюдает за койотом, а койот следит за вороном. Если кто-то нашел источник пищи, к нему рано или поздно обязательно присоединится другой» (Murie, 1940). Высота полета воронов позволяет им предупреждать койотов о приближающейся опасности. Охотничьи способности койотов и возможность вскрывать туши приносят пользу воронам. Поэтому у игры, безусловно, есть целевое намерение – придать игривость серьезной работе, участвовать в метакоммуникации, совместно «исполняя репертуар», поддерживая договор.

В этом сближении ворона и койота появляется любопытная граница между игрой, которая основана на постоянных доверительных отношениях (как описала Харауэй), и игрой между незнакомцами, в которых мы принимали участие возле Весо. Возможно, эти вороны и койоты не то чтобы изображают *доверие*, а скорее проверяют возможности случайной встречи. Задавая вопрос о том, какую роль играет игра для этих видов жизни и в создании ассоциаций из целых миров, трудно и, кажется, нет необходимости проводить жесткие и непроходимые границы между игрой и охотой. Возможно, в переплетенных программах и мотивациях, которые соединяются, когда встречаются виды, взаимодействия не могут быть организованы в бинарные категории, которые ставят игру и охоту или доверие и подозрение в противоречие друг с другом. Жизнь и смерть, игра и бросок хищника – все это возможности в возникающей области неопределенностей, где события и отношения вырезаются и реализуются.

Предположим, что койот, который остановил нас на дороге, предлагал отношения, более схожие с теми, которые он мог бы разделить с воронами, в которых мы могли бы и хорошо вместе играть, и успешно вместе охотиться, или по крайней мере такие, в которых игра и еда перепутаны так, что они не сразу распознаются людьми, склонными к редукции не-людей к базовым биологическим побуждениям. Предположим, что он хотел проверить возможности контакта, но в то же время с подозрением относился к тому, к чему может привести наше внимание. Чем койот не будет? Но если бы мы стали «играть», если бы предложили еду, способствовали ли бы мы отношениям человек-койот, которые рано или поздно обернулись бы плохо для койота? Может, лучший подарок, который мы могли бы на самом деле предложить – это сдержанность: нам надо было придержать себя, нашу еду, нашу игру? Мы не могли играть честь по чести, потому что игра была для нас преходящим моментом, а для него это была траектория к смерти. Нас по-прежнему преследует эта мысль: с койотами, которые в настоящее время живут в США, мы не можем выбрать игру и жизнь одновременно. Вопрос, который мы нашли столь занятным – «могут ли люди играть?» – теперь обнаружил свою легкомысленную и опасную сторону.

Возможно, в этом контексте вопрос этики заключается в том, чтобы занять позицию в наших запутанных отношениях, зная, что наши действия имеют своими последствиями жизнь и смерть. У Харауэй описание неожиданной встречи в зоне контакта невероятно пронизательно: «Кто вы и кто тогда мы? Вот мы, и, стало быть, кем

мы должны стать?» Мы не могли дать простодушный ответ на вопрос кто мы, потому что наши индивидуальности были основаны на видовой идентичности. Внезапно, в этот момент встречи и обращения, мы были вынуждены столкнуться с самими собой как членами вида, другие члены которого объявили войну койотам, воронам, черепахам и многим-многим другим. То, чем мы могли бы стать в зоне контакта, было таким образом ограничено, и становление пошло в сторону вывода: различные возможности были бы открыты и предопределены любой игрой, которую мы могли бы выбрать или иметь возможность участвовать в ней с другими. Уверенное приближение койота, как и танец воронов в воздухе с нами и вне нас, стал еще одним ударом молнии – игрой, исходящей из конфликтных историй гибели, рассеяния и защиты. Мы были поражены, и даже ранены, и нам хотелось отвернуться, представляя себе последствия, которые грянули бы выстрелом далеко за пределами времени нашего продвижения через часть национального парка.

Список литературы

- Bateson, G. (1973). *Steps to an Ecology of Mind*. London: Granada Publishing.
- Bekoff, M., & Byers, J. A. (1981). A Critical Reanalysis of the Ontogeny and Phylogeny of Mammalian Social and Locomotor Play: An Ethological Hornet's Nest. В К. Immelmann (Ред.), *Behavioral Development: The Bielefeld Interdisciplinary Conference*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Clifford, J. (1997). *Travel and Translation in the Late Twentieth Century*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Ficken, M. S. (1977). Avian Play. *The Auk*(94), 578.
- Fox, C. (2009). Living with Coyotes in North America: Challenges and Opportunities. *The Minding Animals Conference, Newcastle, New South Wales, 13–18 July 2009*.
- Fox, C., & Papouchis, C. (2005). *Coyotes in Our Midst: Coexisting with an Adaptable and Resilient Carnivore*. Sacramento: Animal Protection Institute. Retrieved from <http://www.information.com/pdf/CoyoteBook.pdf>.
- Haraway, D. (1997). *Modest_Witness[at]Second_Millennium.FemaleMan©_Meets_OncoMouse™: Feminism and Technoscience*. New York and London: Routledge.

- Haraway, D. (2008). *When Species Meet*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Heinrich, B. (2006). *Mind of the Raven: Investigations and Adventures with WolfBirds*. New York: Harper Perennial.
- Lehner, P. (1978). Coyote Communication. In M. Bekoff (Ed.), *Coyotes: Biology, Behavior, and Management*. New York: Academic Press.
- Massumi, P. B. (2002). Introduction: Like a Thought. In B. Massumi (Ed.), *A Shock to Thought: Expression after Deleuze and Guattari* (pp. 24-25). London & New York: Routledge.
- Murie, A. (1940). *Fauna of the National Parks of the United States: Ecology of the Coyote in the Yellowstone* (Fauna Series no. 4 ed.). Washington DC: United States Government Printing Office. Retrieved from http://www.nps.gov/history/history/online_books/fauna4/fauna3a.htm.
- Ortega, J. C., & Bekoff, M. (1987). Avian Play: Comparative Evolutionary and Developmental Trends. *The Auk*(104), 339.
- Pratt, M. L. (1992). *Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation*. London: Routledge.
- Sax, B. (2003). *Crow*. London: Reaktion Books.
- Scientists Estimate Risk of Raven Predation on Desert Tortoises in the Western Mojave Desert*. (2003). Retrieved from US Geological Survey: <http://www.usgs.gov/newsroom/article.asp?ID=160>
- Tribe, T. S. (2009, August 9). *History of the Timbisha Shoshone Tribe*. Retrieved from <http://www.timbisha.org/history.htm>

References

- Bateson, G. (1973). *Steps to an Ecology of Mind*. London: Granada Publishing.
- Bekoff, M., & Byers, J. A. (1981). A Critical Reanalysis of the Ontogeny and Phylogeny of Mammalian Social and Locomotor Play: An Ethological Hornet's Nest. B K. Immelmann (Ред.), *Behavioral Development: The Bielefield Interdisciplinary Conference*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Clifford, J. (1997). *Travel and Translation in the Late Twentieth Century*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Ficken, M. S. (1977). Avian Play. *The Auk*(94), 578.

- Fox, C. (2009). Living with Coyotes in North America: Challenges and Opportunities. *The Minding Animals Conference, Newcastle, New South Wales, 13–18 July 2009*.
- Fox, C., & Papouchis, C. (2005). *Coyotes in Our Midst: Coexisting with an Adaptable and Resilient Carnivore*. Sacramento: Animal Protection Institute. Retrieved from <http://www.information.com/pdf/CoyoteBook.pdf>.
- Haraway, D. (1997). *Modest_Witness[at]Second_Millennium.FemaleMan©_Meets_OncoMouse™: Feminism and Technoscience*. New York and London: Routledge.
- Haraway, D. (2008). *When Species Meet*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Heinrich, B. (2006). *Mind of the Raven: Investigations and Adventures with WolfBirds*. New York: Harper Perennial.
- Lehner, P. (1978). Coyote Communication. In M. Bekoff (Ed.), *Coyotes: Biology, Behavior, and Management*. New York: Academic Press.
- Massumi, P. B. (2002). Introduction: Like a Thought. In B. Massumi (Ed.), *A Shock to Thought: Expression after Deleuze and Guattari* (pp. 24–25). London & New York: Routledge.
- Murie, A. (1940). *Fauna of the National Parks of the United States: Ecology of the Coyote in the Yellowstone* (Fauna Series no. 4 ed.). Washington DC: United States Government Printing Office. Retrieved from http://www.nps.gov/history/history/online_books/fauna4/fauna3a.htm.
- Ortega, J. C., & Bekoff, M. (1987). Avian Play: Comparative Evolutionary and Developmental Trends. *The Auk*(104), 339.
- Pratt, M. L. (1992). *Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation*. London: Routledge.
- Sax, B. (2003). *Crow*. London: Reaktion Books.
- Scientists Estimate Risk of Raven Predation on Desert Tortoises in the Western Mojave Desert*. (2003). Retrieved from US Geological Survey: <http://www.usgs.gov/newsroom/article.asp?ID=160>
- Tribe, T. S. (2009, August 9). *History of the Timbisha Shoshone Tribe*. Retrieved from <http://www.timbisha.org/history.htm>

LATVIAN INTELLECTUALS IN AUSTRALIA IN THE 1950-1980S: SITUATIONS OF CULTURAL FRONTIER

Maksym Kyrchanoff (a)

(a) Voronezh State University. 16 Pushkinskaia str., Voronezh, Russia 394000.
E-mail: maksymkyrchanoff[at]gmail.com

Abstract

The author analyses the problems of frontierism in the development of the Latvian community in Australia. After Latvia was Sovietized, Australia became one of the centres of Latvian emigration. Several Latvian intellectuals who began their careers in independent Latvia after the events of 1940 and 1944 lived in Australia. Others were born in emigration, but they were able to become national Latvian activists. The author believes that the historical backgrounds actualized the frontier features of Latvian identity in emigration. The author believes that “Jaunā Gaita”, one of the leading journals of Latvian in the exile, is an important source that provides historians with opportunities to analyse the main vectors and trajectories of the development of Latvian identity in Australia. The author analyses the poetic and prosaic texts of Latvian intellectuals in Australia. “Jaunā Gaita” became an important source of information on the cultural, song and theatrical activities of Latvians in Australia. It is assumed that Latvian communities in Australia, like Latvians in other countries of emigration, became victims of a gradual marginalization process because they imagined exile as a frontier between different periods of Latvian history. “Jaunā Gaita”, on the one hand, paid special attention to the problems of Latvian youth, because its authors were afraid of assimilation. On the other hand, the journal published poetic and prose texts actively that actualized the main vectors and trajectories of the development of Latvian identity in emigration. Texts of Latvian intellectuals published in “Jaunā Gaita”, actualize various forms and dimensions of identity crisis and transformation of historical memory in emigration.

Keywords

Latvia; Australia; emigration; exile; “Jaunā Gaita”; identity crisis; assimilation; frontier

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution – Non Commercial – No Derivatives 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

ЛАТЫШСКИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ В АВСТРАЛИИ В 1950–1980-Е ГГ.: СИТУАЦИИ КУЛЬТУРНОГО ФРОНТИРА

Кирчанов Максим Валерьевич (а)

(а) Воронежский государственный университет. 394000, Воронеж, ул. Пушкинская, 16.
E-mail: maksymkyrchanoff[at]gmail.com

Аннотация

Автор анализирует проблемы фронтирности в развитии сообщества латышей в Австралии. Австралия после того, как Латвия была советизирована, стала одним из центров латышской эмиграции. Несколько латышских интеллектуалов, которые начали свою карьеру в независимой Латвии, после событий 1940 или 1944 жили в Австралии. Другие родились уже в эмиграции, но стали национальными латышскими активистами. Автор полагает, что исторические предпосылки актуализировали фронтирные особенности латышской идентичности в эмиграции. Автор полагает, что “Jaunā Gaita”, один из ведущих журналов латышской эмиграции, является важным источником, который позволяет проанализировать основные векторы и траектории развития латышской идентичности в Австралии. Автор анализирует поэтические и прозаические тексты латышских интеллектуалов в Австралии. “Jaunā Gaita” стала важным источником информации о культурных, песенных и театральных активностях латышей в Австралии. Предполагается, что латышские сообщества в Австралии, как латыши в других странах эмиграции, стали жертвами процесса постепенной маргинализации, потому что изгнание было вообразено ими как фронтир между различными периодами латышской истории. “Jaunā Gaita”, с одной стороны, уделяла особое внимание проблемам латышской молодежи, потому что ее авторы опасались ассимиляции. С другой стороны, журнал активно публиковал поэтические и прозаические тексты, которые актуализировали основные векторы и траектории развития латышской идентичности в эмиграции. Тексты латышских интеллектуалов, опубликованные в “Jaunā Gaita”, актуализируют различные формы и измерения кризиса идентичности и трансформации исторической памяти в эмиграции.

Ключевые слова

Латвия; Австралия; эмиграция; изгнание; “Jaunā Gaita”; кризис идентичности; ассимиляция; фронтир

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution – Non Commercial – No Derivatives»](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

THE FORMULATION OF THE PROBLEM

If the 19th century entered the history of Europe as an era of nationalism, when oppressed groups began to change rapidly, modernize radically and turn into political nations and imagined communities vigorously, then the 20th century became an era of a gradual erosion of ethnic isolation and imagined national purity, because the processes of colonialism and anti-colonial movements, the emergence and impressive progress of left and right authoritarian regimes, that claim to become the political norm of the epoch, inspired the processes of cultural hybridization. Therefore, the national state, the nationalists of the 19th and the first half of the 20th century dreamed of, turned into a historical and political rudiment, becoming the archaic legacy of the era of active nationalism in the world, where the processes of globalization and hybridization turned out to be more significant than the political projects proposed by the supporters of nationalism in its traditional and modern understandings. Despite these circumstances, the modern political map of Europe is a legacy of the era of active nationalism, which fought for the liberation of oppressed nations and sought to institutionalize the newly independent states, which actually became nationalizing societies and later transformed into imagined communities of nation-states.

FROM NATIONALIZATION TO EMIGRATION AND... HYBRIDIZATION

Latvia was one of the nationalizing states that emerged after the crisis and disintegration of the Russian Empire, inspired by the first world war and revolution, which stimulated the progress of nationalist movements and ideologies. Until the critical historical moment of 1940 when Latvia was incorporated into the Soviet Union, Latvia was one of nationalizing European states. Sovietization of Latvia and its existence as part of the USSR, on the one hand, institutionalized fragmentation of society into Latvian and non-Latvian segments. On the other hand, the Sovietization of the republic and the political repressions stimulated emigration from Latvia to Western countries. Latvia more than 100 thousand of an educated, socially and politically active citizens as a result of the policy of coercive and forced Sovietization. The USA, Sweden, Germany, Canada and Australia became the states where after 1940 and 1944 new Latvian communities appeared. Germany was the first European country for Latvian refugees, but by 1951 the majority of Latvian immigrants left Germany and moved to the USA (55.000), Australia (21.000), Great

Britain (18.000), Canada (14.000) and Sweden (4.000). 13.000 refugees preferred to remain in Germany.

SOVIETIZATION AS A FACTOR OF LATVIAN IDENTITY DUALISM

Sovietization of Latvia stimulated the processes of simultaneous development of two versions of the Latvian national identity: Sovietized identity existed in the USSR when the transformation of the identity of emigrants continued to change Latvian identity they had since the period of the First Republic. The identity of Latvian intellectuals who emigrated from Latvia and the identity of those Latvians who were born in emigration differed significantly from the identity of Latvians who continued to live in Soviet Latvia. If the Latvian identity in the Latvian SSR developed as an anti-Soviet and anti-communist political project in the context of opposition to Russification, then the identity of emigrants changed under the influence of the processes of hybridization and trans-culturalization. Actually, Latvian identity in emigration, including Australia, became a frontier and peripheral case of the development of Latvian national identity.

WHAT IS THIS TEXT ABOUT?

Therefore, the author of this article will analyse the transformation processes of Latvian identity in Australia in the contexts of intellectual activities of representatives of Latvian communities.

METHODOLOGY: FROM POSITIVISM TO FRONTIER STUDIES

Analyzing the frontier cases of transformations and developments of identities, historians face the problems of methods and the language of description. On the one hand, methodologically archaic language and theoretical tools of positivistic historiography can provide historians with the necessary methods, but the results will be predictable if we will fix facts, use statistical data, compare quantitative indicators of the number of Latvian groups and communities or active use of the Latvian language. If we use neo-positivist practices, the descriptive text will become the main result of our analysis, but the author of this article believes that the dominance of positivism became the part of history and therefore historians, analysing the dynamics of developments and transformations of Latvian identity in Australia, can use other methodological tools.

Rejection of positivism actualizes the potential of interdisciplinary postmodern and constructivist methods inevitably and makes it possible to

write several histories of the identity of Australian Latvians simultaneously. On the one hand, the author presumes that the history of identity transformations of the Latvian frontier communities and hybrid societies can be imagined as intellectual history, cultural history or a history of ideas. On the other hand, the potential of frontier studies can be very useful, because the history of Latvian identity in the Latvian SSR and the history of Latvian identity in exile actualize two scenarios of changes in identities in different frontier societies. The author presumes that the social and cultural histories of the societies of the Latvian SSR and Australia of the 1940s and 1980s provide historians with several examples of situations of frontier and frontierity.

THE MULTIPLICITY OF LATVIAN FRONTIERS.

The frontierness of the Latvian SSR and the Latvian communities of Australia had different forms and dimensions, but several factors make it possible to define these societies as frontier and even transcultural. Firstly, Latvian communities in Latvia and Australia never existed in cultural isolation. Secondly, by 1940 the Latvian political nation managed to integrate and assimilate part of the Russian, German and Jewish communities, ceasing to be an ethnic nation and transforming into a Latvian political nation. Thirdly, the Latvian language in Latvia and the Latvian SSR ceased to be the language of only Latvians, it became the language of those Russians, Jews and Germans who were able to integrate into the Latvian nation as a civil project. Fourthly, the Latvian language in the Latvian SSR and Australia became the language of social, cultural, intellectual and political frontiers – the active use of the Latvian language did not mean that the speaker was Latvian because the Latvian language became the language of communication for Sovietized Latvians Jews, Germans, Poles and Russians.

Fifthly, the frontier status of the language became more visible in Australia than in the Latvian SSR, because the younger generation began to more actively use English gradually and the history of Latvians in Australia, unfortunately, does not provide historians with examples when English-speaking Australians became active users of Latvian. The frontier situation of the Latvian language in Australia in this intellectual situation was radically different from similar processes of the Ukrainian language in the United States, because the history of American Ukrainians knows one case when the English-speaking poetess Patricia Nell Warren (1936 – 2019) became Ukrainian-speaking Patrytsiia Kylyna (Патриція Килина) but this metamorphosis of identity was temporary, because the heritage of Patrytsiia Kylyna was part of the frontier cultural discourse. The frontier

history of Australian Latvians, unfortunately, does not know examples of such successful promotion of the Latvian language in transculturalizing and hybridizing identities. Sixthly, the author presumes that the intellectual history of Australian Latvians became a frontier history because the cultural dynamics of the 1940s and 1980s provided historians with examples when Latvian intellectuals were active in their attempts to actualize and preserve Latvian identity in frontier contexts. Therefore, the subsequent sections of this article will be focused precisely on the intellectual transformations of the Latvian community in Australia.

SOURCES

Analysing intellectual identity transformations and various forms and versions of discourse as narrative dimensions of national identity, the historian will be forced to read and use narrative sources inevitably. Therefore, the author believes that the texts of Latvian intellectuals from Australia, published in the Canadian magazine “Jaunā Gaita” since 1955 (Ķiķauka, 1981a; Ķiķauka, 1981b), when the first number was published, became a cultural and intellectual centre for Latvian writers, historians, poets, and artists in emigration. “Jaunā Gaita” is one of the magazines of the Latvian emigration that was able to create their own literary traditions, becoming a phenomenon in the cultural and intellectual life of Latvian communities abroad. Several Latvian authors from Australia, including Eduards Silkalns, Aleksandrs Gārša, Osvalds Lācis, Kārlis Ābele, Lūcija Bērziņa, Mintauts Eglītis, Hugo Kaupmanis, Jānis Sarma, Edgars Dunsdorfs, were among authors of “Jaunā Gaita”. The texts of Latvian intellectuals from Australia, published in “Jaunā Gaita”, actualized various forms and dimensions of Latvian identity in exile.

FORMAL ORIENTATION IN THE TEXT, OR WHAT IS THE ARTICLE ABOUT?

The features of source base, goals and objectives of this text, on the one hand, dictate to the author the following logical structure of the article, which will contain several sections, including 1) introductory notes and comments, where the essence of the problems of Latvian emigration and diaspora in contexts of frontier and hybridization will be characterized; 2) methodological remarks about methods, the author used in this article; 3) chapter about problems of multiple and simultaneous social, historical and cultural coexistence of Latvian frontiers and frontier and transcultural situations.

The author of the article believes that emigration, which actually became a political exile, influenced the vectors and trajectories of the development of Latvian identity significantly, predetermining its main changes, mutations and transformations. Therefore, the analysis of exile as a form of frontier will precede the author's attempts to analyse the intellectual history of Latvians in Australia as a cultural frontier. Analysing exile and emigration as factors for the development of frontier identity, the author will use the texts of Latvian intellectuals published in the journal *Jaunā Gaita* in particular because they actualize the main trends in the transformation of Latvian identity in general.

The main sections of the article will focus on the problems of the formal characteristics of the Latvian community in the Australian frontier, its visualization at the frontier in Australia as a contact zone of cultural hybridization. The author will pay particular attention to the narrative practices of Latvian authors, who in their texts actualized various states, forms, levels and dimensions of the frontiership of Latvian identity in Australia.

LATVIANS IN EXILE: FROM IDENTITY AT CROSSROADS TO IDENTITY ON THE AUSTRALIAN FRONTIER

Emigration, imagined by politically active Latvian intellectuals as exile or *trimdā*, became the factor that changed the basic trajectories and vectors of the development of Latvian identity significantly. The Sovietization of Latvia and its transformation in the Latvian SSR inspired political emigration and the emergence of Latvian communities abroad (Veigners, 1993). Despite the formal intellectual activities of Latvian émigrés (Daukste-Silasproģe, 2002; 2007; 2019), including writers and poets, emigration and the long existence of Latvian communities in the non-Latvian space became the factors that weakened identity, promoting integration and gradual assimilation of Latvians who were born in emigration. Latvian intellectuals in emigration were active in their attempts to comprehend nationalism (Austrālis, 1964; Alksnis, 1964), but all these extensive intellectual and cultural reflections actualized the frontier character of Latvian communities in exile inevitably, because reflections on nationalism in contexts of aspirations to preserve identity and language made visible the alienity of the Latvian groups in Western countries, although some Latvians preferred to integrate in new societies when others saved the frontier status of proponents of ethnic isolation. Problems of identity and language were universal landmarks, which attracted the attention of Latvian authors in exile inevitably because Latvia in the political imagination of intellectuals (Balodis, 1958a) mutated into frontier

between the cultural spaces of the Baltic, Slavic and German worlds (Balodis, 1958b), the unstable border between worlds (Europe – West – USSR), between Orient and Occident, and between historical eras of independence and Soviet occupation. Therefore, prose heroes of exile (Freimanis, 1970) inevitably mutated into people between cultures, worlds and identities:

Tāda ir mana pasaule; to man neviens nav pratis atņemt - varu vēl bradāt pa saviem vārdus džungļiem. Schizofreniķis esmu; šīs ir schizofreniķa piezīmes! Neurasteniķa murgi? Dzīves ārnieka pasaule piekrauta ar nolakotām papīra puķēm? Lai ir! Neviens šīs nodaļas nelasīs... Nieki!... Parasts trakais trakā pasaulē. Ielas pielietas ar nervozitātes dzīvsudrabu; cilvēki ir lapsenes, apstulbušas neona gaismās... Histērijas laikmets! Civilizācija aizskrējusi pa aplamu ceļu, bet neapjēdz kļūdu un cer sasniegt pilnību. Varbūt sasniegs – īsi pirms galīgās eksplozijas – pastardienas... Varbūt šī laikmeta romānam vajadzētu būt sakārtam kopā no tādām lapām kā manējās – vajadzētu būt neurastenisku nejēdzību kollažai. Tādai civilizācijai tādi raksti... Ak Dievs, cik ilgi vēl man būs jāgaida Tavs miers? Vai šī rakstīšana ir schizofrenijas manifestācija? Vēstule būs bezgala gara - līdz nāvei; nē, vēl iestiepsies nākamajā dzīvē. Vai jebkad vairs atvērsies apkaltās durvis?

This is my world; no one has taken it away from me - I can still paddle in my jungle. I'm a schizophrenic; these are schizophrenic notes! Neurasthenian nightmares? The life in the alien's world loaded with dirty paper flowers? Let it be! No one will not read this chapter... Trivia! ... Normal crazy in the crazy world. The streets are used with nervous mercury; people are wasps, astonished by neon lights ... the era of history! Civilization has gone the wrong way, but it does not understand the error and still hopes to achieve perfection. Maybe it will – shortly before the final explosion – doomsday ... Maybe the novel of this era should be sorted out of pages like mine – there should be a neurasthenic nonsense collage. Such articles are for such civilization... Oh God, how long will I have to wait for your peace? Is this writing a manifestation of schizophrenia? The letter will be infinitely long – to death; no, it's still going to come in the next life. Will be a door opened?

The poetical hero of the Latvian emigration (Pļavkalns, 1971) ceased to be a romantic hero also, turning into an emigrant (Grasis, 1981), who recalls his homeland painfully

Vēlos redzēt svešas zemes,	I want to see a foreign land
Tur, kur saule spožāk mirdz,	Where the sun shines brighter,
Tur, kur nekad netumst debess,	Where there is never sky,
Tur, kur brīva būt var sirds.	Where freedom can be a heart.
Zeme, zeme, kas tā zeme,	Land, land, land
Ja tev īstas brīves nav?	If you don't have real freedom?
Brīve, brīve, kas tā brīve?	A moment, a moment, what's that moment?
Ja tev savas zemes nav?	If you don't have your land?
Vēlamies mēs mūsu zemi	We want our land
Atkal brīvu redzēt drīz!	to see free soon again!
Laime, lūdzams, mums to lemi!	Happiness, please, let us down!
Kad to reiz kāds sapratīs?	When will one realize it once?
Zeme, zeme, kas tā zeme,	Land, land, land
Ja tev īstas brīves nav?	If you don't have real freedom?
Brīve, brīve, kas tā brīve.	A moment, a moment in its moment.
Ja tev savas zemes nav?	If you don't have your land?

The category of *zeme* in the poetic imagination of the Latvian emigration became frontier between the ideal freedom and lack of freedom. The hero of the poetry in exile changed radically, mutated into a human being of a frontier, a frontier weary creature because he could not define his identity adequately:

Saulei līdzi aiz nedzīvā apvāršņa	The sun behind the dead horizon
Nogrimst ik nakti mirušā gars...	The spirit of the deceased sinks every night ...
...Saulei līdzi atgriežas virszemē –	... return to the sun with the sun -
Klinšu mājoklī rietumu smiltīs;	Rocky dwelling in the sand of the west;
Dzērienus, ēdienus, dejas bauda,	Drinks, food, dancing,
Sievas skārienu jūt kā toreiz...	Feeling a woman's touch then ...
...Tu, kas drīz redzēsi pazemes sauli...	... You will soon see the underground sun ...
...Busiem aizslīdot siltā rītā...	... the buses slipping in the warm morning ...
Manā tuksneša namā.	In my desert house.
Es dzīroju nekropolē.	I live in a necropolis.
Es dziedu saules kuģī...	I sing in sun ship...

These semi-insane reflections, which had much in common with delirium, actualized the crisis of identity of the heroes of exile Latvian prose and the Latvian language in these cultural and intellectual situations remained the only factor that saved Latvians from assimilation. Therefore, the heroes of the prose raved, but they raved in Latvian. The Latvian language (Sodums, 1958), on the one hand, united Latvians in exile and Latvia, but, on the other hand, it transformed in a frontier, because the threat of assimilation existed in emigration always. Threats of assimilation stimulated the extensive reflections of Latvian intellectuals in exile about traditional Latvian religion (Viķe-Freiberga, 1975a), which in fact became

an expression of the frontier nature of identity because the academic approach of Latvian authors in exile intersected with attempts to imagine and invent pre-Christian forms of faith. The frontier became a universal construct of Latvian intellectuals in emigration because they, on the one hand, remembered the frontier and transcultural nature of Latgale in Latvian history (Puisans, 1980) and, on the other hand, realized the peculiarities of the transcultural situation when “kultūra nesākas un nebeidzas pie robežām, aiz kuŗām ir māksla, literātūra, zinātne. Robežu nav” (Irbe, 1967) or “culture does not begin and does not end at borders, behind art, literature, science. There are no borders”. Dzintars Sodums (Sodums, 1959), who realized that “grūts ir mūsu trimdinieku liktenis” (“the fate of our exiles is tough”), was one of those Latvian writers and intellectuals of emigration who tried to understand the sense of frontierity and transculturality of Latvian immigrants who were forced to leave Latvia:

Ir tāda pilsēta, kas atrodas liela ūdens malā. Tā var būt katra pilsēta jūras krastā: Stokholma, Ņujorka, Londona, Melburna, Sidneja, Sanfrancisko. Varētu teikt, tikpat kā Rīgas priekšpilsēta. Jo katram ūdenim otrā pusē atrodas mūsu vecā pilsēta Rīga. Cik tur trūkst, ka trimdinieks ar stiprāku balsi var sasaukties ar tiem jūras otrā malā. Tāpēc, lūk, tur tajā pilsētā notiek visdažādākās brīnumlietas. Ierodas latvieši pāri jūrai. Citi pēkšņi aizbrauc atpakaļ uz Rīgu...

There is a city on the edge of the great water. It can be every city on the seashore: Stockholm, New York, London, Melbourne, Sydney, San Francisco. One could say, that it looked like the suburb of Riga because every water on the other side is our old Riga. There is a shortage of exiles with a strong voice on the other side of the sea. That's why there are a variety of miracles in this city. Latvians cross the sea. Others go back to Riga suddenly...

Therefore, the novel “Lāčplēsis trimdā” of Dzintars Sodums became partly frontier and partly provocative text of the Latvian emigration. The text where the author snatched the national hero Lāčplēsis from the Latvian context, turning him into an emigrant and sending him into exile, became an attempt to deconstruct the archaic mythical ideas about the national heroes of Latvian identity, which in fact were nationalist constructs imagined and invented by Latvian nationalists of the 19th century. Therefore, the heroes of the Latvian exile prose (Grants, 1958), as their authors and creators (Veselis, 1956), who suggested meanings for Latvians in exile, were hostages of the frontier because they fluctuated between phobias of assimilation and temptations of ethnic isolation (Freimanis, 1956), choosing painfully between the collective memory of the past, about Latvian independence and the prospects of integration and assimilation into the new society of the West, which accepted them as refugees who could

escape from Soviet authoritarianism. The heroes of Latvian prose in exile never forgot that

Latvija ir maza nācija... Bet vēsture nevērtē tautas pēc viņu iedzīvotāju skaita, bet gan pēc šo cilvēku drosmes, ticības un spējām. Mēs uzcēlām Latviju no pusnabadzīgas Krievijas provinces un pārvērtām to neatkarīgā, brīvā, turīgā valstī. Latvija ierindojās starp izcilākajām Eiropas valstīm lauksaimniecībā, sevišķi cūkkopībā, mūsu likumdošana bija pazīstama visā Eiropā

Latvia is a small nation ... But history does not appreciate the peoples by their population, but by their courage, faith and abilities. We built Latvia from a semi-poor Russian province and turned it into an independent, free, wealthy country. Latvia has ranked among the most outstanding European countries in agriculture, especially in pig farming, our legislation was known throughout Europe

but Latvian exile intellectuals (Baumanis, 1958) were afraid to understand that the question “cik ilgi gan latviešu liesmiņa degs Amerikas jūras viļņos?” or “How long does the Latvian flame burn in American sea waves?” because, the Latvians in exile lost faith gradually, stating that “Es vairs neticēju brīnumiem. Es vairs neticēju nekam” (Zariņš, 1963) or “I didn’t believe in miracles anymore. I didn’t believe in anything anymore” and Valters Nollendorfs (Nollendorfs, 1955) was forced to state that

Viena no mūsu trimdas dzīves pamatproblēmām ir vecās un jaunās paaudzes uzskatu pretišķība. Vecā paaudze ar bažām vēro jaunatnes centienus un jautā, vai jaunatne būs spējīga turpināt latviskās kultūras tradīcijas trimdā.

One of the fundamental problems of our exile life is the contradiction between the old and the new generations. The old generation is concerned with the efforts of the youth and asks whether the youth will be able to continue the Latvian cultural tradition in exile.

Latvians in exile preferred to ask, but could not answer their own questions. For example, Paula Jēger-Freimane (Jēger-Freimane, 1962) asked in 1962 “kas tad ir latviskais?”. Answering her own question, she proposed to take into account formal indicators only, believing that “Latviskais ir latviešu valoda, latviešu dziesma, latviskais pasaules skatījums, latviešu dzīves izjūta” or “Latvian is Latvian, Latvian Song, Latvian world view, sense of Latvian life”. On the one hand, emigration forced Latvian intellectuals (Irbe, 1958) to perceive the history of the country, they came from, as personal tragedies of exile, forcing to recall the past constantly and

Vecā pilsēta... Pilsēta starp tiltiem... To es atcerēšos, atcerēšos... atcerēšos... Un tad nomirst

The Old Town ... The city between the bridges ... I will remember it, I will remember ... I will remember ... And then die

On the other hand, history taught Latvian intellectuals (Lelis, 1967) in exile to imagine their country as a frontier, because

Mēs esam savas pagātnes mantinieki - arī nacionālos centienos un politiskā ideoloģijā... Gadsimtos pirms neatkarības iegūšanas latviešu tauta tika malta starp varām, kas bijušas vistiranniskākās Eiropā. Kā sociālajā, tā politiskajā laukā latviešu tauta no saviem kakla kungiem varēja mācīties un mācījās daudz negatīva... 1918. gadā, nodibinoties Latvijas valstij, latviešu vairākums varbūt bija nobriedis neatkarībai, bet tauta vēl nebija nobriedusi, lai sevi demokrātiski valdītu

We are the heirs of our past in national efforts and in political ideology... For centuries before independence, the Latvian people were lurking among the powers that were most European in Europe. In the social and political fields, the Latvian people could learn from their necks and learned a lot of negative... In 1918, when the Latvian state was founded, the majority of Latvians might have been mature, but the nation was not yet mature to rule democratically

Ethnocentrism and politically motivated anti-communist phobias (Spekke, 1957) transformed the collective memories of intellectuals in exile about the nation (Ģērmanis, 1957b), freedom, political independence, state sovereignty and the Latvian Republic (Ģērmanis, 1957a; Ģērmanis, 1966). The imagined frontier divided consistent nationalists into supporters of isolation and supporters of adaptation and integration. The dominance of this viewpoint among intellectuals in emigration inspired the ethnicization of Latvian intellectual discourse, its isolation and actualization of its frontier character between Western societies and Latvia, which became an unattainable dream for emigrants. Therefore, Latvian immigrants were waited for integration, realizing that

Mēs esam trimdinieki, bēgļi, dezertieri... Jā, mēs esam savas dzimtenes dezertieri, mēs esam to atstājuši un izglābuši savas dzīvības. Pēc pāris gadiem mūsu vidū būs latvieši, kam piederēs savi veikali, automašīnas, varbūt pat savi uzņēmumi. Ar šiem praktiskajiem latviešiem mēs nevaram rēķināties, jo viņi nerēķināsies ar mums. Ja kāds no mums varbūt cer, ka šie latvieši reiz atgriezīsies dzimtenē, kad tā būs brīva, tad tie ir maldi. Šie cilvēki to nedarīs. Viņi ir par daudz gudri, tādēļ viņi

We are exiles, refugees, deserters ... Yes, we are deserters of our homeland, we left it and saved our lives. In a couple of years, there will be Latvians who will own their shops, cars, and even their own companies. We cannot hope for these practical Latvians, because they will not hope for us too. If one of us hopes that these Latvians will return to their homeland, as soon as it becomes free, they are mistaken. These people will not do that. They are too smart, so they will get

iegūs turību un nekad neuzņemsies Antiņa lomu, lai atgrieztos mūsu nabadzīgajā dzimtenē. Tad - trimdā mēs varam sastapt latviešus, kas ir aktīvi sabiedriskā un politiskā laukā. Viņi ir nozīmīgi kā atgādinājums mums un citiem, ka mēs vēl ceļam un ticam uz latviešu valsti. Bet es neticu, vai trimda viņiem ko iemācīs, tāpat, vai viņi vēlas ko mācīties

wealth and will never assume the role of Anthony to return to our poor home country. Then in exile, we can meet Latvians who are active in the social and political spheres. They are important as a reminder to us and others that we still travel and believe in Latvian State. But I do not believe that exile will teach them what they want, just as they want to learn.

On the one hand, the desire to be isolated from the outside world in emigration became a negative factor in the development of Latvian identity in exile, because it inspired and stimulated the conservation of Latvian communities. Despite the fact that some Latvian prose characters asserted that “Es gribētu zināt vairāk par Latviju” (Ridzinieks, 1976), by the middle of the 1970s, intellectuals in exile understood the situation of uncertainty, asking strange questions, including “Vai latviešiem vajadzīga popmūzika?” (Zālītis, 1974). Some exile intellectuals hoped their isolation from the mass culture as a frontier between high and low cultures, will provide Latvians in emigration with the abilities to preserve their ethnic identity. A few years later, Latvian intellectuals (Rūķe-Draviņa, 1981) realized once again the frontier character of exile, because they began to analyse the problems of the interconnections between folk songs (Rūķe-Draviņa, 1985) and modern music. The question of the necessity or uselessness of popular music sounded too naive because other Latvian exile authors (Viķe-Freiberga, 1974) preferred to ask unpleasant questions, including

Cik no visiem tiem, kas Latviju atstāja kā bēgļi, vēl arvien uzskata sevi par latviešiem?

How many of those who left Latvia as refugees still consider Latvians themselves?

Therefore, the forced existence on the frontier of cultures, languages and identities forced the Latvian intellectuals in exile (Viķe-Freiberga, 1974) to recognize the identity crisis:

Lielā apmēra emigrācija, kas notika Otrā pasaules kara beigās, līdz ar kara zaudējumiem un deportācijām ir decimējusi latviešu tautu. Tik mazai tautai kā latviešiem tas ir grūti aizpildāms zaudējums, kā to it skaudri apzinās savā tēvzemē palikušie latvieši, dažreiz ne bez zināma rūgtuma... Latviešu tautas turpmākai eksistencei ikkatrs indivīds ir kļuvis nozīmīgs

The large-scale emigration that took place at the end of the Second World, the loss and deportation decimated the Latvian nation. For such a small nation as Latvians, it is a hard loss... the Latvians remaining in their homeland, sometimes not without a bit of bitterness, are hardly aware of also. Every individual has become important for the future existence of the Latvian people

By the middle of the 1970s, Latvian intellectuals, including Vaira Vīķe-Freiberga, who were active in their attempts to popularize the concepts of *latviskums* (Vīķe-Freiberga, 1975b) among exile Latvians (Vīķe-Freiberga, 1978), recognized that the frontier became the unpleasant reality of Latvian emigration. Therefore, intellectuals (Vīķe-Freiberga, 1976; Vīķe-Freiberga, 1985a) idealized and absolutized the traditional ethnic culture, its motifs and images in Latvian art and literature (Vīķe-Freiberga, 1979a; Freiberga, 1980; Ozoliņa, 1986; Bērziņa-Baltiņa, 1987; Bērziņa-Baltiņa, 1989) and collective neo-pagan ideas about it (Tupesis, 1981), although Vaira Vīķe-Freiberga, who fluctuated between popular culture and the idealization of the First Republic (Vīķe-Freiberga, 1979b), believed that the long existence of Latvian communities in Europe and America led to the erosion of Latvian identity. Despite the fact that it was almost impossible to define the boundaries between various forms of Latvian identity because their differences acquired the frontier, Vaira Vīķe-Freiberga (Vīķe-Freiberga, 1974), could not determine the status of Latvians in emigration and asked “Vai esam bēgļi, vai trimdinieki, vai emigranti, vai vienkārši - klaidas latvieši?” or “Are we refugees, or exiles, or emigrants, or simply Latvians?” (Vīķe-Freiberga, 1977). Vaira Vīķe-Freiberga presumed that it was possible to distinguish three types of Latvian identity in exile, including 1) Latvian immigrant identity of the older generation; 2) forced Latvian identity of emigrants who were born in Latvia, but grew up in emigration; and 3) the Latvian identity as a conscious choice of the younger generation of emigrants who were born in Europe, America or Australia and have never been in Latvia. The fear that successful integration will lead to financial well-being in emigration frightened Latvian intellectuals in exile always, and emigrants understood that exile became only a frontier between their collective memories of the First Republic and the attempts of the new generation to find their place in Europe, America, Canada or Australia. Intellectuals in exile (Vīķe-Freiberga, 1982) were forced to recognise inevitability and imminence of assimilation of Latvians who were born in exile, realizing that the number of Latvian children who learn Latvian and speak it in the United States or Canada declined steadily. Therefore, Tadeušs Puisans (Puisans, 1982) actualized the frontier status of the Latvian language in exile and the Latvian SSR, because assimilation threatened the Latvian language everywhere:

Katrai valodai, lai tā dzīvotu kā vitāls spēks, ir vajadzīga tieša un dzīva saskare ar tās atspoguļoto kultūru... Bez šīs vides valoda var gan dzīvot un nīkuļot, bet ne	Every language lives as a vital force and it needs direct and lively contact with its culture ... Without this environment, language can live and die, but not grow

augt un apliecināt sevi kā dinamisku spēku sociālās attiecībās. Trimdas organizācijās latviešu valoda dzīvo mākslīgi. Tai nav sakaru ar vietējo ģeogrāfisko un sociālo vidi, tai nav sakaru ar vietējām tautām un to kultūrām. Latviešu valoda ārpus Latvijas robežām ir pielīdzināma skaidiņai, kas mētājas jūras viļņos, nespējīga pieķerties ne pie vienas klints radzes, kas tai dotu spēku laist jaunas saknes jaunai dzīvot spējai. Katra valoda šī veida vidē ir jau notiesāta uz nāvi. Latviešu valodai ir tikai viena dzimtene: Baltijas jūras austrumu krasts. Nelaimīgā kārtā latviešu trimdas sabiedrība ar savu valodu un kultūru ir šķirta no šīs dzimtenes ļaunu politisku spēku iedarbē... Valoda un kultūra tomēr aug dzimtenē un izstaro savu iespaidu uz visiem kontinentiem pie tur dzīvojošiem latviešiem. Tikai šis spēks trimdas sabiedrību var vienot... Sakari ar tautu Latvijā ir vienīgais veids, kā pašreizējos apstākļos uzturēt pie dzīvības latviešu trimdas saimes jaunākās paaudzes interesi par latvisko kultūru

and assert itself as a dynamic force in social relationships. In exile organizations, Latvian lives artificially. It has no connection to the local geographic and social environments, it has no connection with the nations and their cultures. The Latvian language beyond the borders of Latvia is comparable to the crumbs that thrive in the sea waves, unable to cling to a rock cliff, which would give it the power to put new roots to a new life. Every language in this environment is already sentenced to death. The Latvian language has only one homeland: the eastern coast of the Baltic Sea. Unfortunately, the Latvian exile community, with its language and culture, is separated from homeland occupied by the evil political power... The language and culture, however, are growing in their native country and exert their influence on all the continents where Latvians live. Only this power can unite the exile community ... Communication with the nation in Latvia is the only way to maintain the interest of the Latvian younger generation in Latvian life in the current circumstances.

If in the USSR the Russian language became a threat to Latvian, then in emigration the Latvian language was weaker in its attempts to compete with English. Intellectuals in emigration realized gradually that the development of diaspora contacts with Latvia would be the only way to avoid complete assimilation of communities in Europe, America and Australia. By the early 1980s, Latvian intellectuals in exile recognized the importance of nationalism (Purviņš Jurjāns, 1983; Steprāns, 1984; Upenieks, 1985) as a tool for preserving and developing the identity of the group they belonged to. Collective intellectual representations (Tupešis, 1985) about who Latvian is, changed radically in comparison with earlier periods in the history of emigration. The exile intellectuals imagined Latvian in the 1980s as a human being between different historical eras, between time and timelessness, between past and future, realizing that the situation of *fin de siècle*, would change Latvian identity and culture radically:

Latviskās dzīves ziņas pamatlikumības (tikumi, paražas, daiļuma izjūta, sabiedriskās normas un attieksmes pret dabu / visumu) nenāk no augšas, nav kāda Dieva nemainīgi nosacījumi, bet gan organiski izveidojušās tautā...Latvietis nedzīvo(ja) tikumīgu un dievāju dzīvi, lai patiktu kādai transcendentai varai vai arī sagatavotos kādai „pēcnāves svētlaimībai... latvietis nemeklē(ja) dzīves jēgas attaisnojumus pārlietu komplicētās abstrakcijās, formālismā un no dzīves atsvešinātās sistēmās...Latvietis vēl joprojām nemīl transcendentas abstrakcijas un par kādu mistisku viņsauli/pasauli daudz neprāto. Viņš ir nelokāms, pat stūrgalvīgs reālists (un tikai pēdējās paaudzēs kļuvis par pesimistu). Dieviņš parādās kā migla, rūsa un vai gaisma, un no purva velns pārcēlies uz nēsātāja pleciem. Pasaule pati ir brīnumu pilna... bet katra indivīda mūža ritējums ir konkrēts ar saviem priekiem... un bēdām

The fundamental rights of the Latvian life (virtues, customs, sense of beauty, social norms and attitudes towards nature / universe) did not come from above, they are not constant conditions of Lord, but nation formed them... The Latvian does not live a virtuous and godly life to enjoy a transcendental power or to prepare for a "post-death bliss"... the Latvians does not seek the excuses of the meaning of life in excessively complicated abstractions, formalism, and alienated systems of life... The Latvians still does not love the transcendent abstractions and the mystery of the mysterious world. Latvian is a steadfast, even stubborn realist (and he became a pessimist in recent generations only). The Lord appears as a mist, rust and light, and the Devil moved to the shoulders of Latvian who bear him. The world itself is full of miracles... but the life-cycle of each individual is specific to joys... and sorrows

Therefore, the character of *Jaunā Gaita* became even more frontier in the 1980s, because Latvian intellectuals preferred to publish fiction, poetry, articles on culture and art, which in the pages of the magazine coexisted and neighbored with academic texts (Viķe-Freiberga, 1985b) or political essays focused on current issues of freedom (Viķe-Freiberga, 1986), identity, nation, politics and nationalism (Purviņš Jurjāns, 1983; Vāvere, 1982). If by the middle of 1950s *Jaunā Gaita* was a cultural, literary and intellectual frontier, in the 1980s the magazine's frontierity became different meaningfully because its editors tried to politicise the journal. Therefore, in the 1980s, they became more active in their attempts to cross the ideological and political frontiers between the emigration communities and the Latvian SSR, realizing that contacts with the homeland could prevent the Latvian communities in exile from complete assimilation and loss of identity. Juris Rozītis in 1984 suggested that new stage began on the development of the Latvian culture of emigration, and changes of social and cultural generations inspired the beginning of this new era because Latvian intellectuals understood that "Latvijas nākotne kopā mūs sauc" (Rubess, 1985) or "the future of Latvia together call us". Juris Rozītis (Rozītis, 1984) presumed that Latvians who belonged to the new younger generation lost connections with the cultural community they came from and became Canadians, Americans or Australians. Therefore, Latvian

intellectuals in exile (Rodze-Ķīsele, 1983) began to cross the frontier boundaries actively between the Latvian culture of emigration and the Latvian culture of the Latvian SSR, publishing in *Jaunā Gaita* texts focused on the cultural situation in Latvia.

LATVIANS IN AUSTRALIAN FRONTIER: FORMAL ORIENTATIONS

Australia as a country with a colonial past has its own traditions of academic studies of frontier and frontier situations. If the history of the early Australian frontier was a history of contacts and contradictory relations between colonists and Aborigines (Attwood, 2017; Critchett, 1990), then the history of the frontier in the 20th century was different because the political processes in Europe and its ideological split into two opposing blocs stimulated political emigration from countries that entered the zone of Soviet influence. Latvia was one of these states, which became a victim of Sovietization. Australia has become a state that adopted more than 20 thousand Latvian immigrants, who rushed to this country together with Ukrainians, Lithuanians, Estonians, Croats, whose states lost their sovereignty and independence or became pro-Soviet satellites. Therefore, the history of the Australian frontier became the history of relations between English-speaking Australians and new immigrant communities, or the history of integration and assimilation of emigres into the Australian frontier between memories of a lost homeland and attempts to find a place in a new society.

The social, cultural and intellectual histories of Latvia in the second half of the 20th century became heterogeneous. Therefore, the history of Latvia was a history of Latvians in Latvia and Latvian communities in emigration and exile (Akmentiņš, 1958; Baltaks, 1960). Australia became one of the centres of Latvian emigration (Daukste-Silasproģe, 2014) after the Sovietization of Latvia and the end of the Second World War. The first Latvian arrived in Latvia in 1853. The revolution of 1905 stimulated political emigration from Latvia to Australia and by 1918 the first Latvian cultural organization emerged in Sydney. By 1938, 427 people of Latvian origin lived in Australia. By the early 1950s, Australia had become the second largest country with a Latvian minority. By 1951, 21,000 Latvians lived in Australia – more than 55,000 Latvians lived only in the United States. By the beginning of the 1970s, 14,478 citizens of Australia indicated Latvia as their birthplace. New South Wales (8,200), Victoria (7,500) and South Australia (4,300) were the regions of Australia where most Australian Latvians lived (Putniņš, 1981). By the middle of the 2000s, 20,058 citizens of Australia had Latvians roots.

THE FRONTIER AND VISUALIZATION OF IDENTITY

Latvian intellectuals in Australia understood that emigration (izceļošana) and exile (trimdā) institutionalized the gap, on the one hand, between Latvians and their historical and ethnic homeland, and, on the other hand, the gap and even failure between different generations of the Latvian communities, which stimulated Latvian authors to systematize the experience of the expulsion and forced existence of Latvians in Australia (Eglītis, 1984). Despite the psychological trauma of exile, the understanding that “nepazīta aug rītdienas vara” (Pļavkalns, 1962) or “the power of tomorrow is unknown”, Latvian intellectuals in emigration believed that “latviešu tauta turpinās eksistēšanu” (Sarma, 1962a) or “the Latvian nation will continue to exist”. This historical optimism of forced exiles and inhabitants of the frontier was combined, on the one hand, with their attempts to doubt the universality of “mechanizētais intelektuālisms” or “mechanized intellectualism” (Sarma, 1963).

On the other hand, an interest in national history, imagined by emigrants as one of the foundations of identity, became inevitable in Latvian communities in Australia. The history was extremely important for Australian Latvian intellectuals (Sarma, 1962b), because, by the time they left Latvia for Australia, positivism was dominant in the art of history writing and the intellectuals believed that the historical past was stable. These ideas were extremely important to them in contexts of Australian frontiers. Therefore, intellectuals sought to actualize the values of Latvian identity, they paid particular attention in their texts to the prospects for the development of the Latvian language in foreign cultural contexts (Dunsdorfs, 1964), problems of life of Latvian communities in exile (Dunsdorfs, 1963), cultural activities of Latvian groups and communities in emigration including Australia. Eduards Silkalns, for example, sought to acquaint readers with events in the life of Latvian communities organized by national activists in Australia, believing that various events such as music festivals (Silkalns, 1957b), became attempts to mainstream Latvian identity in alien cultural and foreign language landscapes.

Eduards Silkalns was among those emigrants who took an active part in the organization of the Days of Latvian Culture, which became a collective attempt to actualize the identity of emigrants and make Latvian ethnicity more visible in Australian contexts. “Latviešu nams”, or “Latvian House”, became the centre of Latvian cultural events (Silkalns, 1958a). The days of Latvian culture, including literary readings, exhibitions, competitions of Latvian folk musical groups, became attempts to revitalize and encourage the use of the Latvian language among young Latvians in Australia. The Days of Latvian Culture (Silkalns, 1958d) became an

attempt to preserve the continuity of the cultural, literary and intellectual generations of the Latvian community in Australia because they provided young authors with a wide range of opportunities to present their new texts written in Latvian. The Days of Latvian Culture, which were organized in Brisbane in 1959, included youth debates, where participants discussed the problems of living among the younger generation of the Latvian community in Australian cities among non-Latvians (Silkalns, 1959).

This problem was extremely relevant for the Latvian community in Australia, because intellectuals became passive witnesses of the processes of their integration in Australian society (Gārša, 1961) and in fact attempts of young Latvians to become a part of Australian society institutionalised frontier between two generations of emigration and made Latvian in Australia to choose between integration and assimilation. Latvian intellectuals sought to find their place in Australian society, which forced them to imagine themselves as part of the Latvian or Australian political and cultural nation because permanent residence on the frontier between different cultures and identities became impossible. By the middle of the 1970s, Latvians were able to integrate into Australian society successfully, and it allowed them to accept the success of Patrick White, Australian writer and Nobel Prize winner, as the achievement of the nation, they belonged to (Bērziņa, 1974). Therefore, by the early 1980s, Latvian intellectuals in Australia (Vāvere, 1982) became more active in their attempts to compare Latvian and Australian traditions, mapping Latvian culture and identity in Australian contexts.

Therefore, the dissemination of information about the cultural life of emigration, about song festivals, the repertoire of Latvian theatres (Ābele, 1969; Ābele, 1970; Ābele, 1971; Ābele, 1972) was used by emigrants to preserve and visualize Latvian identity. The theatre in exile (Freimanis, 1974; Tompsons, 1979) became an important channel for the visualization and promotion of Latvian identity. Despite these diverse cultural activities and practices, Eduards Silkalns in 1957 stated the threat of assimilation of young generation can inspire negative results, including erosion of Latvian language and identity. Despite negative external factors, Latvian intellectuals in the second half of the 1950s believed that Latvian culture could survive in extremely difficult external conditions that stimulated its resistance and the desire of Latvians to preserve language and identity (Silkalns, 1957a). Kārlis Ābele (Ābele, 1962a) in this situation believed that only two alternatives existed for Australian Latvians, especially for young people, because

latviešu jaunietis Austrālijā dzīvo starp divām teorētiskām galējībām. Viena no tām ir visa latviskā aizmiršana, saejoties tikai ar austrāliešiem un lasot grāmatas tikai angļu valodā. Otra ir pretējā – dzīvošana tikai latviskā vidē

a Latvian young man in Australia lives between two theoretical extremes. The first one is the Latvian oblivion, life among the Australians only and reading in English also. The second one is the opposite – life in a Latvian environment only

Latvian intellectuals in the emigration of the 1960s and 1970s realized the painfulness of choosing between integration and assimilation, between isolation and attempts to find their place in Australian society in particular and the Western world in general, where actually various national identities became political and economic competing projects.

Therefore, Lūcija Bērziņa (Bērziņa, 1963) in one of her articles published in the first half of the 1960s quoted Mārtiņš Zīverts, Latvian playwright from Sweden, whose hero, Jānis Bicēns in the play “Raķete”, was forced to state that

dzīve ir tirgus, kur pērk un pārdod ne tikai maizi, konservus, automobiļus un veļu, bet arī sirdsapziņu, godu un patiesību

life is a market where not only bread, canned food, cars and linen are bought and sold, but conscience, honour and truth also

Kārlis Ābele presumed that historically the Latvians were doomed to be a nation of the frontier because they had unique historical experience of “living under the influence of two different cultures... and became spiritually more vigilant ... there is no need to deceive the Australian to be a real Latvian. Latvians in free Latvia lived under the influence of foreign cultures. Latvians received much from German, Russian and French cultures” (Ābele, 1962a).

Jānis Sarma, one of the Latvian intellectuals in Australia, commenting on the genesis of modern Latvian culture and identity, believed that Latvian national self-consciousness was historically frontier because neighbours, including Germans, became an important factor in the cultural development of Latvians: “Latvian literature in the early 20th century was in a transition, trying to get closer to European literature... Latvian literature has grown from the foundations of German literature. German literature was a model for us, Russian literature was also, but less. The structure of our sentences is German, although we do not want to admit it, because the Germans were our political enemies” (Sarma, 1962).

The feeling of Latvian identity as the frontier in this situation combined with collective political phobias and cultural fears, although Latvian cultural activists in exile were bold enough to admit that Latvian culture was never only Latvian and ethnic pure. Kārlis Ābele insisted that “the word ‘Australian’ should be used to mean a much vaguer concept than

the word ‘Latvian’ because the Australians have a much less developed national idea and patriotism”. Kārlis Ābele in exile offered to revise some of the values of Latvian nationalism, believing that “unshakable belief in the freedom of Latvia in the future is not a basic necessity for the preservation of Latvia. If we were confident that Latvia would never regain independence, we would have to remain Latvians as long as possible. Unconditional faith in Latvia’s freedom is not a duty, and the struggle for Latvia’s independence is our duty ... we should not try to be ‘pure’ Latvians: we can learn a lot from other cultures without becoming worse than other Latvians” (Ābele, 1962a).

FRONTIER TEXTUALIZATION: THE EXPERIENCE OF AUSTRALIAN LATVIAN INTELLECTUALS

Different cultural events were among means, intellectuals used in their attempts to actualize and visualize Latvian identity in Australia, but narrative practices, including various texts, prose, poetry, essays, played a more important role in the preservation of Latvian identity in a situation when another culture and language dominated. If cultural events made Latvian ethnicity more visible and Latvian language more audible, then intellectual practices formed the Latvian discourse in Australia, encouraging intellectuals to reflect constantly on the possibilities and ways of preservation and development of Latvian identity. Poetry (Pļavkalns, 1967b) was one of those narrative practices and strategies that Latvian intellectuals in Australia used actively to preserve identity.

Eduards Silkalns was one of the leading Latvian poets in Australia in the second half of the 1950s and 1960s. The poetic texts of Eduards Silkalns actualised a wide range of diverse images, including attempts to understand the role of Latvians in exile. Eduards Silkalns (Silkalns, 1961a) imagined exile as parting from the Motherland, which became visible only in dreams, when

šis sapnis dažkārt liek man jūras malā

this dream leads me sometimes to the edge
of the sea

Kārlis Ābele (Ābele, 1961b) also found peace only in shaky realities of the frontiers between spaces of sleep, memories, imagination, delusions and hallucinations, when his hero

nevaicāju, kas ir Dievs, kas ir mīlestība,
patiesība, cerība, taisnība, laime

do not ask who is God, what is love, truth,
hope, faith, happiness

The forced stay in Australia became emigration for Latvian intellectuals (Silkalns, 1959b; Silkalns, 1961b), who imagined Latvia as motherland where

tik daudzu kurpju nospiedumus smiltīs so many shoe footprints [were left] in sand

Therefore, Eduards Silkalns defined the state of the Latvian community in Australia as a frontier:

parīt	the day after tomorrow
gribētos salīt	I'd like to salad
un pirmdien nokārtu	and on Monday
galvu	head
mīlētās balvu...	loved prize ...
piektdien gribētos	on Friday would like
zvanīt	to call
jaunai ar mītni	new with headquarters
siltu	warm
kas vērtu	what's worth
drīzi	soon
uz paradīzi	to paradise
vārtus	gates
un karstu sārtu	and hot pink
lietus trāpītam	rain hit
gribētu iedegt	would like to light up
un teikt – esmu Toska	and say – I'm Tosca
tad parīt	then the day
atkal kā svētdienā	again as on Sunday
gribētos salīt	I'd like to salad

Actually, Eduards Silkalns in these contexts tried to fix the state of frontierity of time, when existence in a formally prosperous consumer society lost its spiritual meaning, because life turned into a series of chaotic days, which are full with attempts to realize gastronomic and biological needs of the poetic hero, who lost any links with his romantic and national predecessors.

The exile actualized the states and feelings of transitivity, frontierity and fluctuation, and the Australian realities of a society without a historical past and cultural heritage forced Latvian intellectuals to realize the frontier status of their own community, which started to exist between the past and the future, because the present became the frontier between historical memory and social amnesia, between isolation and assimilation. Emigration actualized images of death in the texts of Latvian authors in Australia:

Es abām acīm skatu promenādi,	I look at the promenade with both eyes
Kur paēnā uz trula trotuāra	Where in the yard on the troll sidewalk
Kāds čalis stāv un malko limonādi,	Some guy standing and sipping lemonade
Jo mani gūsta vēlēšanās kāra.	Because I am lusted by desire.
Man ilgas zūd pēc skaļa alus bāra	I miss a long beer bar
Un naudas, par ko kožlāt šokolādi,	And the money to chew chocolate
Pēc kioskiem, kur karstus suņus vāra,	At kiosks where hot dogs boil
Un vaļas, kad var lasīt Iliādi.	And wake up when you can read the Iliad

Eduards Silkalns (Silkalns, 1961b) in this intellectual situation actualized other hypostases of the frontier poet: a blurred, extremely conditional and imagined border between prosperous consumer culture, a feeling of saturation, bourgeois satiety and biological thirst and high classical antique culture.

Osvalds Lācis (Lācis, 1963b) believed that Latvians in emigration became a sleeping nation, and sleep turned into a shaky space, one more frontier where sleepers can return to the past. Past, collective and individual memories became factors that did not allow Latvians in Australia to lose their identity and language. Hugo Kaupmanis (Kaupmanis, 1963), commenting on the contradictory relationships between Latvian intellectuals in exile and their history, stressed that

pagātne ir prologs, tā nav nenožīmīga, bez	the past is a prologue, it is not
tās nevar iztikt, no tās var sākt. Tā ir	insignificant, it cannot be dispensed, it can
vakardienas tradīcija, uz kuŗu balstās	be started. It is yesterday's tradition... it is
tagadnes un celsies nākotnes dzejas	based on the present, but the tradition of
tradīcija	future poetry will rise

Eduards Silkalns (Silkalns, 1961b) described the Latvian community in emigration as a nation at a crossroads, comparing it with “daudis vēl nekāpa vilcienos, jo vilciens nebija kustīgs” (“the people who are not moving”), because exile became a search for compromise with the memory of the homeland. Therefore, the non-lyrical hero in emigration got incarnations that were radically different from features of the romantic hero, because Latvian poets decided to part with romanticism (Pļavkalns, 1965b) because its heritage became too problematic for Latvian intellectuals who understood that traditional romantic poetry became an obstacle in their attempts to integrate into Australian society.

Kārlis Ābele (Ābele, 1961a) was one of those Latvian intellectuals in exile who expressed the state of frontierity very subtly in his texts, where he recognized pessimistically the precariousness and fragility of the world and space

Mēs esam šaubītāju paaudze.	We are a generation of doubters.
Mūsu vide	Our environment
Ir trausla kā sidraba burbulis	is fragile like a lemon bubble
Straujas straumes virsmā;	The surface of a rapid stream;
Un mēs nezinām, kas rītu būsīm:	And we don't know what will be
Latvieši – vai austrālieši, amerikāņi,	tomorrow:
Angļi, vācieši vai zviedri,	Latvians – or Australians, Americans,
Vai arī krievi.	Englishmen, Germans, Swedes
Šis gadu simts ir karogu dzimšanas un	Or Russians.
nāves laiks.	This century is the time of the birth and
Robežas rodas un gaist	death of the flags.
Kā viļņi jūrā,	Boundaries arise and flies
Kā dūmi vējainā dienā.	as waves, you feel
Nekas nav pastāvīgs:	As smoke on a windy day.
Klintis lēnām sairst smilšu graudos,	Nothing permanent:
Un zeme trakā steigā riņķo apkārt saulei.	The rocks fall slowly into the sand,
Senie vārdi -	And the earth is raging around the sun in a
Dievs, mīlestība, patiesība,	hurry.
Cerība, taisnība, laime -	Ancient words -
Valkā sirmus klišeju mēteļus	God, love, truth,
Vai elegantas frakas ar cinisma nelķēm	Hope, True, Happiness -
pogcaurumos.	Wear plain clover coats
Pasaule liekas neīsta -	Or elegant cascades with cynic carnations
Ka kino teātra greznā fasāde,	in buttonholes.
Kas aizsedz aizmugures pagalmā	The world seems to be dull -
rūsošās atkritumu tvertnes	The Cinema theatres luxurious facade
Un putekļu klātās, saplēstās pudeles.	What's in the back yard
Kam lai ticam? Vai vispār kam lai ticam?	rusty waste bins
	And dusted broken bottles.
	Who do we believe in? What do we
	believe at all?

If the hero of Kārlis Ābele reflects painfully on the political metamorphoses and radical changes that led to the disappearance of his homeland, replacing the national flag with the red Soviet one, if the hero of Kārlis Ābele realizes that assimilation is a possible scenario, if the hero of Gundars Pļavkalns (Pļavkalns, 1967a) tried to understand the reality of another world, then the hero of Eduards Silkalns does not want to put up with it and seek a compromise with the anti-human reality of Soviet authoritarianism or coercion and dictate of the consumer society and therefore he justified and legitimized suicide (Silkalns, 1965b) as a radical strategy of struggle against the anti-human nature of consumerism. The frontier hero of Eduards Silkalns (Silkalns, 1965a) claims that

ir skaistāk lasīt par pagātņi, nekā laužties pagātņē iekšā it is more beautiful to read about the past than to break into the past

Therefore, Kārlis Ābele recognized that immigrants lost gradually their ability to control memory of the past, because “atmiņu aizsaulē dziestošās dienas” or “memory went in the days of desolation” (Ābele, 1962b). Gundars Pļavkalns, commenting on the metamorphosis and misadventures of literary heroes of Latvian prose in exile, presumed that they “became biocentric personalities ... they are not idealists or romantics, they are not inclined to be interested in art, philosophy and the correction of the world ... They themselves realize sometimes that they are the same with other types of mammals” (Pļavkalns, 1965a).

Latvian intellectuals (Eglītis, 1978) presumed that spiritual crisis became a defining factor in the life of Latvians in exile:

nav ne zelta, ne zīda. Un nav arī kuģa. Nav pat ielas vairs, un nav arī māju. Tikai varens ceļš priekšā, viņā pusē ugunis logos. Vienā tā tumša, vai tur dedzina sveces? Nē, tā vienmēr tur tumša, to jau vajadzēja zināt... Nekā nevar darīt. Nekā to uzzināt. Pretī plašais ceļš, logā tumša gaisma, uz stūra tālruņa būda. Un viņš tur stāv un nezina, ko darīt. Tā reizēm gadās: cilvēks nezina, ko darīt	there is no gold or silk. And there is no ship. Not even the street anymore, and there is no house. Only the mighty road ahead, the lights in the windows on its side. Is it dark... did candles burn here? No, it is always dark, it should have been known... Nothing can be done. Don't know it. Opposite the wide road, the dark light in the window, the rack of the phone. And he stands there and doesn't know what to do. It sometimes happens: a person does not know what to do

Therefore, the rhetorical question of Eduards Silkalns (Silkalns, 1964)

kas bez pagātnes pavisam būtu bešā remains unanswered because the Latvian writers (Ābele, 1963a), describing their heroes, emphasized that	who would be without a past

šaubas: manas māsas. Nervu Šķiedras: gītāras soprāna stigas	doubts: my sisters. Nerve Fiber: Guitar soprano strings

The past as an imagined ideal history and collective memories did not release Latvian immigrants, turning them into hostages of their own past and the frontier between the unfinished past (the memory of independent Latvia was consciously cultivated in emigration) and an uncertain future. Therefore, critics in exile admitted that Latvian emigration writers became a hostage of the frontier because their heroes fluctuated painfully between a

free Latvian state, camps for displaced persons, emigration (Eglītis, 1963; Rozentāle, 1972) and traditional Latvian culture.

The traditional ethnic culture was a universal ideal for Latvian intellectuals in exile because foreign reality seemed to them a ghostly frontier when ethnicity was imagined as a stable and powerful basis of identity: “Latvians were lyricists. For decades, we looked with envy at our northern neighbours – Estonians, Finns, Norwegians, whose novels entered the world literature. There were about 2 million Latvians, and we had 2 million folk songs” (Kaupmanis, 1963). Questions about the preservation of the nation, language and identity, Latvian intellectuals (Lācis, 1977) asked themselves in exile, remained unanswered because

atbilde laikam paliktu tikpat neskaidra kā the answer would probably remain blurred
nakts miglā viesnīca as a hotel in the night fog

Actually Eduards Silkalns actualized the frontier character of Latvian culture in particular, and Australian culture in general, because they mutated in the symbiosis of the mass cultural welfare of the consumer society and rare random memories of the high cultures of antiquity: classical Greek texts degraded to external backgrounds of consumption and satisfied social and biological needs of protagonist, who ceased to be a romantic hero, but became a man of the frontier between existence and consumption, various cultures and identities.

The transformation of the poetics of Latvian verse in this intellectual and cultural situation became virtually inevitable, and therefore the heroes of Kārlis Ābele (Ābele, 1963a) were forced to listen to “sludina dīvaini apustuļi” (“preach to strange apostles”) in a situation of “neuzticības un vienaldzības austā” (“unbelief and indifference”). Kārlis Ābele’s heroes of this period imagined the world as

pasaule šķiet slima kā viņu pašu spilgto, the world seems sick like their own bright,
sakropļoto murgu un noreibušās domas mutilated nightmare and frowning thoughts

where “noguris vējš laiski trenkā pelēku pelnu pārslas” (“tired wind blows grey ash flakes”). The world in this poetic imagination lost its naturalness, transforming into a technocratic nightmare: “mākslīgu sauļu sirdis glaudīsies pie zemes” (“the hearts of artificial suns will shrink to the land”). The world of emigration, imagined by Kārlis Ābele, became the frontier space between norm and madness. Therefore, a situation when “sarkanu iedomu debesis novilkta lejā pie zemes” or “red imagined sky pulls down to the earth” (Ābele, 1963b) became possible in this world only.

Therefore, images of frontierity and uncertainty were inevitable in his poetic texts, where the lyrical hero ceased to be a romantic, feeling an agonizing identity crisis, calling for the help of God (Silkalns, 1958b) and remembering the inevitable presence of death in everyday life

Dievs ir liels un skaists kā mākonis.	God is great and beautiful as a cloud.
Es bez Dieva būtu izmisis.	I would be desperate without God.
Dievs man rāda skaidros gaismas ceļus	God shows clear paths of light to me
Ceļos.	Roads.
Nāve ir kā melna, ļauna sieva.	Death is like a black, evil wife.
Nāve izkāmējusi un tieva.	Death has melted and died.
Nāve vēlas pulcēt daudzus veļus	Death wants to bring together many linens

The poetic narratives of Eduards Silkalns were filled with images and motives of the frontier, the fragility of boundaries and inconstancy of states. Emigration and exile, a distance from the historical centres of Latvian culture, daily existence in a different cultural environment inspired identity crisis. Latvian identity in Australia existed in an alien cultural environment which was separated from Latvian culture and identity by an unsteady and uncertain frontier. This situation of frontier institutionalised the threat of integration, which could lead to complete assimilation and loss of Latvian identity.

PRELIMINARY CONCLUSIONS

Summarizing up the main ideas of the article, several factors should be taken into account because they determined the main vectors and trajectories of transformations and developments of Latvian frontier identity among intellectuals of Latvian origin who lived in Australia between the 1940s and 1980s. Initially, Latvian identity among emigrants from Latvia to Australia developed as a predominantly ethnic Latvian, because they were afraid to lose ethnicity, their language and elements of folk culture. The emigrants did not bring traditional and archaic versions and forms of Latvian culture and identity to Australia, because a significant part of the emigrants had an education and their cultural level was higher than the level of their historical predecessors, whose identity was more traditional and archaic.

The modernization of identity, which began in Latvia, on the one hand, was the factor that inspired the processes of erosion and the gradual destruction of the ethnic foundations of Latvian identity in Australia. On the other hand, Latvian immigrants in Australia found themselves in a society that was radically different in comparison with the society of the First Republic or other European countries. Australia, which historically

emerged as a British colony, in contrast to European countries, has never been a nation-state or a nationalizing society. Australia, like the USA or Canada, became a country of immigrants and a society of various national communities, which lost their ethnic characteristics and national languages, becoming an Australian political nation gradually. This situation of national development was radically different from the realities that were known to Latvian immigrants before the exile.

Forced, politically stimulated emigration and exile into Australian realities changed Latvians as a community radically in general and their identity in particular, because yesterday Europeans emigrated in the country where social, cultural and linguistic frontiers were normal. The previous social statuses were lost, cultural guidelines were changed, the language became an obstacle to successful integration into Australian society. These factors stimulated the tendencies of hybridization and marginalization of Latvian identity in Australia simultaneously, but despite the role of negative factors, Latvians were among those communities that were able to survive on the situation of the frontier, integrating their identity into Australian contexts, retaining the language and other attributes of politicized ethnicity. Latvian identity in emigration and exile became a victim of textualization: the frontier contributed to its marginalization and mental migration to the periphery of social and cultural life.

Discourse, as a set of politically and ideologically motivated narratives in the Latvian language, became the main form of the existence of the identity of intellectuals in exile who became hostages of the frontier: they taught at universities in English, their business became English-speaking, they and their children became bilinguals, but they continued to speak Latvian in national clubs, in societies and churches. Therefore, the writing of intellectual texts and essays in Latvian, the writing of prose and poetry in Latvian, the cooperation with journals in Latvian from Australia, the USA, Canada and Europe became a form of actualization of the identity of the frontier groups and communities that existed between their own and others' traditions, between different political and social identities, between languages and cultures.

Emigration and exile altered the Latvian identity substantially, but they could not inspire its death, because Latvian intellectuals rejected the idea of assimilation as the euthanasia of culture and identity, they perceived and imagined as their own. Emigration became the factor that stimulated the mutation of the Latvian identity, turning it from a national into a peripheral, frontier and virtually alien. The presence of the Latvian community, language and identity in a multicultural mosaic of modern Australia once again actualizes the constructivist potential of nationalism as

a political project, because nationalists, as intellectuals who imagine and invent a nation, were able to adapt and integrate into a new society, recognizing themselves as aliens and therefore maintaining their identity and language, abandoning the radical extremes of assimilation and isolation. Therefore, the Australian cultural frontier did not become the space of euthanasia of Latvian identity but turned into another cultural space for its existence and articulation.

References

- Ābele, K. (1961a). We are a generation of doubters, *New Pace*, (28), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg28/JG28_Dzeja.htm
- Ābele, K. (1961b). I remember one day, *New Pace*, (28), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg28/JG28_Dzeja.htm
- Ābele, K. (1962a). Young as a Latvian and Australian, *New Pace*, (35), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg35/JG35_Abele.htm
- Ābele, K. (1962b). Rebellion, *New Pace*, (35), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg35/JG35_Dzeja.htm
- Ābele, K. (1963a). Back then, *New Pace*, (44), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg44/JG44_Dzeja.htm
- Ābele, K. (1963b). Queen of Death, *New Pace*, (41), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg41/JG41_Dzeja.htm
- Ābele, K. (1969). Latvian Cultural Life in Emigration in 1968, *New Pace*, (73), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg73/JG73_Abele.htm
- Ābele, K. (1970). Latvian Cultural Life in Emigration in 1969, *New Pace*, (78), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg78/JG78_Abele.htm
- Ābele, K. (1971). Latvian Cultural Life in Emigration in 1970, *New Pace*, (83), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg83/JG83_Abele.htm
- Ābele, K. (1972). Latvian Cultural Life in Emigration in 1971, *New Pace*, (88), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg88/JG88_Abele.htm
- Ābele, K. (1973). Latvian Cultural Life in Emigration in 1972, *New Pace*, (95), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg95/JG95_Abele.htm
- Akmentiņš, O. (1958). *American Latvians, 1888 – 1948*. Lincoln: Vaidava
- Alksnis, V. (1964). Exile Latvian Youth National Politics, *New Pace*, (48). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg48/JG48_Alksnis.htm
- Attwood, B. (2017), *The Good Country: The Djadja Wurrung, The Settlers and The Protectorate*. Melbourne: Monash University Publishing
- Austrālis, (1964). Nationalism and Patriotism, *New Pace*, (48). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg48/JG48_Australis.htm

- Balodis, A. (1958). Latvia - Baltic States - Europe, *New Pace*, (13), January - February. Retrieved from https://jaunagaita.net/jg13/JG13_vidusdala.htm
- Balodis, A. (1958b). The Baltic Unity's Past and Future Efforts. *New Pace*, (14), March - April. Retrieved from https://jaunagaita.net/jg14/JG14_Balodis.htm
- Baltaks, J. (1960). Australian Latvians and Assimilation, *Archive* (1), pp. 48–73.
- Baumanis, A. (1958). For emigrants and exiles, *New Pace*, (18). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg18/JG18_Dzive-un-darbi.htm
- Bērziņa, L. (1963). 60 years, 40 plays. Latvian Idealist Mārtiņš Ziverts, *New Pace*, (42), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg42/JG42_gramatas_Berzina.htm
- Bērziņa, L. (1974). Nobel Prize Winner Patrick White, *New Pace*, (99), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg99/JG99_Berzina-par-Vaitu.htm
- Bērziņa-Baltiņa, V. (1987), The Hidden Source of God, *New Pace*, (164). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg164/JG164_Berzina.htm
- Bērziņa-Baltiņa, V. (1989), People of Lāčplēsis, *New Pace*, (175). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg175/JG175_Berzina-Baltina.htm
- Lācis, O. (1963b). I watch myself in the dream, *New Pace*, (42), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg42/JG42_Dzeja.htm
- Critchett, J. (1990), *A Distant Field of Murder: Western District Frontiers, 1834–1848*. Melbourne: Melbourne University Press
- Daukste-Silasproģe, I. (2002). *Latvian literary life and Latvian literature in the refugee's years in Germany (1944-1950)*. Riga: Science
- Daukste-Silasproģe, I. (2007). *Latvian literary life and literature in the USA and Canada: 1950-1965*. Riga: Walter and Rapa
- Daukste-Silasproģe, I. (2014). *Far land, close people. Latvians in Australia: life, literary process, personalities*. Riga: LU LFMI
- Daukste-Silasproģe, I. (2019). *Waiting for the boat: Latvian writers are on their way to Sweden*. Riga: LU LFMI
- Dunsdorfs, E. (1961). Youth and Our Future, *New Pace*, (28), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg28/JG28_Dunsdorfs.htm
- Dunsdorfs, E. (1964). Mixed Latvian language, *New Pace*, (50), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg50/JG50_Dunsdorfs.htm
- Eglītis, M. (1963). Radiologist, *New Pace*, (42), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg42/JG42_Eglitis.htm
- Eglītis, M. (1978). Just Two Streets, *New Pace*, (121), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg121/JG121_Eglitis.htm

- Eglītis, M. (1984). Spodris in my memory, *New Pace*, (147), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg147/JG147_Eglitis-par-Klauvertu.htm
- Freiberga, V. (1980), Poetic Imagination in Latvian Songs, *New Pace*, (127–128), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg127/JG127-128_VVF.htm#_edn1
- Freimanis, D. (1956). Young People and Latvian Culture (Report on the Washington Latvian Youth Days, July 28, 1956), *New Pace*, (6). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg6/JG6_Vertejumi-pardomas.html
- Freimanis, E. (1970). Two worlds. Two passages from the novel, *New Pace*, (78), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg78/JG78_Freimanis.htm
- Freimanis, K. (1974). The thirteenth Australian Latvian Theatrical Festival, *New Pace*, (99), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg99/JG99_Teatris.htm
- Gārša, A. (1961). Southern Cross, *New Pace*, (28), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg28/JG28_Gaarsha.htm
- Ģermanis, U. (1957). Latvian Fathers of the Constitution, *New Pace*, (7), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg7/JG7_Germanis.html
- Ģermanis, U. (1957b). Latvian People's Adventures, *New Pace*, (8), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg8/JG8%20-%20JG21_Germanis.html
- Ģermanis, U. (1966). Development of the Independence Idea of Latvia, *New Gaita*, (58). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg58/JG58-62_Germanis.htm
- Grants, A. (1958). Stockholm “Norma”. Fragment of the novel "And Snow Over Stockholm", *New Pace*, (18). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg18/JG18_Grants.htm
- Grasis, I. (1981), Land, land, *New Pace*, (133), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg133/JG133_Dzeja.htm
- Irbe, A. (1958). Old Town Theology, *New Pace*, (13), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg13/JG13_Irbe.htm
- Irbe, G. (1967). Metamorphosis 3.9.1967, *New Pace*, (66). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg66/JG66_Irbe.htm
- Jēger-Freimane, P. (1962). Thoughts on Latvian youth problem abroad, *New Pace*, (36), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg36/JG36_JegerFreimane.htm
- Kalniņš, Br. (1966). Thoughts on Latvian State, *New Pace*, (60). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg60/JG60_Kalnins.htm
- Kaupmanis, H. (1963). About free article, *New Pace*, (42), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg42/JG42_Kaupmanis.htm

- Ķīķauka, T. (1981a), Exile newspapers, *New Pace*, (132), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg132/JG132_Kikauka.htm
- Ķīķauka, T. (1981b), Periodicals of Exile, *New Pace*, (133), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg133/JG133_Kikauka.htm
- Lācis, O. (1963). Lonely, *New Pace*, (42), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg42/JG42_Dzeja.htm
- Lācis, O. (1977). Gunispers, *New Pace*, (113), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg113/JG113_Lacis.htm
- Launags, F. (1984), Article without Key, *New Pace*, (148). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg148/JG148_Launags.htm
- Lelis, J. (1967). Evaluation of the Latvian Exile Society, *New Pace*, (63). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg63/JG63_Lelis.htm
- Nollendorf, V. (1955). Old and New, *New Pace*, (2). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg2/JG2_Nollendorfs.html
- Ozoliņa, I. (1986), Sun and Sun Tree in Latvian Literature, *New Pace*, (156). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg156/JG156_Ozolina.htm
- Peniķis, J. (1967). Thoughts on Latvian State, *New Pace*, (65). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg65/JG65_Penikis.htm
- Pļavkalns, G. (1962). Meditation, *New Pace*, (35), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg35/JG35_Dzeja.htm
- Pļavkalns, G. (1965a). Adam and Ieva without a fig leaf: Osvalds Lācis. “We and They”, Stories. The 4th book of Australian Latvian Authors’ Works. Salas, 1964, 166 pages, Astras Lāce’s cover and illustrations, remarks by K. Freimanis. *New Pace*, (56), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg56/JG56_gramatas_Plavkalns.htm
- Pļavkalns, G. (1965b). Romanticism in poetry, *New Pace*, (53), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg53/JG53_Plavkalns2.htm
- Pļavkalns, G. (1967a). Letter without address, *New Pace*, (61), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg61/JG61_Dzeja.htm
- Pļavkalns, G. (1967b). Reality and simplicity in our newest poem, *New Pace*, (63), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg63/JG63_Plavkalns.htm
- Pļavkalns, G. (1971). In the sarcophagus, *New Pace*, (85), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg85/JG85_Dzeja.htm
- Puisāns, T. (1980), Latgale Problem in Latvian History, *New Pace*, (128–129), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg128/JG128-129_Puisans.htm
- Puisans, T. (1982), The Dilemma of the Latvian Language, *New Pace*, (141). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg141/JG141_Puisans.htm

- Purvins Jurjāns, J. (1983), The Future of Nationalism, *New Pace*, (145). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg145/JG145_Purvins-Jurjans.htm
- Putniņš, A. (1981). *Latvians in Australia. Alienation and Assimilation*. Canberra: Australian National University Press, 142 p.
- Rīdžinieks, R. (1976), Missed Villages, *New Pace*, (108), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg108/JG108_Ridzinieks.htm
- Rodze-Ķīsele, E. (1983), We and the Current Latvian Literature, *New Pace*, (146). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg146/JG146_Rodze-Kisele.htm
- Rozentāle, G. (1972). Loneliness of Čaula, *New Pace*, (88), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg88/JG88_gramatas_Rozentale.htm
- Rozītis, J. (1984), Seeking new Latvian exile culture definition, *New Pace*, (147–148). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg147/JG147_Rozitis.htm
- Rubess, B. (1985), The future of Latvia calls us together and it calls still, *New Pace*, (151). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg151/JG151_Rubess.htm
- Rūķe-Draviņa, V. (1981), Latvian folk songs and modern poetry, *New Pace*, (133), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg133/JG133_Ruke-Dravina.htm
- Rūķe-Draviņa, V. (1985), About Belly in Our Folk Songs, *New Pace*, (153). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg153/JG153_Ruke-Dravina.htm
- Sarma, J. (1962a). Admirer of specifics, *New Pace*, (35), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg35/JG35_Sarma.htm
- Sarma, J. (1962b). Time of surveyors. A monument of Latvian literature and cultural history, *New Pace*, (39), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg39/JG39_Sarma-par-MerniekuLaikiem.htm
- Sarma, J. (1963). New Reality Poetry, *New Pace*, (42), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg42/JG42_Sarma.htm
- Silkalns, E. (1957a). Australian Latvian Youth Participates in Cultural Days in Melbourne, *New Pace*, (7), January – February. Retrieved from https://jaunagaita.net/jg7/JG7_Dzive_un_darbi.html
- Silkalns, E. (1957b). Melbourne's new Latvian artists. Dace Dubava, Gerda Hebalga and Zane Volkova, *New Pace*, (10), July – August. Retrieved from https://jaunagaita.net/jg10/JG10_Dzive_un_darbi.htm
- Silkalns, E. (1958a). Australian Latvian Youth. Participates in cultural days in Adelaide, *New Pace*, (13), January – February. Retrieved from https://jaunagaita.net/jg13/JG13_vidusdala.htm

- Silkalns, E. (1958b). Carmen Altum, *New Pace*, (14), March – April. Retrieved from https://jaunagaita.net/jg14/JG14_Dzeja.htm#Eduards_Silkalns
- Silkalns, E. (1958c). Spiritual Human Fad, *New Pace*, (14) March – April. Retrieved from https://jaunagaita.net/jg14/JG14_Dzeja.htm#Eduards_Silkalns
- Silkalns, E. (1958d). Youth Days in Melbourne. Letter from Australia. *New Pace*, (18). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg18/JG18_Dzive-un-darbi.htm
- Silkalns, E. (1959a). Works and Life, *New Pace*, (20). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg20/JG20_Dzive_un_darbi.htm
- Silkalns, E. (1959b). The day after tomorrow, *New Pace*, (24), November - December. Retrieved from https://jaunagaita.net/jg24/JG24_dzeja.htm#Ed._Silkalns
- Silkalns, E. (1961a). If you win me with a great ship, *New Pace*, (28), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg28/JG28_Dzeja.htm
- Silkalns, E. (1961b). So many shoe footprints in the sand, *New Pace*, (28), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg28/JG28_Dzeja.htm
- Silkalns, E. (1964). Cage, *New Pace*, (47). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg47/JG47_Dzeja.htm
- Silkalns, E. (1965a). Goddess, *New Pace*, (56). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg56/JG56_Dzeja.htm
- Silkalns, E. (1965b). Suicide, *New Pace*, (53). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg53/JG53_Silkalns.htm
- Silkalns, E. (1974). Fragment of the book “Morning” published this year by LPB Australian community publisher, *New Pace*, (100). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg100/JG100_Silkalns.htm
- Sodums, D. (1958). More about language, *New Pace*, (13), January - February. Retrieved from https://jaunagaita.net/jg13/JG13_vidusdala.htm
- Sodums, D. (1959). Lāčplēsis in Exile, *New Pace*, (24), November – December. Retrieved from https://jaunagaita.net/jg24/JG24_Sodums.htm
- Spekke, A. (1957). Time change, *New Pace*, (7), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg7/JG7_Spekke.html
- Spilners, I. (1967). Thoughts on Latvian State, *New Pace*, (61). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg61/JG61_Spilners.htm
- Stephen, I. (1984), The Future of Nationalism, *New Pace*, (147). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg147/JG147_Steprans.htm
- Streips, L. (1967). Thoughts on Latvian State, *New Pace*, (62). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg62/JG62_Streips.htm

- Tomsons, T. (1979). To Latvian Exile Theatres, *New Pace*, (124). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg124/JG124_Dzeja.htm
- Tupesis, J. (1981), Interview on Divinity, *New Pace*, (132), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg132/JG132_Tupesis.htm
- Tupešis, J. (1985), What is Latvian?, *New Pace*, (151). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg151/JG151_Tupesis.htm
- Upelnieks, E. (1985), Nationalism, *New Pace*, (151). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg151/JG151_Upenieks.htm
- Vāvere, A. (1982), Parallels of Colonial and Ethnic Cultures, *New Pace*, (141). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg141/JG141_Vavere.htm
- Veigners, I. (1993). *Latvians Abroad. Latvian Encyclopaedia*. Riga: Science
- Veselis, J. (1956). Youth and Latvian Ideas, *New Pace*, (6). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg6/JG6_Veselis.html
- Vīķe-Freiberga, V. (1974), Latvian Identity in Exile, *New Pace*, (100–101), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg100/JG100-101_VairaVikeFreiberga.htm
- Vīķe-Freiberga, V. (1975a), The Old Latvian Religion in the Light of Syncretism, *New Pace*, (104), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg104/JG104_Vike-Freiberga.htm
- Vīķe-Freiberga, V. (1975b), Echoes of *dainas* in modern Latvian poetry, *New Pace*, (102), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg102/JG102_Vike-Freiberga.htm
- Vīķe-Freiberga, V. (1976), Song and People, *New Pace*, (112), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg110/JG110_VVF.htm
- Vīķe-Freiberga, V. (1977), Exile Psychology, *New Pace*, (110), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg112/JG112_Vike-Freiberga.htm
- Vīķe-Freiberga, V. (1978), About Freedom, *New Pace*, (117), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg117/JG117_VVF-par-brivibu.htm
- Vīķe-Freiberga, V. (1979a), The Solar Legend in Latvian Songs, *New Pace*, (125), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg125/JG125_Vike-Freiberga.htm
- Vīķe-Freiberga, V. (1979b), On the Values of Freedom and Humanism, *New Pace*, (122), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg122/JG122_VVF.htm
- Vīķe-Freiberga, V. (1982), Youth and Society: Changing of generations in Latvian Exile Conditions, *New Pace*, (138–139). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg138-9/JG138-9_VVF.htm
- Vike-Freiberga, V. (1985b), Culture and Society, *New Pace*, (155). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg155/JG155_VVF.htm

- Vike-Freiberga, V. (1985a), The Father of Song and the World of Songs, *New Pace*, (153). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg153/JG153_VVF.htm
- Vike-Freiberga, V. (1986), Freedom and Latvian Life News, *New Pace*, (159). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg159/JG159_VVF.htm
- Zālītis, J. (1974). Pop Music and Cultural Development, *New Pace*, (100), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg100/JG100_Zalitis.htm
- Zariņš, G. (1963). Fires and fire sins, *New Pace*, (41). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg41/JG41_Zarins.htm

Список литературы

- Ābele, K. (1961a). Mēs esam šaubītāju paaudze, *Jaunā Gaita*, (28), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg28/JG28_Dzeja.htm
- Ābele, K. (1961b). Atceros kādu dienu, *Jaunā Gaita*, (28), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg28/JG28_Dzeja.htm
- Ābele, K. (1962b). Nemiera mīkla, *Jaunā Gaita*, (35), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg35/JG35_Dzeja.htm
- Ābele, K. (1962a). Jaunietis ka latvietis un austrālietis, *Jaunā Gaita*, (35), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg35/JG35_Abele.htm
- Ābele, K. (1963b). Nāves karalienei, *Jaunā Gaita*, (41), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg41/JG41_Dzeja.htm
- Ābele, K. (1963a). Toreiz, *Jaunā Gaita*, (44), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg44/JG44_Dzeja.htm
- Ābele, K. (1969). Latviešu kultūras dzīve emigrācijā 1968. gadā, *Jaunā Gaita*, (73), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg73/JG73_Abele.htm
- Ābele, K. (1970). Latviešu kultūras dzīve emigrācijā 1969. gadā, *Jaunā Gaita*, (78), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg78/JG78_Abele.htm
- Ābele, K. (1971). Latviešu kultūras dzīve emigrācijā 1970. gadā, *Jaunā Gaita*, (83), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg83/JG83_Abele.htm
- Ābele, K. (1972). Latviešu kultūras dzīve emigrācijā 1971. gadā, *Jaunā Gaita*, (88), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg88/JG88_Abele.htm
- Ābele, K. (1973). Latviešu kultūras dzīve emigrācijā 1972. gadā, *Jaunā Gaita*, (95), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg95/JG95_Abele.htm
- Akmentiņš, O. (1958) *Amerikas latvieši, 1888 – 1948*. Lincoln: Vaidava

- Alksnis, V. (1964). Trimdas Latviešu jaunatnes Nacionālā Polītika, *Jaunā Gaita*, (48). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg48/JG48_Alksnis.htm
- Attwood, B. (2017), *The Good Country: The Djadja Wurrung, The Settlers and The Protectorate*. Melbourne: Monash University Publishing
- Austrālis, (1964). Nacionālisms un patriotisms, *Jaunā Gaita*, (48). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg48/JG48_Australis.htm
- Balodis, A. (1958a). Latvija – Baltija – Eiropa, *Jaunā Gaita*, (13), janvārī – februārī. Retrieved from https://jaunagaita.net/jg13/JG13_vidusdala.htm
- Balodis, A. (1958b). Baltiešu vienības centieni pagātnē un nākotnē. *Jaunā Gaita*, (14), martā – aprīlī. Retrieved from https://jaunagaita.net/jg14/JG14_Balodis.htm
- Baltaks, J. (1960) Austrālijas latvieši un asimilācija, *Arhīvs* (1), 48. – 73. lpp.
- Baumanis, A. (1958). Par emigrantiem un trimdiniekiem, *Jaunā Gaita*, (18). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg18/JG18_Dzive-un-darbi.htm
- Bērziņa, L. (1963). 60 gadi, 40 lugas. Latviešu ideālists Mārtiņa Zīverta lugās, *Jaunā Gaita*, (42), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg42/JG42_gramatas_Berzina.htm
- Bērziņa, L. (1974). Nobela prēmijas laureāts Patriks Vaits, *Jaunā Gaita*, (99), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg99/JG99_Berzina-par-Vaitu.htm
- Bērziņa-Baltiņa, V. (1987), Apslēptais Dieva avots, *Jaunā Gaita*, (164). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg164/JG164_Berzina.htm
- Bērziņa-Baltiņa, V. (1989), Lāčplēša tauta, *Jaunā Gaita*, (175). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg175/JG175_Berzina-Baltina.htm
- Critchett, J. (1990), *A Distant Field of Murder: Western District Frontiers, 1834–1848*. Melbourne: Melbourne University Press
- Daukste-Silasproģe, I. (2002). *Latviešu literārā dzīve un latviešu literatūra bēgļu gados Vācijā (1944.–1950.)*. Rīga: Zinātne
- Daukste-Silasproģe, I. (2007). *Latviešu literārā dzīve un literatūra ASV un Kanādā: 1950.–1965*. Rīga: Valters un Rapa
- Daukste-Silasproģe, I. (2014). *Tāla zeme, tuvi ļaudis. Latvieši Austrālijā: dzīve, literārais process, personības*. Rīga: LU LFMI
- Daukste-Silasproģe, I. (2019). *Gaidot laivu: Latviešu rakstnieki bēgļu ceļos Zviedrijā*. Rīga: LU LFMI
- Dunsdorfs, E. (1961). Jaunatne un mūsu nākotne, *Jaunā Gaita*, (28), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg28/JG28_Dunsdorfs.htm

- Dunsdorfs, E. (1964). Maiļotā latviešu valoda, *Jaunā Gaita*, (50), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg50/JG50_Dunsdorfs.htm
- Eglītis, M. (1963). Staru būdas teiksmotājs, *Jaunā Gaita*, (42), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg42/JG42_Eglitis.htm
- Eglītis, M. (1978). Tikai divi ielas, *Jaunā Gaita*, (121), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg121/JG121_Eglitis.htm
- Eglītis, M. (1984). Spodris manā atmiņā, *Jaunā Gaita*, (147), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg147/JG147_Eglitis-par-Klauvertu.htm
- Freiberga, V. (1980), Dzejiskā iztēle latvju dainās, *Jaunā Gaita*, (127–128), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg127/JG127-128_VVF.htm#_edn1
- Freimanis, D. (1956). Jaunieši un latviskā kultūra (Referāts Vašingtonas latviešu jauniešu dienās 1956. g. 28.jūl.), *Jaunā Gaita*, (6). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg6/JG6_Vertejumi-pardomas.html
- Freimanis, E. (1970). Divas pasaules. Divi fragmenti no romāna, *Jaunā Gaita*, (78), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg78/JG78_Freimanis.htm
- Freimanis, K. (1974). 13. austrālijas latviešu teātru festivāls, *Jaunā Gaita*, (99), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg99/JG99_Teatris.htm
- Gārša, A. (1961). Dienvidu Krusts, *Jaunā Gaita*, (28), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg28/JG28_Gaarsha.htm
- Ģērmanis, U. (1957a). Latvijas Satversmes tēvi, *Jaunā Gaita*, (7), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg7/JG7_Germanis.html
- Ģērmanis, U. (1957b). Latviešu tautas piedzīvojumi, *Jaunā Gaita*, (8), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg8/JG8%20-%20JG21_Germanis.html
- Ģērmanis, U. (1966). Latvijas neatkarības idejas attīstība, *Jaunā Gaita*, (58). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg58/JG58-62_Germanis.htm
- Grants, Ā. (1958). Stokholmas “Norma”. Romāna “Un sniegs snieg pār Stokholmu” fragments, *Jaunā Gaita*, (18). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg18/JG18_Grants.htm
- Grasis, I. (1981), Zeme, zeme, *Jaunā Gaita*, (133), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg133/JG133_Dzeja.htm
- Irbe, A. (1958). Vecpilsētas teika, *Jaunā Gaita*, (13), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg13/JG13_Irbe.htm
- Irbe, G. (1967). Metamorfoze 3.9.1967, *Jaunā Gaita*, (66). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg66/JG66_Irbe.htm
- Jēger-Freimane, P. (1962). Domas par latviešu jaunatnes problēmu svešumā, *Jaunā Gaita*, (36), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg36/JG36_JegerFreimane.htm

- Kalniņš, Br. (1966). Domas par Latvijas valsti, *Jaunā Gaita*, (60). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg60/JG60_Kalnins.htm
- Kaupmanis, H. (1963). Par brīvo pantu, *Jaunā Gaita*, (42), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg42/JG42_Kaupmanis.htm
- Ķīķauka, T. (1981a), Trimdas laikraksti, *Jaunā Gaita*, (132), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg132/JG132_Kikauka.htm
- Ķīķauka, T. (1981b), Trimdas periodiskie izdevumi, *Jaunā Gaita*, (133), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg133/JG133_Kikauka.htm
- Lācis, O. (1963a). Vientuļie, *Jaunā Gaita*, (42), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg42/JG42_Dzeja.htm
- Lācis, O. (1963b). Sapnī vēroju sevi, *Jaunā Gaita*, (42), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg42/JG42_Dzeja.htm
- Lācis, O. (1977). Gunispers, *Jaunā Gaita*, (113), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg113/JG113_Lacis.htm
- Launags, F. (1984), Raksts bez atslēgas, *Jaunā Gaita*, (148). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg148/JG148_Launags.htm
- Lelis, J. (1967). Latviešu trimdas sabiedrības izvērtējums, *Jaunā Gaita*, (63). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg63/JG63_Lelis.htm
- Nollendorfs, V. (1955). Vecais un jaunais, *Jaunā Gaita*, (2). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg2/JG2_Nollendorfs.html
- Ozoliņa, I. (1986), Saule un saules koks latviešu literātūrā, *Jaunā Gaita*, (156). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg156/JG156_Ozolina.htm
- Peniķis, J. (1967). Domas par Latvijas valsti, *Jaunā Gaita*, (65). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg65/JG65_Penikis.htm
- Plavkalns, G. (1962). Meditācija. *Jaunā Gaita*, (35), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg35/JG35_Dzeja.htm
- Plavkalns, G. (1965a). Ādams un Ieva bez vīģes lapas: Osvalds Lācis, “Mēs un viņas”, stāsti, Austrālijas latviešu autoru daiļdarbu serijs 4. grāmata, Salas apgāds, 1964. g., 166 lpp., Astras Lāces vāks un ilustrācijas, K. Freimaņa piezīmes. *Jaunā Gaita*, (56), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg56/JG56_gramatas_Plavkalns.htm
- Plavkalns, G. (1965b). Romantisms dzejā, *Jaunā Gaita*, (53), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg53/JG53_Plavkalns2.htm
- Plavkalns, G. (1967b). Īstums un vienkāršība mūsu jaunākajā dzejā, *Jaunā Gaita*, (63), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg63/JG63_Plavkalns.htm
- Plavkalns, G. (1967a). Vēstule bez adrese, *Jaunā Gaita*, (61), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg61/JG61_Dzeja.htm
- Plavkalns, G. (1971). Sarkofagā, *Jaunā Gaita*, (85), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg85/JG85_Dzeja.htm

- Puisāns, T. (1980), Latgales problēma latvijas vēsturē, *Jaunā Gaita*, (128–129), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg128/JG128-129_Puisans.htm
- Puisāns, T. (1982), Latviešu valodas dilemma, *Jaunā Gaita*, (141). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg141/JG141_Puisans.htm
- Purviņš Jurjāns, J. (1983), Nacionālisma nākotne, *Jaunā Gaita*, (145). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg145/JG145_Purvins-Jurjans.htm
- Putniņš, A. (1981). *Latvians in Australia. Alienation and Assimilation*. Canberra: Australian National University Press, 142 p.
- Rīdzinieks, R. (1976), Nokavētie ciemi, *Jaunā Gaita*, (108), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg108/JG108_Ridzinieks.htm
- Rodze-Ķisele, E. (1983), Mēs un pašreizējās latvijas literātūra, *Jaunā Gaita*, (146). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg146/JG146_Rodze-Kisele.htm
- Rozentāle, G. (1972). Vientulības Čaulā, *Jaunā Gaita*, (88), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg88/JG88_gramatas_Rozentale.htm
- Rozītis, J. (1984), Jaunu latviešu trimdas kultūras definīciju meklējot, *Jaunā Gaita*, (147–148). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg147/JG147_Rozitis.htm
- Rubess, B. (1985), Latvijas nākotne kopā mūs sauc un sauc vēl arvien. Valstssvētku runa 1984. gada 18. novembrī Ņujorkā, *Jaunā Gaita*, (151). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg151/JG151_Rubess.htm
- Rūķe-Draviņa, V. (1981), Latviešu tautasdziesmas un modernā dzeja, *Jaunā Gaita*, (133), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg133/JG133_Ruke-Dravina.htm
- Rūķe-Draviņa, V. (1985), Par ievām mūsu tautasdziesmās, *Jaunā Gaita*, (153). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg153/JG153_Ruke-Dravina.htm
- Sarma, J. (1962a). Konkrētības cienītājs, *Jaunā Gaita*, (35), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg35/JG35_Sarma.htm
- Sarma, J. (1962b). Mērnieku laiki. Kāds latviešu literatūras un kultūrvēstures pieminēklis, *Jaunā Gaita*, (39), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg39/JG39_Sarma-par-MerniekuLaikiem.htm
- Sarma, J. (1963). Jaunās īstenības dzeja, *Jaunā Gaita*, (42), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg42/JG42_Sarma.htm
- Silkalns, E. (1957a). Austrālijas latviešu jaunatne piedalās kultūras dienās Melburnā, *Jaunā Gaita*, (7), januārī – februārī. Retrieved from https://jaunagaita.net/jg7/JG7_Dzive_un_darbi.html

- Silkalns, E. (1957b). Melburnas jaunās latviešu mākslinieces. Ciemos pie Daces Dubavas, Gerdas Hebalgas un Zanes Volkovas, *Jaunā Gaita*, (10), jūlijā – augustā. Retrieved from https://jaunagaita.net/jg10/JG10_Dzive_un_darbi.htm
- Silkalns, E. (1958a). Austrālijas latviešu jaunatne. Piedalās kultūras dienās Adelaidē, *Jaunā Gaita*, (13), januārī – februārī. Retrieved from https://jaunagaita.net/jg13/JG13_vidusdala.htm
- Silkalns, E. (1958b). Carmen altum, *Jaunā Gaita*, (14), martā – aprīlī. Retrieved from https://jaunagaita.net/jg14/JG14_Dzeja.htm#Eduards_Silkalns
- Silkalns, E. (1958c). Dvēselīga cilvēka iedoma, *Jaunā Gaita*, (14), martā – aprīlī. Retrieved from https://jaunagaita.net/jg14/JG14_Dzeja.htm#Eduards_Silkalns
- Silkalns, E. (1958d). Jaunatnes dienas Melburnā. Vēstule no Austrālijas. *Jaunā Gaita*, (18). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg18/JG18_Dzive-un-darbi.htm
- Silkalns, E. (1959a). Darbi un dzīve, *Jaunā Gaita*, (20). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg20/JG20_Dzive_un_darbi.htm
- Silkalns, E. (1959b). Parīt, *Jaunā Gaita*, (24), novembris – decembris. Retrieved from https://jaunagaita.net/jg24/JG24_dzeja.htm#Ed._Silkalns
- Silkalns, E. (1961a). Ja laimēsies man aizšūpot ar dižu kuģi, *Jaunā Gaita*, (28), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg28/JG28_Dzeja.htm
- Silkalns, E. (1961b). Tik daudzu kurpju nospiedumus smiltīs, *Jaunā Gaita*, (28), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg28/JG28_Dzeja.htm
- Silkalns, E. (1964). Līķis ķešā, *Jaunā Gaita*, (47). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg47/JG47_Dzeja.htm
- Silkalns, E. (1965a). Dieviņš, *Jaunā Gaita*, (56). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg56/JG56_Dzeja.htm
- Silkalns, E. (1965b). Pašnāvnieks, *Jaunā Gaita*, (53). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg53/JG53_Silkalns.htm
- Silkalns, E. (1974). Fragments no grāmatas “No rīta”, ko šogad izdos LPB Austrālijas kopas apgāds, *Jaunā Gaita*, (100). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg100/JG100_Silkalns.htm
- Sodums, D. (1958). Vēl par valodu, *Jaunā Gaita*, (13), janvārī – februārī. Retrieved from https://jaunagaita.net/jg13/JG13_vidusdala.htm
- Sodums, D. (1959). Lāčplēsis trimdā, *Jaunā Gaita*, (24), novembris – decembris. Retrieved from https://jaunagaita.net/jg24/JG24_Sodums.htm
- Spekke, A. (1957). Laiku maiņā, *Jaunā Gaita*, (7), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg7/JG7_Spekke.html

- Spilners, I. (1967). Domas par Latvijas valsti, *Jaunā Gaita*, (61). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg61/JG61_Spilners.htm
- Steprāns, I. (1984), Nacionālisma nākotne, *Jaunā Gaita*, (147). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg147/JG147_Steprans.htm
- Streips, L. (1967). Domas par Latvijas valsti, *Jaunā Gaita*, (62). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg62/JG62_Streips.htm
- Tomsons, T. (1979). Latviešu trimdas teātrim, *Jaunā Gaita*, (124). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg124/JG124_Dzeja.htm
- Tupesis, J. (1981), Intervija par dievturību, *Jaunā Gaita*, (132), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg132/JG132_Tupesis.htm
- Tupešis, J. (1985), Ko nozīmē but latviskam?, *Jaunā Gaita*, (151). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg151/JG151_Tupesis.htm
- Upelnieks, E. (1985), Nacionālisms, *Jaunā Gaita*, (151). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg151/JG151_Upenieks.htm
- Vāvere, A. (1982), Koloniālo un etnisko kultūru parallēles, *Jaunā Gaita*, (141). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg141/JG141_Vavere.htm
- Veigners, I. (1993). *Latvieši ārzemēs. Latvijas enciklopēdija*. Rīga: Zinātne
- Veselis, J. (1956). Jaunatne un latviskās idejas, *Jaunā Gaita*, (6). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg6/JG6_Veselis.html
- Vīķe-Freiberga, V. (1974), Latviskā identitāte trimdā, *Jaunā Gaita*, (100–101), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg100/JG100-101_VairaVikeFreiberga.htm
- Vīķe-Freiberga, V. (1975a), Senlatviešu reliģija sinkrētisma gaismā, *Jaunā Gaita*, (104), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg104/JG104_Vike-Freiberga.htm
- Vīķe-Freiberga, V. (1975b), Dainu atbalsis mūsdienu latvijas dzejā, *Jaunā Gaita*, (102), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg102/JG102_Vike-Freiberga.htm
- Vīķe-Freiberga, V. (1976), Dziesma un tauta, *Jaunā Gaita*, (112), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg110/JG110_VVF.htm
- Vīķe-Freiberga, V. (1977), Trimdas psiholoģija, *Jaunā Gaita*, (110), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg112/JG112_Vike-Freiberga.htm
- Vīķe-Freiberga, V. (1978), Par brīvību, *Jaunā Gaita*, (117), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg117/JG117_VVF-par-brivibu.htm
- Vīķe-Freiberga, V. (1979a), Saules teiksma latvju dainās, *Jaunā Gaita*, (125), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg125/JG125_Vike-Freiberga.htm

- Vīķe-Freiberga, V. (1979b), Par brīvību un humānisma vērtībām, *Jaunā Gaita*, (122), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg122/JG122_VVF.htm
- Vīķe-Freiberga, V. (1982), Jaunatne un sabiedrība: paaudžu maiņa latviešu trimdas apstākļos, *Jaunā Gaita*, (138–139). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg138-9/JG138-9_VVF.htm
- Vīķe-Freiberga, V. (1985b), Kultūra un sabiedrība, *Jaunā Gaita*, (155). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg155/JG155_VVF.htm
- Vīķe-Freiberga, V. (1985a), Par dainu tēvu un dainu pasauli, *Jaunā Gaita*, (153). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg153/JG153_VVF.htm
- Vīķe-Freiberga, V. (1986), Brīvība un latviskā dzīves ziņa, *Jaunā Gaita*, (159). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg159/JG159_VVF.htm
- Zālītis, J. (1974). Popmūzika un kultūras attīstība, *Jaunā Gaita*, (100), Retrieved from https://jaunagaita.net/jg100/JG100_Zalitis.htm
- Zariņš, G. (1963). Uguņi un ugunsgrēks, *Jaunā Gaita*, (41). Retrieved from https://jaunagaita.net/jg41/JG41_Zarins.htm

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: АККЛАМАЦИЯ И ПРЕОДОЛЕНИЕ ГРАНИЦ¹

Михалева Анастасия Анатольевна (а)

(а) Центр изучения политических трансформаций Бурятского государственного университета.
Адрес: 670000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 «а». E-mail: afan-project[at]mail.ru.

Аннотация

Представленное исследование фокусируется на проблеме переосмысления российским государством территории Восточной Азии, когда оно стирает или, наоборот, актуализирует этнокультурные границы, пытаясь таким образом поддержать и легитимизировать политику распространения влияния в регионе. Для этого в медиапространстве формируется благоприятный дискурс, описывающий присутствие России в современной Восточной Азии. При этом важнейшим партнером для государства стала Русская православная церковь, которая также создает большие объемы контента, перекликающегося с тем, что создается органами власти. В итоге они заполняют нишу описания российского присутствия в регионе, а обращение к этой теме других массмедиа неизбежно ведет к отсылке на создаваемые государством и церковью тексты и смыслы. В них они сами формируют общественное мнение о своих действиях, пытаясь контролировать медиавласть. Они создают воображаемое единое сообщество соотечественников, для которых важна граница с Россией, но не так актуальны другие границы Восточной Азии, и говорят от их лица: об одобрении действий России, о необходимости распространения ее влияния и своей поддержки. В итоге создаваемый контент работает на самопрославление российского государства и РПЦ как его партнера в регионе. Проблемы аккламации, контроля над медиапространством, создания воображаемого сообщества и использования для этих целей понятия границ были изучены через контент-анализ публикаций постсоветского периода, напрямую созданных российскими органами власти и РПЦ (как цифровых, так и печатных).

Ключевые слова

Границы; государство; религия; политика; аккламация; Восточная Азия; дискурс; медиа; российское присутствие; соотечественники

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution – Non Commercial – No Derivatives»](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00502.

THE RUSSIAN STATE AND THE CHURCH IN EAST ASIA: ACCLAMATION AND OVERCOMING OF BORDERS

Anastasia Mikhaleva (a)

(a) Center of Political Transformations Studies of Buryat State University. 24 “a”, Smolina St., Ulan-Ude, Russian Federation 670000. E-mail: afan-project@mail.ru.

Abstract

The presented study focuses on the problem of rethinking by the Russian state of the territory of East Asia, when it erases or, on the contrary, actualizes ethno-cultural borders, thus trying to support the spread of influence in the region. For this, a favorable discourse is being formed in the media space that describes the presence of Russia in modern East Asia. At the same time, the Russian Orthodox Church became the most important partner for the state; it creates large volumes of similar content. The appeal of other mass media to the topic of describing the Russian presence in the region inevitably leads to a reference to texts and meanings created by the state and the church. In them, they themselves shape public opinion about their actions, trying to control media power. They create an imaginary uniform community of compatriots for whom the border with Russia is important, but other borders of East Asia are not so relevant, and speak on their behalf: about the approval of Russia's actions, about the need to spread its influence and their support. As a result, the created content contributes to the self-glorification of the Russian state and the Russian Orthodox Church. The problems of acclamation, control of the media space, the creation of an imaginary community and the use of the concept of boundaries for these purposes were studied using the content analysis of post-Soviet publications created by the Russian government and the Russian Orthodox Church (digital and print).

Keywords

Border; state; religion; politics; acclamation; East Asia; discourse; media; Russian presence; compatriots

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution – Non Commercial – No Derivatives 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Присутствие Российской Федерации в современной Восточной Азии, выраженное в повседневных практиках государственных и прогосударственных институтов, неразрывно связано с политикой соотечественников. Этот термин присутствует в формальном и неформальном публичном контенте, создаваемом при участии органов государственной власти еще с начала 1990-х годов. С одной стороны, соотечественники определяются как некая единая группа людей, разбросанных по всему миру, но обладающих схожими характеристиками. С другой стороны, ее выделение в конкретных регионах требует специальных усилий. Восточная Азия в этом контексте представляет особый интерес: в текстах о соотечественниках она определяется как дальнее зарубежье, но в то же время граничит с Россией. Это позволяет рассмотреть проблему использования понятия границ для формирования благоприятных условий для работы здесь российских органов власти. Использование концепта соотечественников, его продвижение и обоснование требует создание устойчивых моделей востребованности проектов российских органов власти на месте. Для этого государство активно использует подконтрольное ему медиапространство, транслируя идеи об относительности или важности границ, обращаясь для этого к историческим событиям XX века, а главным партнером российского государства в этом процессе стала Русская православная церковь. Контент, создаваемый ими, согласуется, взаимоцитируется и заполняет информационную нишу о присутствии России в Восточной Азии, поскольку это не является популярной темой для других медиаресурсов, в отличие, например, от постсоветского пространства. В итоге, если у информационных акторов, которые не имеют отношения к государству и РПЦ, возникает необходимость прокомментировать какой-либо вопрос в этой сфере, они обращаются к контенту, сформированному этими двумя источниками.

Совместные действия российского государства и РПЦ в Восточной Азии с этой точки зрения еще не изучались. Русская православная церковь и российские органы власти обычно привлекают исследователей именно практиками отношений друг с другом: И. Папкина (Papkova, 2011), Херспринг Д. и МакДермотт Р. (Herspring, McDermott, 2010), К. Марш (Marsh, 2011), З. Нокс (Knox, 2005), К. Рихтерс (Richters, 2013), Дж. Уорхола (Warhola, 2007), Ю. Герлах (Gerlach, 2014), Н.А. Митрохин (Митрохин, 2009), Н. Гвоздев (Gvosdev, 2002), Дж. и К. Джон Гаррарды (Garrard, Garrard, 2008), Дж. Фаган (Fagan, 2014) и другие. Главный вопрос здесь: являются ли они

подчиненными или равноправными? Данное исследование концентрируется именно на партнерских взаимоотношениях этих акторов, их публичной презентации. Для этого был изучен контент, производимый официальными представителями государства и религиозных организаций, посвященный их деятельности в современной Восточной Азии. Это позволило рассмотреть презентацию в публичном пространстве государства и церкви и их взаимоотношений. Главной задачей стал анализ описания их совместных действий в регионе, ими же и транслируемый. Идеи, обосновывающие это взаимодействие, их происхождение, причины, по которым закрепились именно они – вот вопросы, что поднимаются в рамках данного исследования. Они важны не только с точки зрения формирования определенного контента и языка описания российского присутствия в странах Восточной Азии, но и с позиции потери их субъективности, актуализации в публичном пространстве и влиянии на систему норм, определяющих позиции государства и церкви в регионе и их отношения друг с другом. Вырабатываемые значения закрепляются и определяют рамки, в которых появляются новые тексты. А методология дискурс-анализа позволяет изучить эти идеи. При этом в рамках представленного исследования намеренно ограничивается круг акторов, создающих тексты: только официальные каналы распространения информации государством и религиозной организацией – РПЦ. Это позволяет сконцентрироваться на намеренно создаваемом контенте о ситуации в изучаемом регионе.

ГРАНИЦЫ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩЕЕ ПОНЯТИЕ

Большая часть контента, создаваемого при участии государства, в котором описывается его присутствие в Восточной Азии, вписывается в концепцию «русского мира» (Михалев, 2017). Эта модель позволяет выделять сообщество соотечественников, нуждающихся во внимании и активных действиях со стороны российского государства. Для этого в публичном пространстве подчеркивается его существование через отличие от местного общества.

Русская православная церковь стала основным партнером российских органов власти и прогосударственных институтов в создании подобного контента, поскольку одной из главных характеристик, отличающих соотечественников от других, стало православное вероисповедание. Оно, вместе с другими характеристиками (русским языком и принадлежностью к определенной «культуре»), проводит границу между формируемым сообществом и местным обществом и согласуется с общей политикой

поддержки «русского мира», то есть не является уникальным продуктом политики в Восточной Азии. В результате тексты, даже упоминая регионы, связанные с Восточной Азией, дают общие характеристики соотечественникам, выделяют их как некую единую группу людей во всем мире. При этом всячески подчеркивается устойчивость и длительность существования этой группы: долгое время и смена поколений обесцениваются как факторы, способные разрушить эти границы.

«...от всего сердца поблагодарить наших дедов, может быть, уже праотцев наших, которые пришли на Запад и сделали все для того, чтобы сохранить русскую культуру, веру свою, систему ценностей, в которой были воспитаны они и их предки. Удивительно, когда четвертое поколение первой эмиграции помнят русский язык, говорят по-русски, знают русскую литературу, посещают православные храмы» (Материалы Всемирного конгресса соотечественников, 2017, стр. 27).

С другой стороны, в контенте, затрагивающем тему Восточной Азии, роль церкви и православной веры как объединяющего фактора для местных соотечественников подчеркивается сильнее, чем в аналогичных текстах, описывающих общину соотечественников на других территориях. В этом заключается особенность этого контента: проводя границы, отделяющие соотечественников от местного населения, российская власть апеллирует к историческим событиям в регионе, к трансформации политических границ в течение XX века и последствиям этих процессов. Так появляется возможность расширять эту группу и заявлять об ее укорененности. Русская православная церковь по своим каналам активно поддерживает создание этого контента, публикуя сообщения и статьи, рассказывающие о роли православия в жизни эмигрантов и их потомков на протяжении XX века. Такая совместная работа позволяет им эффективнее распространять формируемые смыслы. Реконструкции храмов, когда-то стоящих на территории региона, описываются как эпохальные события для местных соотечественников, отрезанных от России, но получающих с этим возможность быть погруженными в русскую культуру. Например, создание православного прихода в Улан-Баторе министерством иностранных дел РФ описывается через эпитеты

«...в ответ на настоятельные просьбы представителей российской диаспоры в Монголии <...> многочисленная местная

русская община обрела своих духовных пастырей <...> возобновление деятельности в Монголии Свято-Троицкого прихода с огромным удовлетворением восприняли не только православные христиане, но все представители российских организаций и учреждений, а также находящиеся здесь граждане других славянских государств». (Министерство иностранных дел, 2002).

При этом подчеркивается отсутствие угрозы распространения православия для местного населения в:

«Учитывая традиционно дружественные добрососедские отношения между нашими странами, гуманный просветительский характер Русской Православной Церкви, монгольские власти, руководство буддийских организаций, общественность, средства массовой информации страны с пониманием восприняли просьбу о возобновлении здесь деятельности православного христианского прихода <...> в условиях проникновения в Монголию иностранных религиозных сект сомнительного толка гуманная просветительская деятельность русского православного прихода приобретает чрезвычайно важное значение» (Министерство иностранных дел, 2002).

РПЦ также описывает создание этого прихода как действия в ответ на настоятельные просьбы соотечественников:

«Постоянное русское население Монголии обратилось к Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II с просьбой возобновить деятельность Свято-Троицкого прихода и назначить в Улан-Батор постоянного священника» (Архив официального сайта, 1998).

В рассматриваемых текстах постоянно подчеркивается, что объектом действий российского государства и РПЦ являются соотечественники, а проводимые границы, отделяющие их от другого населения, проживающего в регионе, подчеркивают отсутствие угрозы конфликта с местными акторами.

«Для Кореи, Японии, Китая и Монголии христианство “не является родной религиозной и культурной средой, и число

христиан в этих странах не превышает 5-9 % населения”, отмечено на форуме. Оценивая историю и современность христианской миссии, епископ Марк особо подчеркнул, что Русская Православная Церковь никогда “не претендовала на духовное окормление жителей других стран”. Наша основная задача – пастырское попечение о соотечественниках, мы приходим в другие страны не для того, чтобы кого-то обращать в Православие специально. Мы приходим оказывать помощь своим соотечественникам» (Официальный сайт, 2006).

Исторические отсылки помещают современную ситуацию в регионе в контекст поступательного развития отношений государства и церкви и актуализируют тему границ, но только таким образом, чтобы поддержать идею существования сообщества соотечественников, легитимности действий российских органов власти и отсутствии при этом угрозы для международных отношений.

«Имело место иное – естественное движение Церкви вместе с нашими землепроходцами на Восток. И потому в определенном смысле главной сферой миссионерской деятельности Русской Православной Церкви стали Сибирь, Дальний Восток и те примыкающие к ним заграничные территории, которых легко достигали наши землепроходцы. Эти сопредельные заграничные территории были экономически и политически связаны с российскими землями, что достигалось тесным взаимодействием наших соотечественников с людьми, которые эти территории населяли. И поэтому не случайно, что именно Китай, Япония, Аляска, Южная Корея были теми странами, на которые Русская Православная Церковь направляла свои основные миссионерские усилия, естественным образом взаимодействуя при этом с российским внешнеполитическим ведомством» (Архив официального сайта, 2001).

Зато в создаваемых текстах всячески подчеркивается отсутствие культурных границ между соотечественниками и современной Россией. И эта ситуация обычно помещается в контекст государственных и национальных интересов, что подчеркивает необходимость государства и церкви вести работу в данном направлении, ее пользу для России. То есть создаваемые смыслы не просто описывают совместные действия российской власти и РПЦ в регионе, они выделяют причины для таких действий. При этом цель,

закрывающаяся в поддержании единства между Россией и соотечественниками, в итоге уступает место целям государственного уровня: единство необходимо для того, чтобы сообщество соотечественников приносили пользу России.

«По словам Михаила Дроздова (председатель Всемирного координационного совета российских соотечественников, проживающих за рубежом, выходец из Русского клуба в Шанхае – прим. автора), российские соотечественники демонстрируют стремление к консолидации и заинтересованность в укреплении связей с исторической родиной. Их активное участие в голосовании на выборах Президента 18 марта 2018 года показало всему миру, что соотечественники являются мощной электоральной силой, заинтересованной в укреплении российской власти и стабильном развитии страны» (Всемирный координационный совет, 2018).

Контент, создаваемый государством и его представителями, а также РПЦ, обосновывая их действия, проводимые мероприятия и осуществляемые (или только планируемые) проекты, обращается к теме границ. Их наличие или отсутствие – современных, исторических, политических, культурных – позволяет обрисовать сообщество на территории Восточной Азии, которое естественным образом становится объектом российской политики. Направленность на соотечественников дает возможность не усложнять международные отношения в регионе и при этом вести повседневную работу по продвижению российского присутствия. А Русская православная церковь помогает физически обрисовывать эти границы в виде культовых сооружений, создание и восстановление которых стало одним из главных направлений поддержки соотечественников.

АККЛАМАЦИЯ В СОЗДАВАЕМЫХ ТЕКСТАХ

Аккламация – понятие, пришедшее в современный язык политических исследований из работ Дж. Агамбена. Это восклицание одобрения, ликования, поощрение или несогласие, выкрикиваемое толпой в определенных обстоятельствах. Она могла иметь разные формы и часто повторялась, подобно ритуалу, иногда с некоторыми вариациями (Агамбен, 2018, стр. 282). Агамбен подробно рассмотрел проблему значимости аккламации для современной власти. И он также пришел к выводу о том, что в современном обществе сфера славы смещается в область общественного мнения (Агамбен 2018, стр.

418). Общественное мнение – это современный тип одобрения (Schmitt, 2008, стр. 275). Естественно, что в таких условиях политики стремятся влиять на общественное мнение. Но ситуация, сложившаяся вокруг российского присутствия в Восточной Азии, привлекает внимание тем, что политики пытаются его сами создавать. Изучаемый нами контент стал основным каналом распространения таких смыслов: существует сообщество, на которое направлены действия российского государства в регионе, РПЦ ему в этом активно помогает, буквально становясь политическим партнером, поскольку православие определяется важнейшей характеристикой членов этого сообщества. И это сообщество описывается ими как приветствующее их действия, одобряющее их.

В текстах, посвященных событиям, организованных для общин соотечественников на территории Восточной Азии, в которых принимают участие российские органы власти и должностные лица, а также РПЦ, наблюдается стойкая тенденция к описанию ответных радостных эмоций и благодарности.

«...собрались в этот радостный день вместе. Под сводами старинного особняка, испокон веков являющегося “Русским домом Шанхая”, радостно звучали на трех языках “Христос Воскресе!” и “Воистину Воскресе!” <...> было весело и шумно. Традиции, заложенные русскими в Шанхае в далекие годы, вновь обрели свое и место в духовной жизни православных людей», – так описывает Генеральное консульство РФ в Шанхае пасхальное богослужение на своей территории (Генеральное консульство, 2008).

Официальный сайт Московского патриархата РПЦ, рассказывая о пасхальных богослужениях в Харбине, делает упор на сложности, с которыми столкнулись местные соотечественники: *«православная община Харбина осталась без пастырского окормления»*, совместных усилиях РПЦ и российской власти по их преодолению, открывшейся возможности проведения таких богослужений, в ответ на что сформировалась

«праздничная и дружественная обстановка, а состоявшееся богослужение стало значительным событием в жизни православной общины Харбина <...> Представитель православной общины Харбина Сергей Еремин выразил надежду,

что православные богослужения в этом городе станут регулярными» (Официальный сайт, 2010).

При этом для РПЦ характерны более подробные тексты, описывающие их совместную с российской властью работу, которая приносит радость и разрешает проблемы местных общин соотечественников. Они часто становятся продолжением кратких официальных сообщений власти на своих порталах, где упоминается одобрение, но чаще всего не так подробно. Однако здесь, в свою очередь, публикуются обстоятельные справки, касающиеся российского присутствия в регионе, его истории, с которой тесно связывается православие, а также речь из первых уст, то есть публикации от имени соотечественников, их комментарии и интервью, которые также полны одобрения и положительных эмоций. Представитель Российского культурного центра «Единение» при Генеральном консульстве России в Шанхае, описывая на официальном сайте консульства свое участие в конференции соотечественников в Пекине, опубликовала длинный эмоциональный текст, где не раз выделяет православие как характеристику «русского Китая» и подчеркивает радостные эмоции присутствующих:

«Во второй половине дня была организована интересная экскурсия по территории посольства, которую можно назвать “островком России” в далеком Китае, “Маленькая Россия” – назвали мы ее. Так, наверное, называли это место много лет назад и православные священники, основавшие на этой чудесной земле Русскую Духовную миссию <...> Чудесная музыка лилась под высокие своды посольства, здание которого и территория представляют особую гордость русских людей. Вечером в розовом зале хозяева давали фуршет из блюд русской кухни. Первый рабочий день завершился непринужденно и радостно» (Генеральное консульство, 2007).

Аккламация в данной ситуации связана с инклюзией в политическое пространство России: и государственные институты, и церковь в этих текстах самоценны не сами по себе, они представляют Россию и олицетворяют ее. Одобрение каких-либо их проектов, мероприятий и других конкретных действий сливается с одобрением России и ее политики, в том числе и в Восточной Азии. А современная Россия сливается с СССР и Российской империей. В

текстах, сообщающих о конкретных событиях, часто можно прочесть заключение о положительном отношении к России в целом.

«Сегодня при всех сложностях и трудностях, должен отметить, что общее отношение соотечественников к исторической Родине коренным образом изменилось. Налицо движение в сторону позитивного взгляда на Российскую Федерацию и большего понимания ее политики, стремление поддержать Российскую Федерацию, сохранить свои связи с Отечеством» (Министерство иностранных дел, 2009).

Общественное настроение может быть выражено не только в прямых описаниях чувств, они вообще могут не представлять интереса, главным становится описание участия в публичных ритуалах. Достаточно выполнять жесты и озвучивать существующую устоявшуюся практику – социальный институт, присоединяясь к публичному выражению радости, счастья или одобрения, которые разделяют другие. Участвовать в аккламации означает участвовать в публичном обряде, отражающем коллективное (Dean, 2016, p. 5). Участие соотечественников в событиях, организованных российскими властями, – сквозная тема в изученном контенте. РПЦ, со своей стороны, активно поддерживает эту модель распространения информации, конечно, подчеркивая свою роль в выполнении этих ритуалов. Но поскольку православие для соотечественников в текстах сливается с российской идентичностью, то РПЦ играет большую роль в описании аккламации. Представители церкви участвуют в событиях, казалось бы, вообще не имеющих отношения к религии, например, в церемониях открытия региональных организаций соотечественников (Сайт соотечественников, 2013).

Действия государства и церкви описываются как ответ на запросы со стороны соотечественников, их проблемы и трудности. В таком контексте сам факт проведения какого-либо мероприятия, например, пасхальной службы, предстает как наконец-то осуществляемые желания счастливого местного сообщества соотечественников, которые на протяжении долгого промежутка времени были невозможны и причиняли им неудобства.

Аккламация является простым выражением одобрения, но и неодобрения также. Однако, когда изучаемые нами акторы пытаются ее контролировать, создавая обширный контент, описывающий только одобрение себя и своих действий, неодобрение выталкивается из публичной сферы. Это не означает, что оно полностью оттуда

исчезает, но оно уходит в пространство личных постов или переписок. Даже независимые СМИ, затрагивая темы России, соотечественников и РПЦ в Восточной Азии, обращаются к первичным источникам информации, которыми стали изучаемые нами ресурсы. Относительно низкая популярность этой темы не создает рынка производства информации и его уверенно заполняют официальные каналы российской власти, РПЦ и организаций соотечественников, которые уже много лет тесно с ними работают и поддерживают распространяемые ими смыслы.

Эта модель успешна и не изменяется, несмотря на то, что распространение информации в современном мире постоянно трансформируется. Влияние социальных сетей с их упрощенной моделью выражения одобрения или неодобрения, эмодзи, визуальная подача информации – все это нехарактерно для изучаемого контента. Он заполняет информационную нишу, но его авторы не пытаются расширить границы его распространения. Это показывает ненужность подобной задачи. Создаваемая информация успешно отвечает задачам самопрославления, ограничения распространения потенциальных альтернативных точек зрения, отражения действительности в выгодных для государства и церкви категориях. Кроме того, существующая модель подчеркивает, что это описание реального общественного пространства, событий и реальных людей, которые все это одобряют.

СОЗДАНИЕ ВООБРАЖАЕМОГО СООБЩЕСТВА

В контексте связи аккламации и общественного мнения важную роль играет виртуальность общества, которое выражает свое мнение. Еще Шмитт писал, что носитель общественного мнения «...всегда остается несколько мистическим, потому что он предполагает однородность взглядов, которые могут не существовать» (Schmitt, 2008, стр. 277). Аккламация в современном мире не связана с прямым присутствием приветствующих людей, она может быть перенесена в виртуальное пространство, в более рассеянное и невидимое присутствие. Этому способствует интернет и современные способы коммуникации. Но в изучаемом поле общество становится виртуальным в контексте аккламации иным способом: через его описание.

Для анализируемых текстов характерна презентация сообщества соотечественников, которое является объектом действий государства и церкви, как единой группы не только в масштабах Восточной Азии, но и всего мира. В результате нигде не фигурируют данные о

масштабах этой группы в регионе. Оценке подвергаются только соотечественники в целом. Нет данных, которые бы опирались на масштабные исследования, и которые бы признавались всеми. В исследуемых текстах постоянно появляются несколько цифр: 30 миллионов (обычно эту цифру связывают с постсоветским пространством), 150-200 миллионов (этими цифрами обычно описывают соотечественников по всему миру). Но бывают и другие данные:

«О масштабах нашей диаспоры свидетельствуют слова о 30 миллионах этнических русских, оказавшихся после 1992 года за границей, прозвучавшие в ходе состоявшейся 19 декабря пресс-конференции Президента Российской Федерации В.В. Путина. Добавлю к этому около 10 миллионов человек, проживающих в дальнем зарубежье, но русских по духу, образу мышления, тесно связанных своими душевными помыслами с нашей страной» (Министерство иностранных дел, 2013).

Эта ситуация выгодна прежде всего тем, что одобрение довольно рядового события, произошедшего в Восточной Азии и описываемого медиапорталами российской власти и РПЦ, теряет локальный статус и приобретает глобальное значение. Голос небольшой общины, объединенной местным русским клубом и приходом, становится голосом соотечественников вообще, соответственно, одобрение тоже. И создаваемый контент в такой ситуации представляется лишь регистрацией этого голоса. Он презентуется как отражение мнения этой единой группы.

Однако это не означает, что все публикации гомогенны. Напротив, в них подробно описываются особенности отношений государства, церкви и соотечественников в различных странах и городах Восточной Азии. Но для этих же текстов обычно характерны заключения о том, что все это проявления природы единой группы соотечественников, которые, в свою очередь, едины с Россией. И для обоснования таких выводов тексты постоянно обращаются к прошлому, к истории XX века, но выборочно, так, чтобы обосновать это единство.

«Здесь, на территории Российского Посольства, которая когда-то была территорией Русской Духовной Миссии, совершается сегодня Божественная Евхаристия, и мы все имеем возможность причащаться Святых Христовых Таин. Здесь с

особой силой мы чувствуем связь между временами и веками, мы чувствуем свою связь с теми людьми, чьи кости покоятся в этой земле, с теми русским православными людьми, которые оказались изгнанниками в этой земле, но которые не забыли свою православную веру, пронесли ее через века» (Русская православная церковь, 2013).

Несмотря на то, что русские клубы и объединения здесь чаще всего создавались самостоятельно, сейчас они так близко взаимодействуют с российской властью, что часто сложно провести между ними границу. Но в изучаемых текстах центрами притяжения для соотечественников становятся территории посольств, храмов (не клубов), а события вне их описываются через участие российских должностных лиц или православных священнослужителей. Текстов о самостоятельной деятельности местных общин практически нет. То есть российская власть и РПЦ описывают соотечественников в Восточной Азии для описания самих себя. И они в этих текстах притягивают соотечественников, становятся скрепляющим элементом для их идентичности.

«Сегодня, по словам епископа, в Южной Корее проживают около 20 тысяч соотечественников, кроме того, страна ежегодно принимает порядка 300 тысяч российских туристов. Для многих приходы РПЦ — это не только места для богослужений, но и центры, где можно пообщаться, получить помощь, поддерживать национальные традиции, отмечать праздники. Именно храмы во многом помогают людям сохранять свою культурную идентичность» (Информационный портал, 2019).

Использование русского языка, православия, русской культуры и истории как самых часто упоминаемых объединяющих признаков для сообщества соотечественников приводит к тому, что эти элементы используются одновременно. Все это накладывается на общие тенденции российской политики, а поскольку в изучаемом нами контенте постоянно подчеркивается единение России со своими соотечественниками за рубежом, то это часто приводит к смешению символов, исторических отсылок, причем в контексте самопрославления. Например, победа во Второй мировой войне становится частым сюжетом для публикаций как российских властей, так и РПЦ. Эта тема локализуется, например, через описание

мероприятий по восстановлению местного русского кладбища, что позволяет удревлять российское присутствие на данной территории (часто отсылая к захоронениям еще времен Российской империи). А Русская православная церковь становится важнейшим участником таких событий, активно упоминается в их описаниях. Священнослужители молятся за упокоевание душ, ставят памятные кресты и подчеркивают православную идентичность жителя России, СССР и Российской империи. Все они представляются в текстах как единое сообщество. Например, Фонд поддержки защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом, описывая празднование в Даляне 70-летия победы во Второй мировой войне, сделал упор на участие в нем РПЦ, российских должностных лиц и радости местных соотечественников:

Русские участники во главе с отцом Димитрием Лукьяновым помолились за упокоевание душ всех православных христиан, лежащих в даляньской земле <...> На открытии обновленного кладбища Цинюньцзе (улица в Даляне – прим. автора) присутствовали: Чрезвычайный и Полномочный Посол России в Китае Андрей Денисов, Генеральный консул России в Шэньяне Сергей Пальтов, представитель канцелярии иностранных дел правительства города Далянь госпожа Юй Тао, министр иностранных дел, информации и печати Чеченской Республики Джамбулат Умаров, активисты Русского клуба в Даляне. Было много российской молодежи с букетами цветов – это было очень приятно и красиво!» (Фонд поддержки, 2015)

Создание обширного контента, посвященного действиям российской власти в Восточной Азии, позволяет конструировать воображаемую единую группу соотечественников. В данном контексте не имеет значения ее реальность, в изучаемых текстах ее объявляют реальной, единой, соответствующей определенным характеристикам, испытывающей сложности от разделения с Россией. Российские власти в активном сотрудничестве с РПЦ представляются теми, кто может разрешить эти сложности, создать единое пространство, удовлетворять потребности соотечественников, в чем и объявляется их главная задача в этом регионе.

Концепция соотечественников позволяет российскому государству и Русской православной церкви выстраивать в Восточной Азии культурные границы, отвечающие их интересам. Соотечественники как объект их действий нивелируют угрозу международных конфликтов в ответ на российское присутствие и продвижение в регионе. Но для того, чтобы эта ситуация понималась однозначно, необходимо контролировать информацию, что они успешно и делают. Новости, статьи, справки, отчеты и другие публикации официальных интернет-порталов органов государственной власти, действующих в регионе, различных организаций, созданных российской властью, а также РПЦ регулярны, разнообразны и довольно обстоятельны. Они описывают взаимоотношения этих трех акторов (российское государство, РПЦ и соотечественники) через смысловую модель, которую сами создают. Эта информация становится рутинной и занимает всю нишу данных по этой теме, которая непопулярна у независимых источников. В итоге она встает под контроль государственных акторов, которые получают широкие возможности для формирования нужных им смыслов. Используя эти возможности, они создают образ единого сообщества соотечественников, которые с радостью и благодарностью воспринимают их действия. В представленной модели они являются частью России, включаются в ее политическое пространство, а значит и усилия внешнеполитических ведомств концентрируются не на местном (жителях Восточной Азии), а на российском обществе.

Эти процессы осуществляются в тесном взаимодействии российской власти и РПЦ. Из всего контента, публикуемого официальными прогосударственными источниками, большую часть составляют те, где упоминается РПЦ. Их партнерство взаимовыгодно, поскольку смыслы, которые они создают и распространяют по своим каналам, удовлетворяют и государство, и церковь. РПЦ в своем продвижении может опираться на государство и его ресурсы, государство, в свою очередь, переводит какие-либо проблемы на уровень культурных, не затрагивая вопросы международных отношений на высшем уровне. Обращение к церкви позволяет актуализировать историю, людей и сообщества, которые находились на территории Восточной Азии в течение всего XX века. Восстановление или постройка культовых сооружений физически проводит границу присутствия России в регионе, поскольку именно в таком смысле это изображается в публикациях, но в контексте

подчеркнутого отсутствия внешнеполитической угрозы для стран Восточной Азии. Все предпринимаемые действия описываются как предназначенные для соотечественников – большой группы, единой с современной Россией, часть которой проживает на конкретной территории и испытывает сложности в реализации своих стремлений, поскольку сильна культурная граница между ними и местными. Российское государство и РПЦ приходит в Восточную Азию для того, чтобы помочь им, за что в ответ получают благодарности и ожидание продолжения действий – вот смыслы, которые формирует изученный контент. Эта стратегия довольно успешна. Российское государство и РПЦ создают большие объемы контента там, где у них нет крупных конкурентов. Это позволяет переосмысливать территорию Восточной Азии наиболее выгодным для себя способом и закреплять этот дискурс, распространяя его по обширным каналам.

Список литературы

- Dean, M. (2017). Political acclamation, social media and the public mood. *European Journal of Social Theory*, 20(3), 1-18. Doi: 10.1177/1368431016645589
- Fagan, G. (2012). *Believing in Russia – religious policy after communism*. New York: Routledge.
- Garrard, J. & Garrard, C. (2008). *Russian Orthodoxy Resurgent: Faith and Power in the New Russia*. Princeton & Oxford: Princeton University Press.
- Gerlach, J. (2015). Religion and State Identity-Building in the New Russia. In J. Gerlach, J. Töpfer (Eds.), *The Role of Religion in Eastern Europe Today* (103-143). New York: Springer.
- Gvosdev, N. K. (2002). Managed Pluralism and Civil Religion in Post-Soviet Russia. In C. Marsh, N. K. Gvosdev (Eds.), *Civil Society and the Search for justice in Russia* (pp. 75-88). Lanham, Md.: Lexington Books.
- Herspring, D.R., McDermott, R.N. (2010). Chaplains, political officers, and the Russian armed forces. *Problems of post-communism*, 57, 51-59. Doi: 10.2753/PPC1075-8216570404
- Knox, Z. (2005). *Russian society and the Orthodox Church: religion in Russia after communism*. London, New York: Routledge Curzon.
- Marsh, C. (2011). *Religion and the State in Russia and China: Suppression, Survival, and Revival*. New York: Continuum.

- Papkova, I. (2011). *The Orthodox Church and Russian Politics*. Washington and Oxford: Woodrow Wilson Center Press and Oxford University Press.
- Richters, K. (2013). *The post-soviet Russian Orthodox Church: politics, culture and greater Russia*. London, New York: Routledge.
- Schmitt, C. (2008). *Constitutional Theory*. Durham, NC: Duke University Press.
- Warhola, J. W. (2007). Religion and politics under the Putin administration: accommodation and confrontation within «managed pluralism». *Journal of Church and State*, 49, 75-95.
- Агамбен, Дж. (2018). *Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления*. М.; СПб: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ.
- Архив официального сайта Московского патриархата 1997-2009. (1998). *История православной общины в Монголии*. Получено из <https://mospat.ru/archive/1998/02/vr240283/>
- Архив официального сайта Московского патриархата 1997-2009. (2001). *Религия и дипломатия. Взаимодействие Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата с Министерством иностранных дел России. Доклад митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла на конференции «Религия и дипломатия» (Москва, 27-28 апреля 2001 года)*. Получено из <https://mospat.ru/archive/2001/06/nr106173/>
- Всемирный координационный совет российских соотечественников, проживающих за рубежом. Официальное интернет-представительство. (2018). *Главой КССК переизбрана Наталья Старкова, в состав ВКС делегирован Михаил Дроздов*. Получено из <http://vksrs.com/news/glavoy-kssk-pereizbrana-natalya-starkova-v-sostav-vks-delegirovan-mikhail-drozdov/>
- Генеральное консульство РФ в Шанхае, КНР. (2007). *Конференция Соотечественников В Посольстве РФ в г. Пекине*. Получено из https://rusconshanghai.mid.ru/home?p_p_id=101&p_p_lifecycle=0&p_p_state=maximized&p_p_mode=view&_101_struts_action=%2Fasset_publisher%2Fview_content&_101_returnToFullPageURL=https%3A%2F%2Frusconshanghai.mid.ru%3A443%2Fhome%3Fp_auth%3DqQ2SJWv4%26p_p_id%3D3%26p_p_lifecycle%3D1%26p_p_state%3Dnormal%26p_p_state_rcv%3D1&_101_assetEntryId=25303492&_101_type=content&_101_urlTitle=konferencia-sootecestvennikov-v-posol-stve-rf-v-g-pekinge&redirect=https%3A%2F%2Frusconshanghai.mid.ru%3A443%2Fhome%3Fp_p_id%3D3%26p_p_lifecycle%3D0%26p_p_state%26p_p_state_rcv%3D1&_101_assetEntryId=25303492&_101_type=content&_101_urlTitle=konferencia-sootecestvennikov-v-posol-stve-rf-v-g-pekinge

3Dmaximized%26p_p_mode%3Dview%26_3_groupId%3D24450934%26_3_keywords%3D%25D0%25BF%25D1%2580%25D0%25B0%25D0%25B2%25D0%25BE%25D1%2581%25D0%25BB%25D0%25B0%25D0%25B2%25D0%25BD%25D1%258B%25D0%25B9%26_3_struts_action%3D%252Fsearch%252Fsearch&inheritRedirect=true

Генеральное консульство РФ в Шанхае, КНР. (2008). *Пасхальное единение*. Получено из

https://rusconshanghai.mid.ru/home?p_p_id=101&p_p_lifecycle=0&p_p_state=maximized&p_p_mode=view&_101_struts_action=%2Fasset_publisher%2Fview_content&_101_returnToFullPageURL=https%3A%2F%2Frusconshanghai.mid.ru%3A443%2Fhome%3Fp_auth%3DqQ2SJWv4%26p_p_id%3D3%26p_p_lifecycle%3D1%26p_p_state%3Dnormal%26p_p_state_rcv%3D1&_101_assetEntryId=25303642&_101_type=content&_101_urlTitle=pashal-noe-edinenie&redirect=https%3A%2F%2Frusconshanghai.mid.ru%3A443%2Fhome%3Fp_p_id%3D3%26p_p_lifecycle%3D0%26p_p_state%3Dmaximized%26p_p_mode%3Dview%26_3_groupId%3D24450934%26_3_keywords%3D%25D0%25BF%25D1%2580%25D0%25B0%25D0%25B2%25D0%25BE%25D1%2581%25D0%25BB%25D0%25B0%25D0%25B2%25D0%25BD%25D1%258B%25D0%25B9%26_3_struts_action%3D%252Fsearch%252Fsearch&inheritRedirect=true

Информационный портал фонда «Русский мир». (2019). *Приходы РПЦ в Южной Корее помогают русскоязычным сохранять свою идентичность*. (2019) Получено из

https://www.russkiymir.ru/news/257408/?sphrase_id=945595

Материалы Всемирного конгресса соотечественников: Итоговый стенографический сборник. (2006). СПб.: Изд-во «Человек и здоровье».

Министерство иностранных дел Российской Федерации. (2002) *Русская православная церковь в Монголии*. Получено из http://www.mid.ru/web/guest/maps/mn/-/asset_publisher/ruvygVo4bpCH/content/id/569200

Министерство иностранных дел Российской Федерации. (2009) *Стенограмма брифинга директора Департамента по работе с соотечественниками за рубежом МИД России А.В. Чепурина, 19 ноября 2009 года*. Получено из http://www.mid.ru/web/guest/activity/compatriots/min/-/asset_publisher/evI8J0czYac3/content/id/272430

- Министерство иностранных дел Российской Федерации. (2013). *Интервью директора Департамента по работе с соотечественниками за рубежом МИД России А.А. Макарова информпорталу «Русский век», 26 декабря 2013 года.* Получено из http://www.mid.ru/web/guest/activity/compatriots/min/-/asset_publisher/evI8J0czYac3/content/id/82066
- Митрохин, Н. (2009). Русская православная церковь в России в 2000-2008 годах: очерк некоторых структурных проблем. *Неприкосновенный запас.* 1(63). Получено из <https://magazines.gorky.media/nz/2009/1/russkaya-pravoslavnaaya-czerkov-v-rossii-v-2000-2008-godah-ocherk-nekotoryh-strukturnyh-problem.html>
- Михалев, А.В. (2017). Многообразие политических смыслов русского мира на азиатском фронтире. *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*, 6, 43-59.
- Официальный сайт Московского патриархата. (2006). *На конференции «Христианство на Дальнем Востоке» обсудили проблемы влияния религии на развитие отношений между странами Азиатско-Тихоокеанского региона.* Получено из <http://www.patriarchia.ru/db/text/143666.html>
- Официальный сайт Московского патриархата. (2010). *После многолетнего перерыва Пасхальная Литургия совершена в Харбине.* Получено из <http://www.patriarchia.ru/db/text/1131607.html>
- Русская православная церковь. Отдел внешних церковных связей. (2013). *Православие в Китае.* Получено из <https://mospat.ru/ru/2013/05/16/news85470/>
- Сайт соотечественников Азиатско-Тихоокеанского региона. (2013). *В Южной Корее учрежден Координационный совет соотечественников.* Получено из <http://www.russianasiapacific.com/ru/korea-ru/90-kss-korea-ru.html>
- Фонд поддержки прав соотечественников, проживающих за рубежом. (2015). *В Даляне торжественно открыли отреставрированное русское воинское кладбище.* Получено из <http://pravfond.ru/?module=articles&action=view&id=1494>

References

- Agamben, G. (2018). *The Kingdom and the Glory: For a Theological Genealogy of Economy and Government.* Moscow, St Petersburg:

- Gaidar Institute Publisher; Faculty of Liberal Arts and Sciences of St. Petersburg State University. (In Russian)
- Archive of the official website of the Moscow Patriarchate 1997-2009. (1998). *The history of the Orthodox community in Mongolia*. Retrieved from <https://mospat.ru/archive/1998/02/vr240283/> (In Russian)
- Archive of the official website of the Moscow Patriarchate 1997-2009. (2001). *Religion and diplomacy. Interaction of the Department for External Church Relations of the Moscow Patriarchate with the Ministry of Foreign Affairs of Russia. "Report of Metropolitan Kirill of Smolensk and Kaliningrad at the conference "Religion and Diplomacy" (Moscow, April 27-28, 2001)*. Retrieved from <https://mospat.ru/archive/2001/06/nr106173/> (In Russian)
- Dean, M. (2017). Political acclamation, social media and the public mood. *European Journal of Social Theory*, 20(3), 1-18. Doi: 10.1177/1368431016645589
- Fagan, G. (2012). *Believing in Russia – religious policy after communism*. New York: Routledge.
- Foundation for the Support of the rights of compatriots living abroad. (2015). *The restored Russian military cemetery inaugurated in Dalian*. Retrieved from <http://pravfond.ru/?module=articles&action=view&id=1494> (In Russian)
- Garrard, J. & Garrard, C. (2008). *Russian Orthodoxy Resurgent: Faith and Power in the New Russia*. Princeton & Oxford: Princeton University Press.
- Gerlach, J. (2015). Religion and State Identity-Building in the New Russia. In J. Gerlach, J. Töpfer (Eds.), *The Role of Religion in Eastern Europe Today* (103-143). New York: Springer.
- Gvosdev, N. K. (2002). Managed Pluralism and Civil Religion in Post-Soviet Russia. In C. Marsh, N. K. Gvosdev (Eds.), *Civil Society and the Search for justice in Russia* (pp. 75-88). Lanham, Md.: Lexington Books.
- Herspring, D.R., McDermott, R.N. (2010). Chaplains, political officers, and the Russian armed forces. *Problems of post-communism*, 57, 51-59. Doi: 10.2753/PPC1075-8216570404
- Information portal of the "Russian world" Foundation. (2019). *Russian Orthodox Church Parishes in South Korea Help Russian-Speakers Preserve Their Identity*. Retrieved from https://www.russkiymir.ru/news/257408/?sphrase_id=945595 (In Russian)

- Knox, Z. (2005). *Russian society and the Orthodox Church: religion in Russia after communism*. London, New York: Routledge Curzon.
- Marsh, C. (2011). *Religion and the State in Russia and China: Suppression, Survival, and Revival*. New York: Continuum.
- Materials of the World Congress of Compatriots: The Final Shorthand Collection*. (2006). St Petersburg: Man and Health. (In Russian)
- Mikhalev, A.V. (2017). Diversity of Political Senses of the “Russian World” at the Asian Frontier. *Bulletin of Moscow University. Series 12: Political Sciences*, 6, 43-59. (In Russian)
- Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. (2002). *Russian Orthodox Church in Mongolia*. Retrieved from http://www.mid.ru/web/guest/maps/mn/-/asset_publisher/ruvygVo4bpCH/content/id/569200 (In Russian)
- Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. (2009). *Transcript of a briefing by the Director of the Department for Work with Compatriots Abroad of the Russian Ministry of Foreign Affairs A.V. Chepurina, November 19, 2009*. Retrieved from http://www.mid.ru/web/guest/activity/compatriots/min/-/asset_publisher/evI8J0czYac3/content/id/272430 (In Russian)
- Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. (2013). *Interview with the Director of the Department for Work with Compatriots Abroad of the Russian Ministry of Foreign Affairs A.A. Makarova to the Russian Age information portal, December 26, 2013*. (2013). Retrieved from http://www.mid.ru/web/guest/activity/compatriots/min/-/asset_publisher/evI8J0czYac3/content/id/82066 (In Russian)
- Mitrokhin, N. (2009). Russian Orthodox Church in Russia in 2000-2008: an outline of some structural problems. *Emergency ration*. 1(63). Retrieved from <https://magazines.gorky.media/nz/2009/1/russkaya-pravoslavnaya-czerkov-v-rossii-v-2000-2008-godah-ocherk-nekotoryh-strukturnyh-problem.html> (In Russian)
- Papkova, I. (2011). *The Orthodox Church and Russian Politics*. Washington and Oxford: Woodrow Wilson Center Press and Oxford University Press.
- Richters, K. (2013). *The post-soviet Russian Orthodox Church: politics, culture and greater Russia*. London, New York: Routledge.
- Russian Orthodox Church. Department of External Church Relations. (2013). *Orthodoxy in China*. Retrieved from <https://mospat.ru/ru/2013/05/16/news85470/> (In Russian)
- Schmitt, C. (2008). *Constitutional Theory*. Durham, NC: Duke University Press.

The Consulate General of the Russian Federation in Shanghai, China. (2007). *Conference of Compatriots at the Embassy of the Russian Federation in Beijing*. Retrieved from https://rusconshanghai.mid.ru/home?p_p_id=101&p_p_lifecycle=0&p_p_state=maximized&p_p_mode=view&_101_struts_action=%2Fasset_publisher%2Fview_content&_101_returnToFullPageURL=https%3A%2F%2Frusconshanghai.mid.ru%3A443%2Fhome%3Fp_auth%3DqQ2SJWv4%26p_p_id%3D3%26p_p_lifecycle%3D1%26p_p_state%3Dnormal%26p_p_state_rcv%3D1&_101_assetEntryId=25303492&_101_type=content&_101_urlTitle=konferencia-sootecestvennikov-v-posol-stve-rf-v-g-pekin&redirect=https%3A%2F%2Frusconshanghai.mid.ru%3A443%2Fhome%3Fp_p_id%3D3%26p_p_lifecycle%3D0%26p_p_state%3Dmaximized%26p_p_mode%3Dview%26_3_groupId%3D24450934%26_3_keywords%3D%25D0%25BF%25D1%2580%25D0%25B0%25D0%25B2%25D0%25BE%25D1%2581%25D0%25BB%25D0%25B0%25D0%25B2%25D0%25BD%25D1%258B%25D0%25B9%26_3_struts_action%3D%252Fsearch%252Fsearch&inheritRedirect=true (In Russian)

The Consulate General of the Russian Federation in Shanghai, China. (2008). *Easter unity*. Retrieved from https://rusconshanghai.mid.ru/home?p_p_id=101&p_p_lifecycle=0&p_p_state=maximized&p_p_mode=view&_101_struts_action=%2Fasset_publisher%2Fview_content&_101_returnToFullPageURL=https%3A%2F%2Frusconshanghai.mid.ru%3A443%2Fhome%3Fp_auth%3DqQ2SJWv4%26p_p_id%3D3%26p_p_lifecycle%3D1%26p_p_state%3Dnormal%26p_p_state_rcv%3D1&_101_assetEntryId=25303642&_101_type=content&_101_urlTitle=pashal-noe-edinenie&redirect=https%3A%2F%2Frusconshanghai.mid.ru%3A443%2Fhome%3Fp_p_id%3D3%26p_p_lifecycle%3D0%26p_p_state%3Dmaximized%26p_p_mode%3Dview%26_3_groupId%3D24450934%26_3_keywords%3D%25D0%25BF%25D1%2580%25D0%25B0%25D0%25B2%25D0%25BE%25D1%2581%25D0%25BB%25D0%25B0%25D0%25B2%25D0%25BD%25D1%258B%25D0%25B9%26_3_struts_action%3D%252Fsearch%252Fsearch&inheritRedirect=true (In Russian)

The official website of the Moscow Patriarchate. (2006). *The conference "Christianity in the Far East" discussed the problems of the influence of religion on the development of relations between the countries of the Asia-Pacific region*. Retrieved from <http://www.patriarchia.ru/db/text/143666.html> (In Russian)

- The official website of the Moscow Patriarchate. (2010). *After a long break, the Easter Liturgy is held in Harbin*. Retrieved from <http://www.patriarchia.ru/db/text/1131607.html> (In Russian)
- Warhola, J. W. (2007). Religion and politics under the Putin administration: accommodation and confrontation within «managed pluralism». *Journal of Church and State*, 49, 75-95.
- Website of compatriots of the Asia-Pacific region. (2013). *Coordinating Council of Compatriots Established in South Korea*. Retrieved from <http://www.russianasiapacific.com/ru/korea-ru/90-kss-korea-ru.html> (In Russian)
- World Coordinating Council of Russian compatriots living abroad. Official website. (2018). *Natalia Starkova was re-elected as the Head of the Coordination Council of Compatriots in China, Mikhail Drozdov was delegated to the World Coordinating Council*. Retrieved from <http://vksrs.com/news/glavoy-kssk-pereizbrana-natalya-starkova-v-sostav-vks-delegirovan-mikhail-drozdov/> (In Russian)

ЧУЖОЙ И ЧУЖАЯ КУЛЬТУРА: ВЫЯВЛЕНИЕ МОДЕЛЕЙ ИНАКОВОСТИ НА ОСНОВЕ ПОИСКОВЫХ ЗАПРОСОВ РОССИЯН В ИНТЕРНЕТЕ¹

Алиев Растям Туктарович (а)

(а) ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а. E-mail: rastaliev[at]gmail.com

Аннотация

Данная статья посвящена моделям имажинативного Чужого, распространенным в российском сегменте Интернет, полученным с помощью статистических и математических методов анализа Больших данных (Big Data). В качестве основы для анализа автор статьи использует запросы пользователей сети Интернет, относительно Чужого. Все запросы группируются вокруг трех основных маркеров инаковости, что согласно концепции, предложенной российским историком С. Н. Якушенковым, представляют собой базисные структуры, вокруг которых и формируется образ Чужого: вестиментарность (внешность), алиментарность (гастрономическая культура) и сексуальность. Автор статьи пытается дополнить эту концепцию четвертой структурой – этнополитическим аспектом.

Согласно его мнению, эти базовые паттерны инаковости аккумулируются в цифровом пространстве Интернет в качестве рефлексии россиян на ту или иную инаковость чужой культуры. Сбор эмпирического материала в большие базы данных, дальнейшая их обработка и анализ могут дать определённую картину механизмов формирования универсальных образов этнического Чужого, каким его представляют пользователи сети Интернет. Таким образом, исследователи могут получить куда более объективный инструмент при анализе интернет-запросов в том или ином регионе страны и мира.

Следует, однако, учитывать, что подобные исследования должны основываться не только на принципах синхронии, но и диахронии, так как только динамика запросов за более длительный период дает возможность выявить наиболее достоверные модели инаковости, формирующиеся в отдельном регионе или стране в целом.

Ключевые слова

Модель; моделирование; корреляция; матрица; Чужой; Другой; Интернет; политика; этнополитика; этнос

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution – Non Commercial – No Derivatives»](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта «Моделирование образа Чужого в пространстве сети Интернет: политический аспект» № 19-011-32021 опн_мол

THE OTHER AND THE OTHER'S CULTURE: REVEALING MODELS OF OTHERNESS ON THE BASIS OF RUSSIANS' SEARCH QUERIES IN THE INTERNET¹

Rastyam Tuktarovich Aliev (a)

(a) Astrakhan State University, 20a, Tatischeva Str., Astrakhan, Russia 414056.
E-mail: rastaliev[at]gmail.com

Abstract

This article is devoted to the models of the Imaginative Other in the Russian segment of the Internet, obtained with the help of statistical and mathematical methods of analysis of Big Data. As a basis for the analysis, the author of the article uses the queries of Internet users, concerning the Other. All queries are grouped around the three main markers of otherness, which according to the concept proposed by the Russian historian S. N. Yakushenkov, represent the basic structures around which the image of the Alien is formed: vestimentary and alimentary codes and sexuality. The author of the article tries to supplement this concept with the fourth structure - ethno-political aspect.

According to him, these basic patterns of otherness are accumulated in the digital space of the Internet as a reflection of the Russians on this or that otherness of foreign people's culture. The collection of empirical material in large databases, their further processing and analysis can give a certain picture of the mechanisms of formation of universal images of the ethnic Alien, as it is represented by users of the Internet. Thus, researchers can get a much more objective tool when analyzing Internet requests in a particular region of the country and the world.

However, it should be taken into account that such studies should be based not only on the principles of synchronism, but also on the diachronism, as only the dynamics of requests over a longer period of time makes it possible to identify the most reliable models of otherness that are forming in a particular region or country as a whole.

Keywords

Model; modeling; correlation; matrix; the Other; the Alien; Internet; politics; ethnopolitics; ethnos

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution – Non Commercial – No Derivatives 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

¹ The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project № 19-011-32021 «Modeling the Image of the Other in the Internet space: the Political Aspect»

ВВЕДЕНИЕ

В XXI веке развитие интернет-технологий упростило процесс межкультурной коммуникации настолько, что расстояние между участниками диалога отходит на второй план. Это дало возможность познавать чужую культуру, традиции, обычаи, то есть взаимодействовать с Чужим, не прилагая особых усилий. Процессы глобализации стирают старые границы культурных, политических и социальных явлений, превращая мир в, как выразился теоретик медиакультуры Г. М. Маклюэн, «глобальную деревню» (2003, стр. 47). Сложившаяся ситуация раскрывает многие аспекты чужой культуры; она позволяет субъекту не просто познакомиться с ней, но и взаимодействовать, перенять, а иногда и отторгать культурные элементы Чужого. Так происходит и в области гастрономической культуры, когда глобализация позволяет фактически внести в повседневный рацион иностранные блюда и напитки, только усиливая интерес к алиментарному Чужому (Алиев & Якушенкова, 2018, стр. 160-166); подобные процессы мы можем наблюдать и в области мировой моды, которая, с одной стороны, обращается к локальным культурам, чтобы заимствовать что-то новое, а, с другой, вносит в нашу «глобальную деревню» стандартизированные критерии красоты и внешности (Алиев, 2018, стр. 78).

Чужой возникает на границе онтологических и гносеологических аспектов бытия и играет разные роли: он может быть посредником межкультурной коммуникации (когда субъект сквозь призму инаковости познаёт или знакомится с чужой культурой); Чужой может быть объектом идеологических манипуляций (отсюда и знаменитая лакановская фигура Большого Другого как отражения широкого символического порядка (Hill, 1997, p. 160)). Но, в любом случае, Чужой выступает ещё и неким индикатором состояния «болезни или здоровья, в котором то или иное общество находится» (Якушенков, 2012, стр. 264). Внешность (первичная перцепция Чужого субъектом), привычки, обычаи Чужого не просто пугают нас, но и интригуют своей нестандартностью, непривычностью для субъекта. Поэтому ключевыми при конструировании имагинативного Чужого (мы не зря применяем термин «воображаемый», так как, прежде всего, Чужой воображается субъектом, а уже потом этот воображаемый образ вступает в процесс коммуникации) являются паттерны его поведения, которые можно объединить в три группы: вестиментарность (внешний облик), алиментарность (гастрономическая культура) и сексуальность (Якушенков &

Якушенкова, 2012а, стр. 234). При этом они могут быть как реальными, так и воображаемыми, результатом фантазии субъекта.

Образ воображаемого Чужого сильнее всего, на наш взгляд, проявляется в пространстве сети Интернет. И здесь он выстраивается независимо от характера межкультурной коммуникации. Например, в зависимости от политической обстановки конструируются те или иные образы Чужого, отношение к которому у субъекта будет формироваться под влиянием множества внешне- и внутривполитических факторов. Исходя из этого, будет справедливо добавить к базовым ещё и этнополитический паттерн, увеличивая их число до четырёх.

Воображаемый или имажинативный Другой/Чужой являет собой не реальный образ, а выдуманный, построенный на представлениях субъекта о реальном объекте. Зачастую такие вымышленные представления при определённых условиях в больших коллективах приобретают форму стереотипов, что даёт возможность говорить уже об устойчивых образах воображаемого Другого/Чужого, а, следовательно, такие модели инаковости нельзя оставлять без внимания, так как они являются плодом коллективного сознания. Примечательно, что в 2016 году пользователи социальной сети Twitter были возмущены расистскими стереотипами в поисковых результатах Google (В сети поразились расистским стереотипам в поисковых результатах Google, 2016). Суть претензий заключалась в том, что поисковик Google выдавал разные результаты при двух запросах: «три черных подростка» и «три белых подростка». «По запросу "три черных подростка" Google показывает преимущественно картинки с молодыми чернокожими преступниками, которые сфотографированы в полицейском участке, а по запросу "три белых подростка" поисковик находит стоковые снимки с жизнерадостными молодыми людьми и девушками» (2016). Но корпорация - владелец поисковика в данном случае ни при чём. Сервис работает на основе алгоритмов, которые учитывают более двухсот критериев, среди которых: регион пользователя, делающего запрос, его история поисков, частота подобных запросов другими пользователями и т.д.

Целью данной статьи является отражение механизмов моделирования образа этнополитического Чужого, построенного на основных четырёх паттернах, включающих алиментарность, вестиментарность, сексуальность и этнополитические маркеры. Это исследование построено на использовании больших данных поисковых запросов россиян относительно их заинтересованности в четырёх аспектах чужой этнической культуры.

Прежде чем перейти к описанию методов и результатов исследования, хотелось бы подчеркнуть, что мы не разделяем оценочные суждения по отношению к другим этническим группам, которые могут быть восприняты оскорбительно, уничижительно или агрессивно. Все указанные в дальнейшем маркеры, содержащие подобную характеристику, исследуются нами лишь в научных целях, чтобы выявить степень алертности по отношению к определённым моделям инаковости, и не пропагандируют призывы к насилию и оскорблениям на национальной почве.

СТЕПЕНЬ РАЗРАБОТАННОСТИ ПРОБЛЕМЫ

Проблема Чужого очень многогранна. Сам феномен является объектом изучения совершенно различных научных направлений, начиная с философии и заканчивая исследованиями в области постколониальных теорий и теории малых групп (Subaltern Studies). Выделим основные достижения в этих направлениях.

Проблема инаковости поднимается с античных времён в трудах таких мыслителей, как Платон и других.

В своих работах конструированию опыта Чужого уделяли внимание такие философы и исследователи, как Эдмунд Гуссерль (2001), Жан-Поль Сартр (2000), Эммануэль Левинас (2007). На феномене телесности и тела Чужого в своём творчестве акцентирует внимание М. М. Бахтин (1979). Особое внимание к образам Другого/Чужого уделяется в работах М. Фуко, где философ видел в проблематике отношения к Другому/Чужому аспект политический. М. Фуко акцентирует внимание на значении фигуры Другого в процессе формирования европейской рациональности (1997) (1999).

Сегодня проблематика Чужого также является актуальной среди различных учёных. С исторической точки зрения образ Чужого рассматривали в своих работах Э. С. Груэн (2011), И. Б. Нойманн (1998) и другие. Примечательно, что Нойманн утверждает, что Чужой является определяющим фактором в формировании социальной и политической идентичности того или иного народа. В исторической ретроспективе роль этнических Чужих в формировании идентичности рассматривали также К. Аданг, Н. Беренд, Н. Де Ланге, М. Фиерро, К. Мюллер, К. Пеннингтон (Vuc, Keil, & Tolan, 2016). В культурологических аспектах образ Чужого как монстра рассматривают Ф. Грэди, У. Сайерс, М. Уэбель, Дж. О'Нилл, М. Б. Кэмпбэлл, Л.Д. Крицман, С. Пендер, Д. Х. Хирш, А. Л. Прескотт, Р. Вотерхауз, Д. Л. Кларк (Cohen, 1996).

МЕТОДЫ

Поиск метода

Анализ цифрового пространства в контексте поднимаемой нами в данной статье проблемы требует от исследователя составления больших баз данных и работы с ними. Это приводит исследователя в области социальных и гуманитарных процессов и явлений к некоторым трудностям, так как, по нашему мнению, данная область науки находится в определённом методологическом отрыве от естественной отрасли, а её результаты работ находятся чаще всего в плоскости гипотез, нежели в поиске эмпирических решений проблем. Но новые возможности открывает использование метода анализа Больших данных (Big Data Science). Этот подход позволяет обрабатывать массивы данных, используя математические и статистические методы. Большие данные представляют собой поле, в котором рассматриваются способы анализа, систематического извлечения информации из других наборов данных или обработки их иными способами, которые слишком велики или сложны, чтобы их можно было решить с помощью традиционного прикладного программного обеспечения для обработки данных. Данные с большим количеством случаев (строк) предоставляют большую статистическую мощь, в то время как данные с более высокой сложностью (больше атрибутов или столбцов) могут привести к более высокой частоте ложных обнаружений (Breur, 2016, p. 63).

Текущее использование термина «большие данные» имеет тенденцию относиться к использованию предикативной аналитики, аналитики поведения пользователя или некоторых других расширенных методов анализа данных, которые извлекают значение из данных и редко достигают определенного размера набора данных. «Нет никаких сомнений в том, что объемы данных, доступных сейчас, действительно велики, но это не самая важная характеристика этой новой экосистемы данных» (Boyd & Crawford, 2011). Анализ наборов данных может найти новые корреляции для «выявления тенденций в бизнесе, предотвращения заболеваний, борьбы с преступностью и так далее» (Data, data everywhere, 2011).

Подобное направление в науке в России активно развивается, что приводит к тому, что учёные из негуманитарных и несоциальных отраслей науки начинают составлять нам конкуренцию в эмпирических исследованиях. Достаточно посмотреть на проводимые ежегодные конференции от Yandex под названием «Data & Science:

цифровые методы в гуманитарных науках» (Data & Science: цифровые методы в гуманитарных науках, 2019).

Выявление моделей инаковости

Этот процесс требует от исследователя довольно тщательного и долгого сбора статистической информации, обработки данных из сети Интернет и создание базы данных. Как мы писали выше, для подобного рода исследований весьма полезно будет в качестве инструментария сбора данных использовать поисковые сервисы типа Yandex или Google, удобство которых заключается в том, что они при запросе пользователя предлагают варианты продолжения запроса на основании популярности или частотности того или иного запроса.

В данном исследовании в качестве инструментов были использованы статистические методы сбора данных в сети интернет, составление корреляционной матрицы, расчёт парной корреляции по Пирсону каждого из структурных маркеров и выявление сильнейших корреляционных связей между этими маркерами. Для конструирования, структурирования и классификации моделей Воображаемого Этнополитического Чужого мы использовали визуализацию корреляционных связей маркеров на плоскости, что дало возможность выделить, с одной стороны, количество моделей, а, с другой, их качественную характеристику, выраженную в наполненности моделей этими сгруппированными маркерами.

Для дальнейшего анализа степени алертности той или иной модели Чужого мы разработали условную классификационную шкалу (Алиев Р. Т., 2019, стр. 17), в которой выделили следующие формы алертности:

1. Высшая степень алертности – алертно-агрессивная. Такие модели, наполнены структурными маркерами, чьё содержание наиболее агрессивно или просто пугает своей фантастичностью. Например, «считают Россию оккупантами» или «едят младенцев» и т.д.
2. Средняя степень алертности – алертно-уничжительная. К моделям подобного типа Чужого мы отнесли такие, в которых структурные маркеры наполнены уничительным содержанием. Например, «носят тазики на голове».
3. Низкая степень алертности – алертно-нейтральная. Модели, относящиеся к данной группе, характеризуются в общем как нейтральные, но один или два маркера указывают на какую-либо алертность в отношении россиян к Чужому.

4. Отсутствие признаков алертности. Такая модель инаковости, которую по линейной классификации, разработанной астраханскими исследователями Другого/Чужого, можно отнести к категории «Свой-Другой» (Романова, и др., 2018, стр. 158). В данных моделях не обнаруживаются какие-либо признаки алертности.

Следует оговориться, что все результаты расчётов и анализа предмета исследования находятся в открытом доступе. Мы их разместили в сети Интернет (Корреляционная матрица и расчёты исследования, 2019). Моделирование образа Этнополитического Чужого, актуального для россиян на сегодняшнем этапе развития, происходило в несколько этапов.

На первом этапе, исходя из предмета исследования, мы сделали выборку этносов. В частности, нам необходимо было выявить степень инаковости и алертности россиян по отношению к тем этносам, которые наиболее актуализированы в российском обществе сегодня, и с кем имеются прямые культурные, социальные и политические связи. В данную выборку вошли народы бывших республик СССР: украинцы, белорусы, казахи, узбеки, грузины, азербайджанцы, литовцы, эстонцы, молдаване, киргизы, таджики, армяне, туркмены. При дальнейших расчётах латвийцы из изначальной выборки выпали, из-за того, что мало интересуют россиян по указанным нами группам структурных маркеров.

Для получения более точных данных и сверки результатов в список этносов были добавлены американцы и китайцы. Выбор пал на эти этносы в силу актуальных на сегодняшний день геополитических событий и процессов.

На втором этапе мы начали выявление структурных маркеров, классифицированных нами в 4 группы: алиментарность, сексуальность, вестиментарность и этнополитический аспект. Для выявления маркеров мы составили специальные запросы в поисковые службы Яндекс и Google, согласно паттернам формирования образа Чужого:

1. Алиментарный аспект – «этническая группа» ест... (например, «украинцы едят» или «китайцы» едят)
2. Вестиментарный аспект – «этническая группа» носит... или «этническая группа» одевается в... (например, «китайцы носят» или «американцы одеваются в»)
3. Сексуальный аспект был условно разделён нами на два гендерных направления. Исходя из этого поисковый запрос

формировался следующим образом: «этническая группа» женится на... и «этническая группа» выходит замуж за... (например, «азербайджанцы жетяся на» и «азербайджанки выходят замуж за»). И хотя матримониальность или патримониальность не раскрывают только лишь сексуальные маркеры, в связи с этической политикой основных поисковых систем (Яндекс и Google), мы решили взять именно такой паттерн в качестве альтернативы.

4. Этнополитический аспект – «этническая группа» считает... (например, «американцы считают» или «украинцы считают

Таким образом, используя статистические ресурсы Яндекса и Google мы собрали первичную базу данных, состоящую из 165 структурных маркера, относящихся к характеристикам этносов из нашей выборки (См. Таблицу 1). (Корреляционная матрица и расчёты исследования, 2019)

Маркеры	Украинцы	Белорусы	Казахи	Узбеки	Грузины
Едят Баранину	0	0	0	0	3
Едят Бешбармак	0	0	4	0	0
Едят борщевик	0	0	0	0	0
Едят бургер	0	0	0	0	0
Носят банную шапку	0	0	0	0	0
Носят боёвку	0	0	0	0	0
Носят бороду	0	0	0	0	0
Носят бусы	0	0	0	0	0
Выходят замуж за москвичей	2	0	0	1	0
Выходят замуж за араба	5	0	0	0	0
Женятся на русских	76	0	51	239	87
Считают себя русскими	80	15	0	0	0
Считают, что им все должны	111	0	0	0	0

Таблица 1. Часть корреляционной матрицы

На четвёртом этапе исследования, используя метод линейной корреляции Пирсона, мы рассчитали различную степень взаимосвязи каждой пары структурных маркеров. По итогу данных расчётов мы получили корреляционную таблицу, в которой отражены как положительная, так и отрицательная корреляционные зависимости между структурными маркерами. В силу огромного массива данных

приводим в данной статье лишь часть этой таблицы в качестве примера (См. Таблица 2).

	Едят баранину	Едят бешбармак	Едят борщевик	Едят бургер	Едят ворон	Едят гречку	Едят грибы
Едят баранину	1						
Едят бешбармак	-0,103	1					
Едят борщевик	0,7845	-0,0714	1				
Едят бургер	-0,103	-0,0714	-0,0714	1			
Едят ворон	-0,143	-0,09869	-0,09869	-0,09	1		
Едят гречку	-0,103	-0,071428	-0,07142	1	-0,09869	1	
Едят грибы	0,5624	-0,07142	-0,07142	-0,07	-0,09869	-0,07142	1

Таблица 2. Часть корреляционной таблицы

На данном этапе мы выделили коэффициент наисильнейшей корреляционной связи отдельных пар признаков. Для этого мы можем взять диапазон коэффициента корреляции равный от 0,6 до 1, и эту связь каждой пары признаков визуализировать на условной карте, что позволит сгруппировать данные и выделить основные универсальные модели воображаемого Чужого. Эта визуализация приобрела следующий вид (См. Рисунок 1)

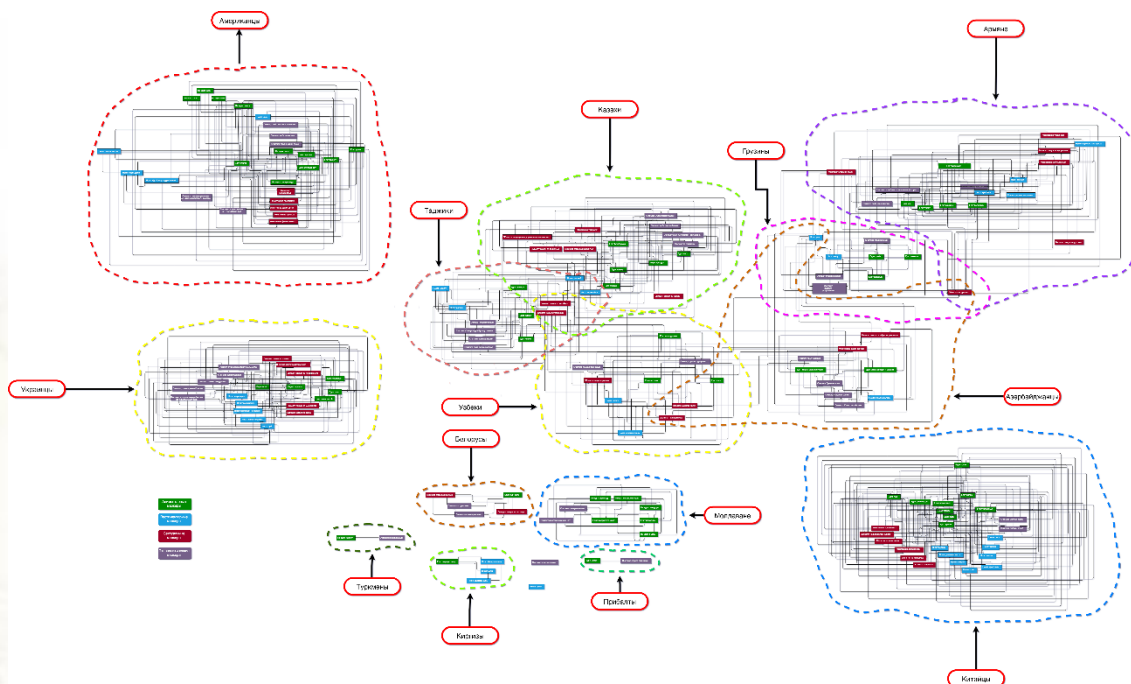

Рисунок 1. Визуализация парной корреляционной связи структурных маркеров Чужого. В лучшем качестве карта представлена по ссылке (Карта моделей Чужого, 2019)

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Результаты

В результате такого исследования мы смогли выявить 14 структур в разной степени вобравших в себя представления россиян об этнополитическом Чужом. При этом данные модели Чужого отражают различную степень алертности: от агрессивных и уничижительных Чужих до дружеских почти Своих-Других.

Проанализировав каждую из полученных моделей (Алиев Р. Т., 2019, стр. 21-26), мы пришли к следующим выводам:

1. Полученные модели разнятся по количеству структурных маркеров. Среди полученных моделей были выявлены как с наименьшим количеством таковых (например, содержащих 2 или 3 структурных маркера модели образа Чужого, отражающих представления о туркменах, киргизах, прибалтийских народах и белорусах), так и напротив, модели с большой концентрацией структурных маркеров (такими оказались модели Чужого, в которых отразились представления об американцах, украинцах и китайцах).

Подобное распределение маркеров объясняется рядом факторов, среди которых мы выделяем, прежде всего, культурную и

политическую актуализацию этноса в российском социокультурном пространстве. Иными словами, из-за некоторых внешне- или внутривнутриполитических процессов взаимодействия с теми или иными этносами варьируется и сам интерес россиян к этим народам. В ряде случаев, например, как с туркменами, прибалтийскими народами или киргизами, отражённых в моделях Чужого с минимальным количеством маркеров, мы можем говорить о слабом интересе по отношению к ним со стороны россиян. И наоборот, из-за политической обстановки на мировой арене самыми актуальными с этнополитической точки зрения становятся американцы, украинцы и китайцы, поэтому модели Чужого, в которых они отражаются, содержат в себе самое большое количество структурных маркеров.

2. Моделлеформирующей группой структурных маркеров оказалась этнополитическая. Благодаря ей структурировались и группировались остальные маркеры. Таким образом, мы можем говорить о важности выделения этнополитических маркеров в качестве направляющих в формировании образа Чужого у россиян.

3. Шесть моделей Чужого сконструированы таким образом, что между собой они имеют общие маркеры, которые мы назвали метамаркерами. Примечательно, что метамаркеры относятся чаще всего к алиментарным, вестиментарным и сексуальным группам, но отсутствуют в списках этнополитических структурных маркеров. Это объясняется тем, что, когда речь заходит об алиментарности, вестиментарности (но в меньшей степени сексуальности) Чужого, мы не всегда склонны четко разделять границы чужих для нас культур. Значительную роль в этом играют не реальные гастрономические пристрастия упоминаемых этносов, но наши страхи перед неким гипотетическим абстрактным агрессором. Зачастую такой объект наших страхов или опасений может отражать в себе сразу несколько этносов.

Но, в любом случае, мы заметили, что одна модель с агрессивной степенью алертности может иметь общий маркер с моделью, у которой обнаруживается нейтральная степень алертности.

4. Некоторые модели содержат в себе противоположные по содержанию маркеры. Это зачастую связано с двумя причинами:

- С желанием представить или увидеть (фото/видео) процесс, несвойственного этносу поведения, содержащегося в противоположном маркере. Например, в модели Чужого-американца мы обнаруживаем два амбивалентных друг другу структурных маркера: «едят гречку» и «не едят гречку» (См. Рисунок №1).

С желанием субъекта сделать Чужого ближе к Своему. Иными словами снять маркеры инаковости. Ярким примером может быть модель Чужой-украинец, у которого имеются амбивалентные маркеры «считают русских людьми второго сорта» и «считают себя русскими».

Подобные модели мы условно назвали «моделями с амбивалентными внутренними структурными маркерами». Таких моделей в общей картине выделяется четыре (Чужой-американец, Чужой-украинец, Чужой-белорус, Чужой-казах)

Описание каждой из представленных моделей мы приводили в предыдущей статье (2019). Отметим лишь то, что изучение этих моделей необходимо проводить комплексно и неединовременно, то есть для выявления полной картины механизмов формирования образов Чужого необходимо проследить ещё и трансформацию каждой из представленной модели в динамике, так как подобные исследования должны основываться не только на принципах синхронии, но и диахронии, так как только динамика запросов за более длительный период дает возможность выявить наиболее достоверные модели инаковости, формирующиеся в отдельном регионе или стране в целом.

Обсуждение

Исследование, проведённое нами, обозначает сразу две перспективы:

1. Новый метод моделирования образа Чужого, изучение которого важно в контексте межкультурной и межэтнической коммуникации;
2. Выявление и понимание некоторых негативных сторон межкультурной и межэтнической коммуникации.

Совершенно естественно, что образ Чужого выявляет состояние общества: его болезнь, мечтания, переживания и т.д. Данное исследование показало, что определяющим фактором в формировании образа Чужого являются политические процессы, проявляющиеся в «навешивании» на тот или иной этнос определённых маркеров. Другие паттерны инаковости, такие как алиментарность, сексуальность и вестиментарность, лишь реагируют на общие настроения общества, но не являются моделеформирующими. Данная работа дополняет ранее проведённые нами исследования в области разработки методов моделирования образов Воображаемого Чужого.

Параллельно данная работа обосновывает теоретические конструкты формирования образа Чужого, которые предложил российский историк С. Н. Якушенков в своей работе по исследованию

тела варвара на китайском фронтире (Якушенков & Якушенкова, 2012a).

Таким образом, исследование было переведено из теоретической плоскости в практическую и направлено на анализ состояния межэтнических и межкультурных взаимодействий в контексте этнополитических процессов в России и мире.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта «Моделирование образа Чужого в пространстве сети Интернет: политический аспект» № 19-011-32021 опн_мол.

Список литературы

- Boyd, D., & Crawford, K. (2011). Six Provocations for Big Data. В *Social Science Research Network: A Decade in Internet Time: Symposium on the Dynamics of the Internet and Society*. doi: 10.2139/ssrn.1926431.
- Breur, T. (2016). Statistical Power Analysis and the Contemporary «Crisis» in Social Sciences. *Journal of Marketing Analytics*(4 (2-3)), 61–65. doi: 10.1057/s41270-016-0001-3.
- Бус, Р., Кеил, М., & Толан, Дж. (2016). *Jews and Christians in Medieval Europe: the Historiographical Legacy of Bernhard Blumenkranz*. Turnhout: Brepols Publishers n.v.
- Cohen, J. J. (Ed.). (1996). *Monster Theory: Reading Culture*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Data & Science: цифровые методы в гуманитарных науках*. (2019). Получено из События Яндекс: <https://events.yandex.ru/events/ds/02-mar-2019/>
- Data, data everywhere*. (2011). Retrieved from The Economist: <https://www.economist.com/special-report/2010/02/25/data-data-everywhere>
- Gruen, E. S. (2011). *Rethinking the Other in Antiquity*. Princeton: Princeton University press.
- Hill, P. (1997). *Lacan for Beginners*. London.
- Neumann, I. B. (1998). *Uses of the Other. "The East" in European Identity Formation*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Алиев, Р. Т. (2018). Вестиментарные модели Воображаемого Чужого. *Журнал Фронтирных Исследований*(4), 76-97. doi: 10.24411/2500-0225-2018-10024.
-

- Алиев, Р. Т. (2019). Образ Чужого в пространстве сети Интернет: этнополитический аспект. *Философия и культура*(8), 14-31. doi: 10.7256/2454-0757.2019.8.30613.
- Алиев, Р. Т., & Якушенкова, О. С. (2018). Алиментарные модели Воображаемого Чужого. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*(4), 162-170.
- Бахтин, М. (1979). Автор и герой в эстетическом творчестве. В М. Бахтин, *Эстетика словесного творчества*. Москва.
- В сети поразились расистским стереотипам в поисковых результатах Google.* (2016, Июнь 8). Retrieved from Лента.ру: https://lenta.ru/news/2016/06/08/three_teenagers/
- Гуссерль, Э. (2001). *Картезианские размышления*. СПб: Наука.
- Карта моделей Чужого.* (2019). Получено из <http://rastaliev.site/files/archives/markmap2.png>
- Корреляционная матрица и расчёты исследования.* (2019). Получено из <http://rastaliev.site/files/archives/matrix.xlsx>
- Левинас, Э. (2007). *Путь к Другому*. (Е. Бахтина, Перев.) СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета.
- Маклюэн, Г. М. (2003). *Галактика Гутенберга*. Киев: Издательство "Ника-Центр".
- Романова, А. П., Якушенков, С. Н., Хлыщева, Е. В., Канатьева, Н. С., Якушенкова, О. С., Топчиев, М. С., . . . Морозова, Е. В. (2018). *Многоликий Другой. Инвариантность образов Другого/Чужого*. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич.
- Сартр, Ж. П. (2000). *Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии*. (В. И. Колядко, Перев.) Москва: Республика.
- Фуко, М. (1997). *История безумия в классическую эпоху*. СПб.
- Фуко, М. (1999). *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. М.: Ad Marginem.
- Якушенков, С. Н. (2012). Эволюция образа Чужого на примере европейского дискурса о вампирах (О бедном вампире замолвим мы слово). *Каспийский регион: политика, экономика, культура*(2), 263-269.
- Якушенков, С. Н., & Якушенкова, О. С. (2012а). Тело Варвара: конструирование образа Чужого на китайском фронтире. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 4(33), 233-240.

References

- Boyd, D., & Crawford, K. (2011). Six Provocations for Big Data. B *Social Science Research Network: A Decade in Internet Time: Symposium on the Dynamics of the Internet and Society*. doi: 10.2139/ssrn.1926431.
- Breur, T. (2016). Statistical Power Analysis and the Contemporary «Crisis» in Social Sciences. *Journal of Marketing Analytics*(4 (2-3)), 61–65. doi: 10.1057/s41270-016-0001-3.
- Buc, P., Keil, M., & Tolan, J. (2016). *Jews and Christians in Medieval Europe: the Historiographical Legacy of Bernhard Blumenkranz*. Turnhout: Brepols Publishers n.v.
- Cohen, J. J. (Ed.). (1996). *Monster Theory: Reading Culture*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Data & Science: цифровые методы в гуманитарных науках*. (2019). Получено из События Яндексса: <https://events.yandex.ru/events/ds/02-mar-2019/>
- Data, data everywhere*. (2011). Retrieved from The Economist: <https://www.economist.com/special-report/2010/02/25/data-data-everywhere>
- Gruen, E. S. (2011). *Rethinking the Other in Antiquity*. Princeton: Princeton University press.
- Hill, P. (1997). *Lacan for Beginners*. London.
- Neumann, I. B. (1998). *Uses of the Other. "The East" in European Identity Formation*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Aliev, R. T. (2018). Vestimentary Models of the Imaginative Other. *Journal of Frontier Studies* (4), 76-97. doi: 10.24411/2500-0225-2018-10024.
- Aliev, R. T. (2019). Image of the Other on the Internet: Ethnopolitical Aspect. *Philosophy and Culture* (8), 14-31. doi: 10.7256/2454-0757.2019.8.30613.
- Aliev, R. T., & Yakushenkova, O. S. (2018). Alimentary Models of the Imaginative Other. *Caspian Region: Politics, Economics, Culture* (4), 162-170.
- Bakhtin, M. (1979). Author and Hero in Aesthetic Work. In M. Bakhtin, *Aesthetics of Verbal Creativity*. Москва.
- The Web has been Struck by Racist Stereotypes in Google Search Results*. (2016, June 8). Retrieved from Lenta.ru: https://lenta.ru/news/2016/06/08/three_teenagers/
- Husserl, E. (2001). *Cartesian Reflections*. St. Petersburg: Science.
- Model Map of the Other*. (2019). Retrieved from <http://rastaliev.site/files/archives/markmap2.png>

- Correlation Matrix and Study Calculations.* (2019). Retrieved from <http://rastaliev.site/files/archives/matrix.xlsx>
- Levinas, E. (2007). *Way to the Other.* (E. Bakhtina, trans.) St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University.
- McLuhan, H. M. (2003). *Gutenberg Galaxy.* Kiev: Publishing house "Nika-Center".
- Romanova, A. P., Yakushenkov, S. N., Khlysheva, E. V., Kanateva, N. S., Yakushenkova, O. S. & others. (2018). *Many Faces Other. Invariance of Other Images.* Astrakhan: Publisher: Sorokin Roman Vasilyevich
- Sartre, J.-P. (2000). *Being and Nothing: A Phenomenological Ontology Experience.* (V. I. Kolyadko, trans.). Moscow: Republic.
- Foucault, M. (1997). *Madness and Civilization: A History of Insanity in the Age of Reason.* St. Petersburg.
- Foucault, M. (1999). *Discipline and Punish: The Birth of the Prison.* Moscow.: Ad Marginem.
- Yakushenkov, S. N., & Yakushenkova, O. S. (2012). Barbarian Body: Construction of the Alien's Body on the Chinese Frontier. *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 4(33), pp. 233-240
- Yakushenkov, S. N. (2012). The Evolution of the Image of the Other on the Example of the European Discourse on Vampires (We shall Say a Word about the Poor Vampire). *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture* (2), 263-269.

ФРОНТИРНЫЙ КЕЙС РУССКОГО ИНЖЕНЕРА КВЖД: ПИСЬМА Г. С. МОСКВИТИНА (1898-1901)¹

Мещеряков Александр Юрьевич (а)

(а) ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет». 414056, Астрахань, Россия,
ул. Татищева, 20а. E-mail: daomesheryakov[at]gmail.com

Аннотация

В данном исследовании впервые вводятся в научный оборот письма инженера-железнодорожника Москвитина Гавриила Степановича, служившего на строительстве КВЖД. Применяются методы микроистории в изучении традиционного уклада железнодорожников в Маньчжурии. Опубликованные ранее источники почти ничего не говорили о традиционном укладе строителей КВЖД, который проявляется в повседневности, нормах и ценностях, в поведении, проблемах железнодорожников и мн. др. Письма подобные этим образуют определенную систему, которая имеет хронологическую последовательность. Не менее важно, что спустя годы после того, как эти письма были написаны, отправлены, получены и прочитаны, они сохранились в качестве материального свидетельства жизни человека и были переданы в астраханский архив сестрой Г. С. Москвитина.

Учитывая, что человек и социум позиционируют себя в пространстве, автор анализирует процесс освоения, восприятия русским инженером-железнодорожником фронтального пространства Маньчжурии в конце XIX – начале XX вв. На сегодняшний день изучение восприятия и освоения фронтального пространства на уровне микроистории требует от историка особого внимания, так как позволяет лучше понять функционирование Российской империи и ее колоний. Согласно мнению автора, письма Г. С. Москвитина написанные в период 1898 – 1901 гг. выполнили целый ряд функций.

Ключевые слова

Микроистория; фронтальная теория; эго-документы; Г. С. Москвитин; Маньчжурия; российско-китайский фронт; КВЖД; инженер; железнодорожники; письма

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution – Non Commercial – No Derivatives»](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

¹Статья подготовлена при поддержке РФФИ 17-33-01069-ОГН «Встреча с Чужим: российский и дальневосточный опыт межкультурной коммуникации».

FRONTIER CASE OF RUSSIAN ENGINEER CHINESE EASTERN RAILWAY: LETTERS G. S. MOSCOVITIN (1898-1901)¹

Alexander Yurievich Meshcheryakov (a)

(a) Astrakhan State University. 20a Tatischeva str., Astrakhan, Russia 414056.
E-mail: daomesheryakov[at]gmail.com

Abstract

In the given research for the first time letters of engineer-railroader Gavriil Stepanovich Moskvitin, who served at the construction of Chinese Eastern Railway, introduced into scientific circulation. Methods microhistory applied in the study of the traditional way of life of railway man in Manchuria. Earlier published sources said almost nothing about the traditional of railroad mans the Chinese Eastern Railway, which is manifested in everyday life, norms and values, behavior, problems of railway workers and many others. The letters like these form a certain system, which has a chronological sequence. It is equally important that, years after these letters were written, sent, received and read, they were preserved as material evidence of human life and were transferred to the Astrakhan archive by sister G. S. Moskvitina.

Taking into account that man and society position themselves in space, the author analyzes the process of development and perception of the frontier space of Manchuria by the Russian engineer-railroader at the end of XIX – beginning of XX centuries. To today, the study of perception and development of the frontier space at the level of microhistory requires special attention from the historian, as it allows a better understanding of the functioning of the Russian Empire and its colonies. The author considers that G. S. Moskvitin letters written between 1898 and 1901 performed a number of functions.

Keyword

Microhistory; Frontier Thesis; ego-documents; G. S. Moskvitin; Manchuria; Chinese-Russian frontier; Chinese Eastern Railway; engineer; railroad man; letters

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution – Non Commercial – No Derivatives 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

¹ The research is conducted with the financial support of Russian Foundation for Basic Research. Project No17-33-01069 "Facing the Other: the experience of cross-cultural communication in Russia and the Far East".

ВВЕДЕНИЕ

Данная статья, раскрывающая отдельный эпизод жизни российского инженера на КВЖД, обязана своим появлением исключительно случайности. Интерес автора к микроистории вырос скорее из работы в астраханском архиве¹ на протяжении 2018-2019 гг.. Так получилось, что именно архивные материалы постоянно наталкивали нас на необходимость уйти на новый методологический подход, обратившись от макроисторических процессов к конкретным людям, иногда оставившим заметный след в локальной истории, а подчас никому не известным, «забытым», и, казалось бы, не стоящим упоминания. И все же за всеми этими пожелтевшими листами, порой покрытыми многолетними слоями песка и пыли, проглядывались конкретные люди, а порой и просто фрагменты их жизни: эпизод жизни молодого астраханского аптекаря, казус татарина, выращивающего шафран в астраханском саду, дело немца, разводившего свой сад в Астрахани и мн. др..

Но какими бы интересными не были эти материалы, одна тема доминировала над всеми – развитие виноградарства и виноделия в Астраханской губернии. Она занимала все свободное время и внимание, не ограничивая себя никакими рамками, будь то хронологическими или методологическими. Работа над ней давала возможность лучше понять историю Российской империи, и осознать особенности ремесла историка.

Но в какой-то момент нам встретилось еще одно дело, которое, хотя и не вписывалось в основную тему нашего исследования, заставило нас отложить в сторону все остальные дела и заняться вплотную им.

Разбирая материалы дел в фонде Астраханских купцов Чистяковых на предмет винных складов и магазинов, мы внезапно обнаружили несколько дел Г. С. Москвитина, состоящие из писем, которые молодой инженер писал своей сестре и брату из далекой Манчжурии.

К этому моменту мы уже изучали историю колонизации Маньчжурии и готовили несколько статей на эту тему. Именно поэтому эта находка не могла оставить нас равнодушными, так как она давала возможность взглянуть на происходившее там глазами непосредственного очевидца. История КВЖД и русского Харбина давали возможность понять, как формируется гибридность в условиях колониального города, как культурное пространство Чужое

¹ Государственный архив Астраханской области (ГААО).

встраивается в новый для него культурный ландшафт, производя новые смыслы.

Источниковую базу исследования составляют письма семьи Москвитиных. Письма подобные этим образуют определенную систему, которая имеет хронологическую последовательность. Не менее важно, что спустя годы после того, как эти письма были написаны, отправлены, получены и прочитаны, они сохранились в качестве материального свидетельства жизни человека и были переданы в астраханский архив сестрой Г. С. Москвитина. Данная переписка дала возможность взглянуть на происходившее в Маньчжурии изнутри, не на основании официальных документов или общеизвестных фактов, а глазами простого русского инженера-путейца, волею судеб оказавшегося далеко от родных мест, близких.

Так работа в астраханском архиве вернула нас на основную тропинку исследования. Подобные казусы и эпизоды, раскрывающие фронтирные судьбы, играют первостепенное значение, если мы изучаем тот или иной фронт. Подход, предполагающий сочетание микроистории и фронтирной теории, мне показался очень продуктивным на сегодняшний день, так как позволил взглянуть на ряд исторических событий с двух сторон: извне – с точки зрения устоявшихся фактов и официальных источников, и изнутри – с позиции простого человека, очевидца, участника фронтирного процесса. Но самое важное касалось то, что перед нами были не отдельные факты чьей-то биографии, а развернутый подробный отчет за достаточно длительный период конкретного факта как частной жизни, так и изучаемого нами исторического события – сооружение КВЖД.

Итак, частный случай (личная переписка Г. С. Москвитина) вдруг неожиданно открыл перед нами новую страницу истории, где отражены устремления, конфликты интересов, разочарования. То, что ранее казалось фактом истории – колоссальным прорывом России на Дальний Восток, теперь зажило жизнью, в которой виделись судьбы. Так казус очевидца породил казус историка.

Исландский историк Сигурдур Г. Магнуссон поясняет в своей статье, что увеличение масштаба поля исследования, приводит к потере возможности опираться на два фундаментальных элемента ремесла историка: первоисточники и людей (Magnússon S. M., 2016, pp. 312-341). В данном случае в Астраханском архиве мы обнаружили и то, и другое. Однако, теперь эти письма ставили перед нами другую задачу: как соотносить личное и коллективное – историю КВЖД и историю конкретного человека, одного из многих, кто и создавал этот

грандиозный проект? Как за сотнями километров пути и за тоннами перевезенных грузов обнаружить того, пусть лишь одного, кто стоял невидимый за всем этим?

Целью данного исследования является попытка изучить отдельный эпизод жизни инженера, служившего на Китайской-Восточной железной дороге. Мы постараемся проанализировать особенности освоения и восприятия инженером фронтального пространства Маньчжурского края в конце XIX – начале XX вв.. Также вполне закономерно будет рассмотреть межкультурную коммуникацию русских железнодорожников и китайцев в Маньчжурии.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Микроистория была одним из аспектов культурного поворота в истории, который переориентировал внимание историков на изучение отдельных эпизодов и казусов в истории. Сильной стороной микроисторического подхода является именно то, что каждый рассматриваемый вопрос обсуждается в отношении известных фактов, и в отношении того, что не известно. Развитие микроистории изменило отношение историков к источникам личного происхождения (эго-документам), так как центральным фактором микроанализа стали рукописи, процесс их создания, исторический контекст описанных в них событий (Magnússon S. G., 2015, pp. 182–206).

Немецкий историк Ханс Медик обращает внимание на то, что исторические исследования на высших уровнях обобщения столь же существенны, как и изучение деталей. Но они страдают неполнотой, и если историк хочет восполнить пробелы «собственными представлениями и догадками», он должен исследовать и мир мелких событий. Х. Медик в своей работе подчеркивает, что даже один или несколько индивидов позволяют качественно расширить возможности исторического познания (Медик, 1994, стр. 193-202).

Французский историк Жак Ревель, описывая смысл микросоциального подхода поясняет, что в разъяснении прошлого особенно эффективным становится исследование самого первоначального опыта, опыта индивида или определенной группы, ибо этот опыт сложный и вписывается в наибольшее число различных контекстов. Микроанализ, ограничивающий поле исследования способствует выявлению новых, ценных, глубоких сведений, и в итоге способствует выявлению новой картины общества (Ревель, 1996, стр. 110-127).

Значение и место микроистории в изучении исторического процесса хорошо поясняют слова российского историка Ю. Л. Бессмертного: «микроистория оказывается одним из составных элементов нового видения прошлого. Она помогает осмыслить в высшей степени сложный облик изучаемых историком социальных структур, помогает увидеть не только то, что создает их целостность, но и то, что обуславливает неустранимую неполноту их интегрированности» (Бессмертный, 1999, стр. 10-30).

Итальянский историк Симона Черутти в процессе своего микроисторического исследования сформировала новое понимание объекта исследования, который предполагает поведение людей, действия отдельных индивидов в истории. «Действия людей не столько раскрывают объективно действующие нормы, сколько выражают некие претензии, намерения и предложения. Соответственно под таким углом зрения следует рассматривать не одни лишь мятежи и бунты, но также заключение контрактов, продажи и различные споры, которыми заполнены страницы судебных документов» (Cherutti, 2004, pp. 17-40). Поведение людей подробно прослеживается не только в судебных документах, а также в письмах, дневниках и других источниках личного происхождения, которые представляют большой интерес для историка. Личные рукописные материалы позволяют сохранять информацию о повседневных практиках человека. В изучении поведения и действий людей источники личного происхождения более объективны в изучении истории, на основании того, что они были созданы индивидами, чья жизнь была непосредственно связана с тем событием или явлением, которые мы изучаем. Во всяком случае, наше исследование будет в большей степени определяться поведением, взглядами, представлениями, эмоциями людей изучаемой эпохи.

Опубликованные ранее источники почти ничего не говорили о традиционном укладе строителей КВЖД, который проявляется в повседневности, нормах и ценностях, в человеческих поступках, проблемах железнодорожников и мн. др. К этому периоду времени ведение переписки являлось не только частью повседневной жизни дворянства, но и других сословий России. В своих письмах Г. С. Москвитин описывал множество событий на постройке дистанций КВЖД, наблюдал фронтирные процессы в Маньчжурии, пояснял социальные взаимоотношения внутри русских артелей, межкультурную коммуникацию русских и китайцев, поведение, воззрение и настроение российского общества на фронтирных пространствах. Помимо этого, эти материалы позволяют

реконструировать фрагмент истории российской культуры в конце XIX – начале XX вв. через призму эпизодов жизни одного человека. Во многих исторических источниках, относящихся к истории КВЖД часто упоминается роль императорской власти, министров, начальников КВЖД, но не встречается или кратко упоминается участие менее известных людей, которых насчитывалось тысячи на тех же самых участках железнодорожного пути.

С. Г. Магнуссон указывает, что рукописный материал – это творчество людей, которые находили радость и получали удовольствие от написания писем, дневников и других источников личного происхождения (эго-документов). Чтение и письмо были эмоциональным выходом для многих из них. Эмоции людей другой эпохи особенно заметны в дневниках и письмах. Эго-документы – это не просто части информации, а «действующие» явления. Они используются для объяснения исторического контекста конкретных условий, которые всегда зависят от мышления и идей тех, кто о них говорил (Magnússon S. G., 2016, pp. 77-94).

В свою очередь, историк Эдоардо Гренди, обосновавший в итальянской историографии понятие микроанализа, отмечает, что отдельный эпизод и казус могут служить иллюстрацией частной историографической проблемы, а также освещать культуру эпохи в целом (не только культуру какой-либо одной социальной группы) (Гренди, 1996, стр. 291-302). Такой историк, как Карло Гинзбург убедительно продемонстрировал пример истории одного мельника Меннокио из Фриули, применив свой собственный подход в исследовании социального (Гинзбург, 2000). К. Гинзбург пишет, что если сузить область своего исследования, то можно понять намного больше в истории (Ginzburg C. , 2005, pp. 665-683). Анализ узкого круга документов, связанных с одним-единственным индивидом позволяет раскрыть новые случаи в историческом процессе. Один эпизод может дополнить общее понимание истории, но также этот эпизод может изменить наше представление о том или ином историческом событии. Во всяком случае, мы присоединяемся к словам Карло Гинзбурга: «Как уже предполагал Кракауэр, невозможно автоматически перенести в макроскопическую сферу результаты, полученные в сфере микроскопической (и наоборот). Эта гетерогенность, последствия которой нам только-только начинают приоткрываться, образует одновременно и самую большую трудность, и самое большое потенциальное богатство микроистории» (Ginzburg C. , 1993, pp. 10-35).

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Восприятие нового пространства и отношение к этому пространству является важнейшим фактором, который определяет дальнейшее развитие этого пространства. На сегодняшний день изучение восприятия и освоения фронтирного пространства на уровне микроистории требует от историка особого внимания, так как позволяет лучше понять функционирование Российской империи и ее колоний в различные периоды отечественной истории.

Территория Маньчжурского края к началу XX в. начала изменяться под влиянием деятельности русских железнодорожников, которые оказались идеологическими застройщиками нового общества на территории российско-китайского фронта.

С самого начала строительства первых дистанций, КВЖД представляла из себя «зону контактов», где встречались и смешивались несколько культур.

Всякий раз, когда речь идет о Транссибирской магистрали и КВЖД, как российском проекте, мы стремимся исследовать его с позиции одного из самых масштабных экспериментов в колониальной истории Российской империи, но забываем об отдельных эпизодах и казусах, которые можно исследовать на уровне микроистории. Отечественный историк А. Ремнев писал, что «КВЖД являлась имперской скрепой, новым имперским инструментом, аналогом западной морской коммуникации между метрополией и колонией» (Ремнев, 2000, стр. 353). Историки часто сравнивают Транссибирскую магистраль с Трансконтинентальной железной дорогой в США (First Transcontinental Railroad). Оба проекта позволили сократить время и пространство передвижения между Атлантическим и Тихим океанами на обоих континентах по сухопутным маршрутам. Эти два грандиозных транспортных проекта были построены с участием большого количества китайских рабочих. Также не стоит забывать о Канадской тихоокеанской железной дороге (Canadian Pacific Railway). Немецкий историк Ф. Б. Шенк в своей работе (2016) отмечает, что Строительство железнодорожных линий приводило к уничтожению традиционного «пространства передвижения», пространства между двумя конечными пунктами (Шенк, 2016, стр. 158).

Именно КВЖД обеспечила создание российской колонии в Маньчжурии. Строительное управление КВЖД должно было окончательно учреждено во Владивостоке, но изначально с января 1897 г. оно функционировало в Петербурге и имело название «Личная

канцелярия главного инженера», которой руководил А. И. Югович¹. Первоначальной задачей являлось подобрать надежный штат работников, организовать изыскательные партии, снабдить их всем необходимым, определить способы доставки в район будущей постройки материалов и технических приспособлений, сделать крупные заграничные заказы (Нилус, 1922-2012, стр. 212). «Главный инженер Югович со своей стороны был вообще весьма разборчив в приглашении неизвестных ему ранее сотрудников. На ряду с излишней осторожностью одних, со стороны многих, более смелых, соискателей проявлялся повышенный интерес к новой постройке; среди этой последней категории был немалый процент людей, стремившихся, главным образом, к новым ощущениям и личной выгоде, зачастую при этом снабженных влиятельными рекомендациями. Главный же инженер при выборе новых сотрудников вербовал преимущественно, как свидетельствует один из старожилов, участников постройки, – “людей скромных желаний, простых по натуре, не изыскательных, но готовых на всевозможные лишения и невзгоды, с которыми неминуемо, предстояло столкнуться при работе в чужой стране и малокультурных условиях жизни”. Югович не скрывал даже своего предпочтения неженатым, ибо тяжелые жизненные условия для семейных были бы особенно ощутительны...» (Нилус, 1923, стр. 66-67).

Одним из инженеров изыскательной партии являлся Гавриил Степанович Москвитин, прибывший в Петербург 25 октября 1898 г. (д. 3, л. 3). «Про путешествие скажу, что совершили довольно благополучно и было очень интересно, да ты знаешь наверное, наши должно быть говорили тебе, я им по возможности часто писал... Скажу только, что очень доволен этими изысканиями, своим начальством. Наш начальник очень хороший человек, молодой еще человек, поскольку окончил курс на инженера, и другие хорошие, пока ладим, дай Бог чтобы это продолжалось и дальше»² (д. 3, л. 4).

Г. С. Москвитин был молодым инженером, на КВЖД являлся помощником начальника дистанции, располагал средствами к путешествию на Дальний Восток, не был женат, искал способы заработать как можно больше денег, мечтал путешествовать. Он не был богат и его профессиональный статус не давал ему особых

¹ А. И. Югович происходил из знатного сербского дворянского рода. В 1865 г. получил образование в высшем техническом отделении Лондонской Королевской академии и руководил несколькими проектами строительства железных дорог Российской империи в южном и восточном направлениях колонизации (Нилус, 1923, стр. 26-27). Он лично испытывал на себе все трудности предстоящей работы в новых условиях на Дальнем Востоке (Нилус, 1923, стр. 69).

² Во всех приведенных отрывках из писем автор не изменял орфографию Г. С. Москвитина.

полномочий. Конечно, на протяжении долгой истории русский человек страстно желал узнать Сибирь и Дальний Восток. Как и многие другие русские колонисты он отправился в Маньчжурию не только из-за любопытства к Востоку, но и главным образом для личного обогащения. Зарабатывание денег и имперские амбиции являлись главными мотивами для начала колониальных приключений русских железнодорожников в Маньчжурии. Данные устремления имели всякого рода авантюристы, солдаты, писатели, путешественники, которые осуществляли свои мечты на фронтирных территориях. Анализируя эпистолярный стиль изложения и объем используемой лексики, можно предположить, что Г. С. Москвитин закончил одну из гимназий Астраханской губернии и относился к сословию разночинцев. Дальнейшее образование получал на технических курсах в Санкт-Петербурге, как и многие другие инженеры железнодорожники: «Занятия у нас теперь хорошие, занимаемся в Правлении Общ. Владикавказских ж. д. Занятия начинаются с 10 ч. и до вечера обставлены очень хорошо. Служба, да еще после той которую я занимал в Царицыне, очень хороша. Там не знаешь и праздников, да и в общем такая дрянь... Здесь уже как красное число так и свободен. В Правлении тебя даже не гоняют особенно. Придешь посмотришь газету, поработаешь и в 12 ч. чай, да и в общем очень хорошо, не знаю как долго это протянется. Да-дабы еще много, много и наверное праздники придется пробыть в Петербурге. А в общем живется довольно скучно. Хорошо, что нас еще двое... Ты знаешь, что в большом городе и без знакомых еще хуже. Знакомые у нас только что в правлении, да и мало, пошел бы куда, да не знаешь, надо подумать, присмотреться... билетов нигде нехватишь... в оперу и балет в Мариинском театре, на другом в Александровском. Вот чудно играют, декорации и музыка один восторг! В цирке были, ну там ничего нет интересного. Скажу – только вот печально. Погода на день переменится... Про себя скажу, что я пока слава Богу чувствую себя прекрасно...» (д. 3, л. 4-5). В большинстве своих писем Г. С. Москвитин идентифицировал себя в большей степени со службой в качестве инженера, в меньшей степени с городом и семьей. Работу в Петербурге он определяет, как скучное занятие. И конечно, работа на новой территории, тем более в «Азиатской России», где нужно начинать строить железную дорогу с нуля, быть помощником начальника дистанции казалась «блестящим приключением» для многих изыскателей.

Рабочие группы инженеров формировали и обучали в Петербурге, а затем отправляли на участки КВЖД. Большинство

инженеров отправлялись в Маньчжурию через Одессу морским путем, другие через Великий Сибирский путь. Г. С. Москвитин прибыл в Одессу 2 марта 1899 г.: «Теперь-уже сидим в Одессе, куда прибыли еще вчера, начальника нашего еще нет, наверное прибывает сегодня, а 5-ого выезжаем во Владивосток на судне “Херсон” по самому большому [пути. – А. М.] добровольного флота... Гавань наполнена судами, как русскими и иностранными. Да Одесса город славный» (д. 3, л. 6).

28 ноября 1899 г. Г. С. Москвитин писал своей сестре со станции Модаши: «Скажу живем мы в Тайге занимаемся изысканиями и до сего времени, участок наш довольно интересный в техническом смысле, работой очень довольны, имеем 2 туннеля, вся линия идет в горах, и так по тракту между двумя ст. Модаши – Таймогоу...» (д. 3, л. 8). «Жизнь в тайге» полностью отличалась от той, которая господствовала в центральной России. В результате переселения колониста на фронтирную территорию трансформируется его идентичность и повседневность. Переход на неосвоенную территорию с подвижной границей приобретал символический смысл. В конце XIX в. Маньчжурия представляла из себя сплошную дикость, т.е. неосвоенную территорию (wilderness). Но именно эти фронтирные земли привлекали железнодорожников, так как позволяли начать с самого начала, построить новое общество по определенному плану. Российский этнолог, С. Н. Якушенков, изучающий фронтирные процессы в различных регионах мира, в одной из своих работ утверждает: «Новые территории и фронтирные земли представляют возможность начать с нуля, согласно определенному плану. Реализуемая утопия, пусть даже и превращаемая в антиутопию, – это попытка исправить существующее общество, пусть даже в рамках локального проекта, в то время как в рамках национальных масштабов это невозможно» (Якушенков, 2015, стр. 262). Восприятие субъектом фронтирного пространства кардинальным образом отличается от восприятия субъектами других пространств. Колонисты являлись носителями одновременно и топофильных, и топофобных настроений. В одних случаях они добивались успехов, в других нет (Якушенков, 2016, стр. 8). Маньчжурия в конце XIX – начале XX вв. была одной из таких фронтирных территорий. Для многих российских колонистов там был абсолютный «рай на земле» или «остатки рая»: «дикая природа», война, политика, высокие заработные платы, азиатские женщины, грандиозные инженерные проекты, всевозможные вольности и мн. др.

Помимо переписки с сестрой, сохранилась переписка Г. С. Москвитина с братом Георгием, где он раскрывает особенности своей работы, а также территории, на которой производили постройку дистанции. 14 ноября 1899 г. Г. С. Москвитин пишет: «Только что кончили изыскания под главный путь, приходится делать изыскания под временный путь, ввиду того, что в 1901 г. должно быть открыто сквозное движущее между Владивостоком и Петербургом, и участок к тому времени может быть отстроен... На нашем участке имеется два туннеля, один около 200 саженей, а другой около 50 саженей которые в [любом. – А. М.] случае не будут сработаны раньше 3 лет, и кроме того у нас, на нашей дистанции имеем крупные земельные работы» (д. 25, л. 1). Российскими и китайскими строителями железная дорога была построена за 5 лет (1898-1903 гг.), но ряд строительных работ был завершен после русско-японской войны (Вакіч, 1985, р. 11).

«Изыскания под временный путь <слово неразборчиво> и кончились давно Рождества, и мне приходится лазить и разыскивать везде и всюду (д. 25, л. 1). «... или вернее сказать заканчиваю я один, и в это время В. Е. собирается уезжать в Никольск и уехать вместе с председателем, который приезжал с осмотром работы из Петербурга, т.е. мой начальник заведывает всем участком, я заканчиваю линию, а закончив Главную линию мне пришел ответ, как я сказал делать изыскания под временный путь с инженером Варичевым. И теперь каждый день лазаем по горам и тайге. Все бы ничего да становится довольно холодно, так, например, сегодня 16 по термометру. В общем службой нельзя похвастаться, хотя по мне живу довольно хорошо, и скажут если работать будем так будут отказываться, но обидно то, что у нас есть несколько человек таких которые и как их держат и плотят за то, что они умеют притворяться или того хуже прямо сказать служат языком» (д. 25, л. 2), «... и я как не принимающий участие в этом, не пользуюсь их расположением, так и зовут отщепенцем и необщительным, но я на них махаю рукой, ну конечно это все за глаза, и в глазах я у всех пользуюсь таким уважением... им приходится куда-нибудь стараться и угодить и замаслить и мне кажется многим бы, хотелось что я принял бы участие в их проделках, но не приходится» (д. 25, л. 1). Отметим, что в русских артелях постоянно возникали взаимные конфликты, в отличии от китайских, где можно было встретить очень сплоченный коллектив рабочих (Нилус Е. Х., 1922-2012, стр. 78).

«В. Е. как человек очень хороший, но на деле так очень прост и слаб, таким начальником нельзя быть и все его любимцы пользуются этим извлекая все пользу сколько возможно. Это еще бы ничего, они

стараятся еще нахальничать про каждого и всякого. Есть из числа любимцев получающие по 200 руб. и числятся техниками участка, и кроме того не знают ничего по технике, а также и во всем другом, и считают своей обязанностью только прислуживать при пробуждении В. Е.» (д. 25, л. 2). Помимо инженеров на станциях КВЖД жили и работали люди из различных сословий, разных квалификаций – техники, строители, торговцы, охранники и другие разнорабочие.

Изыскания на отдельных участках проводили на горных хребтах для выявления наилучших перевалов для железной дороги: «... и теперь я работаю с Варичевым, так это потому что В. Е. просит у Волошина, что бы он отпустил меня на время к Варичеву. А писать изыскания опять перейду к Волошину, да я уверен, что он меня не пустит ни к кому, он дал меня потому что я у него знаю местность хорошо, а Варичев недавно приехал, он был в командировке на другом участке, так что нашу местность совсем не изучает. А у нас ведь горный участок и в особенности наша суровая дистанция и кроме того наша по назначению. Мы на 24 версте поднимаемся по 150 саженой. Вверх и кроме того идем по косоугору Сайгак... и кроме того вся наша дистанция идет тайгой (д. 25, л. 1 об), «...ввиду того что у нас в этом году не будет производиться работы по постройке пути, кроме изысканий и постройки зданий временного укрытия для укрытия зимой» (д. 25, л. 2). Летом в Маньчжурии большинство рабочих разбивали палаточный лагерь или строили цинопочные бараки с русскими хлебопекарными печами. К осени железнодорожники строили разных типов дома из самана, хвороста, обмазанного глиной или из двойных досок с засыпкой промежутков земли (Нилус, 1923, стр. 96-97).

Именно железнодорожники, подобно первым колонистам на фронтальных территориях, строили поселения в Маньчжурии около станций КВЖД, организовывали инфраструктуру и торговлю. Можно говорить, что железнодорожные службы оказались идеологическими застройщиками нового общества в Маньчжурии. Тем самым, техническое превосходство русского человека в Маньчжурии являлось одной из сторон западной цивилизации в конце XIX – начале XX вв., если сравнивать его с техническими возможностями китайца. И именно, техническое превосходство являлось косвенным орудием подчинения Маньчжурии Российской империей. Учитывая, что железнодорожные службы имели это техническое превосходство, им отводилась доминирующая роль в строительстве общества нового типа в Маньчжурии. В этом смысле, Маньчжурия в конце XIX –

начале XX вв. служит наглядной иллюстрацией, как русские железнодорожники в Азии становились привилегированной «кастой».

Успеху изыскательных партий мешали тяжелые условия передвижения, вследствие отсутствия грунтовых дорог, а также сильные ливни, которые составляли особенность Маньчжурии. Первоначально российские железнодорожники приезжали в поселения на станции КВЖД в поисках работы и большого заработка, рассчитывая, что смогут вернуться обратно домой. Многие оставались жить в поселениях станций КВЖД, а спустя время эти русские поселения превращались в устойчивые культурные и экономические центры в Маньчжурии (Тищенко, 1945, стр. 57). С одной стороны, для изыскателей в Маньчжурии многие возможности казались гораздо шире, чем дома, где господствовали российские законы, нравственные правила, а с другой стороны жизнь в тайге в целом казалась досадной, так как имела множество трудностей: «Да пиши как твоя служба доволен ли ты и может быть вот при случае я думаю перетащить тебя в Маньчжурию, но только скажу в Маньчжурии нужно отказаться от всего, и от удовольствий, да от всего, у нас нет и барышень и вечером не погуляешь. Скажу одно, я с удовольствием бы так на недельку в Царицын бы залетел ... И конечно не жить, а так поразвлекься немного, пошалить, живем мы в тайге как звери, и шатаемся по горам, тайге и болотам. Только и есть одно удовольствие – это верховая езда, у каждого из нас по верховой лошади и вот когда бредем в особенности несколько человек пустим и летим... Имею очень дорогую лошадь, молодая казачья¹... и я этой лошадью пользуюсь с первых дней изысканий и она ко мне привыкла... Это только и есть у меня одно увлечение, я как-нибудь ее сниму и пришлю посмотреть, хорошо идет» (д. 25, л. 3-5). Как мы видим, в развлечениях первые изыскатели были сильно ограничены. На тот момент в Маньчжурии не было увеселительных домов, кабаре, баров, ресторанов, садов и мн. др. Досуг железнодорожников ограничивался взаимными встречами, беседами, трапезами, игрой в карты и пьянством. Как мы видим, Г. С. Москвитин воспринимает пространство Маньчжурского края, как отказ от всего прежнего: прежних условий жизни, законов, удовольствий, русских женщин и мн. др. Он характеризует себя и своих коллег колонистов в неосвоенном крае, как «зверей», существующих в горах, тайге и болотах, т.е. «дикой природе». Вероятно, данная характеристика естественна, так как колонист, находящийся в условиях «дикой природы», границах нового

¹ Казачья лошадь являлась основным средством передвижения для изыскателей и охранной стражи КВЖД. (Козловский, 1969-1979, стр. 84).

пространства стремится исследовать как можно больше территорий, с целью научиться жить в «гармонии с природой» и наилучшим образом приспособиться к новым условиям жизни. Он не отказывается от технического превосходства, знаний, использования техники, но и в то же время стремится к единению с природой.

По определенным причинам Г. С. Москвитин в письме указывает, что в его жизни в Маньчжурии «нет и барышень и вечером не погуляешь». На самом деле, спутницами русских железнодорожников в Маньчжурском крае были маньчжурки и китайки, которые являлись важной частью колониального образа жизни. Публичные дома и женщины находились в Маньчжурии в больших торговых пунктах, портах и местах, где жили и работали железнодорожные служащие и рабочие (Россов, 1901, стр. 101). Секс был такой же важной составляющей повседневной жизни, как перерыв на обеды, карточная игра и пьянство. Разумеется, что было намного лучше проводить время после работы с девушкой с гладкой смуглой кожей, чем сидеть в палаточном лагере и писать письма домой или играть в карты с коллегами. Помимо этого, в среде русских железнодорожников находились женщины, которые отвечали за стирку одежды, готовку еды, могли приготовить русским колонистам «острую курочку по-маньчжурски», «свинину с овощами», «маньчжурские куриные шарики» и мн. др. блюда, адаптированные под русские алиментарные предпочтения.

Активную межкультурную коммуникацию в Маньчжурии русские вели с китайцами, с которыми работали и вели торговлю. Торговля создавалась на собственные средства железнодорожников, первыми торговцами на станциях КВЖД были китайцы и русские (Таиров, 1972, стр. 21). В письме от 19 марта 1900 г. Г. С. Москвитин пишет о взаимоотношениях с коллегами, поездке во Владивосток и торговле с китайцами: «Живется так-себе, а почему? Все наше семейство служащих разбилось на кружки по 2-3 семейства... не знаешь к кому приставать, пойдешь к одним или стал чаще бывать у одних дуются другие... (д. 3, л. 11) Последнее время не бываю не у кого, и все-таки дуются, да ну их на Л...», «в отпуск уехали 5 февраля и как раз перед Масленицей приехали во Владивосток и прожили там Масленицу и первую неделю поста... Во Владивостоке провели время весело, как сказал выше ежедневно бывали в театре, театр новенький, играли очень недурно, оперетка, артисты из России...», «У нас в Модашах н-б лавок, и продают, что всем угодно и мясо и хлеб и все необходимые припасы для обихода, имеются и конфеты и печенья, а на счет напитков что угодно, да жаль – что я не пью. Яйца и дичь

покупаем у китайцев. Китайцы почти не употребляют мяса. Говорят, мясо падших животных и без разбору все у них законами воспрещено убивать животных для своего пропитания. Вот нуждаемся в молоке. Китайцы не пользуются молоком животных и у них коровы так-усе ходят как и быки. Вот почему трудно иметь молоко. Чтобы иметь молоко нужно иметь русскую корову. Теперь кое-кто из служащих хотят заводить коров, тогда будем иметь и молоко. Служба идет не хорошо и не тихо хвастаться нечем» (д. 3, л. 12).

Не случайно русские старались изменить сельское хозяйство Маньчжурского края. Молочного хозяйства до появления русских железнодорожников в Маньчжурии не существовало (Тищенко, 1945, стр. 58-59). Данный случай, служит подтверждением косвенного подчинения колониальной территории, посредством создания собственных хозяйств, для удовлетворения собственных алиментарных предпочтений.

Инженеры продолжали получать образование в Маньчжурии, где при ст. Гродеково были организованы курсы: «До отпуска работал в поле, а теперь занимаюсь картами, чему очень рад. Занятия с 9 утра до 1 ч. дня и с 4 дня до 7 ч. вечера так что теперь имею свободное время и написать письма и что делаю с охотой и думаю, что скоро выгонят служить в поле» (д. 3, л. 12). Конечно, это не являлось высшей системой образования, но обеспечивало КВЖД на новой территории квалифицированными кадрами. «Тормозило дело и малокультурность и техническая неопытность населения, и отсутствие вполне точных географических и топографических данных; много было и других препятствий и трений, вытекавших главным образом из природных и бытовых особенностей этого еще не тронутого цивилизацией края», – писал российский историк и юрист Правления КВЖД Е. Х. Нилус, который также, как и многие инженеры, работал на дистанциях КВЖД и первый написал историю постройки КВЖД, опираясь на личные наблюдения (Нилус, 1923, стр. 34).

Письменная коммуникация была одним из каналов, по которым эмоции, восприятия, устремления, воспоминания людей проникали в Европейскую Россию и другие страны Европы из колониальной Маньчжурии. Обмен письмами помогал поддерживать связь между человеком и местом. Получая письма, родственники и друзья Москвитина наблюдали с расстояния за его жизнью. В период подобный этому уехать из Астраханской губернии в «Азиатскую Россию», и тем более в Маньчжурию было сравнимо с тем, что отправиться из Старого в Новый Свет. «С трудом удалось наладить почтовую связь с ближайшей почтовой станцией в Нерчинском

заводе, откуда стали получать теплые вещи, чай, сахар. – писал Е. Х. Нилус. – Почта эта приходила два раза в месяц, причем обязанности почтальона взялся выполнять за особую плату один забайкальский казак» (Нилус, 1923, стр. 74).

Хотелось бы отметить одно из писем, написанное братом Москвитина Георгием, в котором отмечается письменная коммуникация с семьей: «Дорогая сестра Таичка. Прости что так долго не писал, я ждал письма Гаврюши, но до сего времени его не получил, хотя имел от него несколько телеграмм и по большей части к дому не относящихся, думаю что в скором времени получу письмо» (д. 4, л. 4). «Гаврюша прислал ответ на мои депеши недели через две, они ему были переданы с опозданием» (д. 4, л. 7). «Не знаю чем объяснить, Гаврюша мне не пишет кроме телеграмм, я получил за прошлый год не более одного письма, на этих днях Олечка получила от него письмо чуть целую десть бумаги, в котором он пишет что мне собирается написать...» (д. 4, л. 11 об.).

Связь со своей семьей и российской метрополией, оставались значимыми для Г. С. Москвитина. Письма домой и из дома структурировали всю его жизнь в Маньчжурии и помогали сохранить связь с прежней территорией. Большое значение, имели фотографии и почтовые карточки, которые вкладывались в конверты: «Есть просьба Георгий вышли мне карточки всех, конечно с кого можно, в общем с всех кто хочет дать, мне очень дорого, у меня даже твоей нет...» (д. 25, л. 6).

1 марта 1901 г. Г. С. Москвитин писал своей сестре об ухудшении своего здоровья и планируемой поездке в Японию: «Скажу, что мои дела не особенно хороши, а особенно здоровье, частенько начинаю болеть и думаю при случае поехать в Японию полечиться, там в первой стадии не дорого, да и воды хорошие, а то грудь начинает серьезно пугать. Ты знаешь, что у меня раньше было два плеврита... я прошлый год работал при 28°С мороза простудился болел, да и оставлен на поправку на год то усе по болезни груди, я и раньше думал поехать в Японию... Жалования не прибавляют, а на сто рублей далеко не уедешь, да раньше надеясь на будущее играл в карты довольно не счастливо, прости Таичка я привык писать откровенно, ну а теперь усе в карты не играю, но и научиться еще не успел» (д. 3, л. 13-14).

В том же письме он рассказывал сестре о трудностях на работе и конфликтах между начальством КВЖД: «Воробьев не поладил с

начальником Отделения инженера Свягина¹, ушел, уехал в Россию, оставил невыполненные обязанности на Волошина, не самостоятельно, а в зависимости от Свягина, а Свягин на Воробьева зубы грызет, как говорится, ну наше дело и дрянь... да и наши инженеры начальники дистанций любят только чтобы работали, а прибавить говорят не имеют права, два года проработали и за гроши... мы-узе все-таки начальство – помощники начальников дистанций, ты выходи и к тебе люди» (д. 3. л. 16).

Конечно, более важным на тот момент для Г. С. Москвитина являлось путешествие в Японию: «... мне право хотелось бы побывать в Японии пока не поздно... А я думаю в апреле поехать. Только бы поправиться и избавиться от солдатчины, а то живо поправят обстоятельства. В этом краю в нас нуждаются. Да скажу откровенно, что я не могу воровать и поэтому не имею ничего, а коли бы захотел были бы и деньги, но лучше не будет денег, но никто не скажет [что. – А. М.] вор... Кончим постройку в Маньчжурии, поедем Амурскую строить, или в Персию... ведь мы строители здесь кончили поехали в другое место». (д. 3, л. 15 об.-17). Многие железнодорожники оставались на КВЖД и в Харбине, а другие старались изменить место работы в силу различных обстоятельств. В период работы на КВЖД Г. С. Москвитин подлежал всеобщей воинской повинности (Полное собрание законов Российской империи. Указ о воинской повинности, Высочайше утвержденный 1(13) января 1874 г.) и его задачей было, как он указывает, «избавиться от солдатчины»²: «... да все это меня заставляет солдатчина ведь если возьмут меня в солдаты, какой-узе я помощник Георгию, не правда ли Таичка...» (д. 3. л. 21). В это время в Маньчжурии существовала потребность в военных кадрах, из которых формировали профессиональную группу военных железнодорожников – «Охранную стражу КВЖД», для предотвращения конфликтов с Китаем, подавления восстания ихэтуаней и защиты территории КВЖД (Рудаков, 2010, стр. 20-21). В Маньчжурии Российское правительство формировало дружины государственного ополчения из людей годных к нестроевой службе (Вишняков, 2006, стр. 23).

Как можно заметить, железнодорожники «пробивали» себе путь в Маньчжурию не легко. Учитывая различные вариации участков

¹ Н. С. Свягин являлся руководителем первой экспедиции по Маньчжурии в 1895 г., а также один из главных участников постройки Уссурийской железной дороги. Именно он был приглашен на должность начальника технического отдела строительного управления КВЖД (Нилус Е. Х., 1922-2012, стр. 212).

² Слово «Солдатчина» Г. С. Москвитин использует, как обозначение всеобщей воинской повинности.

КВЖД перед строителями возникали схожие задачи и потребности, для преодоления которых требовались хорошая квалификация, практические навыки, личное мужество, инициатива и изобретательность. Не последнюю роль играло и то, что для русских изыскателей работа в Маньчжурии на КВЖД являлась частью колониального продвижения Российской империи, т.е. частью общих «триумфальных свершений» и тем самым ощущения своих возможностей. Первым инженерам приходилось начинать дело со съемок местности по маршрутным поездкам, а также определять различные пункты местности астрономическим путем. Изыскания проводились в основном осенью и продолжались всю зиму, которую инженерам приходилось проводить под открытым небом при сильнейших ветрах и морозах. В Маньчжурии Г. С. Москвитину приходилось преодолевать бесчисленные трудности, связанные, прежде всего, с климатическими условиями и проблемами со здоровьем. В письме от 3 июля 1901 г. он указывает: «Вот я перешел на мост и на 150 руб. в месяц... Вот я писал, как попал на Модацзянь, скажу работа интересная право, да еще отчасти и побаиваюсь несколько. Ведь я приглашен почти на самую серьезную работу; это разбивка моста, наврал чуть и дело дрянь, это ведь не землю ковырять при 10-11°C... Да кроме этого еще глаза не особенно хорошо видят, да и в очках приходится работать инструментами геодезическими. Не знаю оправдаю ли себя и здесь, а про меня понеслась уже молва: аккуратный, осторожный, точные работы и в общем работник, и скажу что я всегда найду дело особенно в Маньчжурии, да вот путь кабы не спасовать, да не знаю еще как буду лазать на высоты, где давление воздуха несколько атмосферное... Работы довольно много встаю в 5 ч. утром, начинаются работы до 12 ч. потом полтора часа обед, а потом до вечера а вечером прибудешь поужинаешь да опять на мост день начался, и сегодня работали, разбиваем до ночи, устали...» (д. 3, л. 18). «В России на такой мост сочтет за счастье хороший, опытный инженер попасть» (д. 3, л. 27).

Скорее всего, изыскатели скучали по условиям прежней жизни, уютным квартирам, увеселительным заведениям гораздо больше, чем по скучной работе на прежних местах у себя дома, где господствовали в этом отношении ограничения и скука. Многие изыскатели и рабочие мечтали попасть в Маньчжурию на строительные работы КВЖД, где могли освободиться от «пут скучной жизни» в России, с радостью отказаться от прежних законов и начать новую жизнь, стать частью новой природы и территории, т.е. начать жизнь с нуля.

«Вот что бог даст на будущие годы, если [отстранюсь. – А. М.] от солдатчины, боюсь и страшно боюсь, вот если возьмут еще три года не придется уезжать домой, а соскучился право, так бы и удрал без оглядки, и все-таки не покидают мысли поехать в Японию, хочу здоровым приехать домой...» (д. 3, л. 18). Отметим, что дисциплинарные методы российской армии, муштра тела, обязательная служба российской власти в качестве солдата – «солдатчина» на колониальной территории не только давали возможности людям из беднейших сословий, но и ограничивали и затрудняли жизнь другим, являлись политическим контролем над личностью.

Общественная жизнь в Маньчжурии в конце XIX – начале XX вв. отличалась от той, которая господствовала в России. В этот период российское правительство только пыталась установить дисциплинарную власть на колонизируемой территории. Правящей группой в данных условиях являлись начальники железнодорожных дистанций. В длинном письме из Владивостока 5 декабря 1901 г., написанном уже после увольнения с КВЖД Г. С. Москвитин сообщает: «Желаю дорогая Таичка с твоими птенчиками доброго здоровья и счастливых дел. Об освобождении навсегда от солдатчины, ты уже знаешь, и так-узе, что 1 октября я не служу... Нас турнул с моста, да все-таки турнули в число которых попал и я, со всеми за компанию и кроме того всем уволенным закрыт доступ в поступлении на службу на Восточное отделение, т.е. от самого Никольска до Харбина, но не думай что и мне... остаться при желании я мог, но самому было очень неудобно... Свягин знал, что успокоится только когда не останется Воробьевского духа, но не думай что Свягин действует напролом, нет... все эти недоразумения между начальствующими вредно сказываются и на службе служащих, каким образом? Вот скажу, люди стоящие во главе дела не заинтересованы им, а заинтересованы только спорами, а служащие в это время то усе работают так как им вздумается, а главное усе не упускают великого случая полежать... Это времяпровождение на многих положило отпечаток свой, и на людей молодых способных. Да и я писал то усе и про себя, что хотя я и не пью, но проигрался в карты, но благодарю Бога, что как сказать вовремя остановился и счастлив... И ты таки-узе права Таичка, что следует все испытать, но конечно подобного не следовало, но пойми жизнь в Маньчжурии была особенной, но теперь усе этого не будет. Маньчжурия сокращает штаты, уменьшает оклады, и кроме того произвольной траты и без отчету нет, заводятся российские порядки, да и кроме того людей желающих служить такая

пропасть, что многие подумывают остаться без всякого дела, да условия жизни на востоке изменились. Вот теперь я живу во Владивостоке и не вижу уже маньчжуров¹ бросающих деньги направо и налево, времена изменчивы...» (д. 3, л. 25-26). Как правило, в 1910-е гг. утопические идеи об идеальной Маньчжурии так и оставались идеями, а практическая жизнь трансформировала эти идеи в противоположные. «Дикая природа» и неприспособленность к новым условиям разрушала мечту первых колонистов об идеальном обществе.

Как мы видим, главными трудностями для Москвитина были «солдатчина», состояние здоровья и конфликты внутри коллектива железнодорожников: «И если бы не эта солдатчина, а главное здоровье я бы только перешел с дистанции на дистанцию и даже на старую где был и раньше... и кроме того, я решил по возможности служить у старых инженеров а у молодых мне очень не выгодно. Старый инженер, хотя бы весь век проработал и всегда ведет своего подчиненного... а молодой, до кроме того маньчжурский с которыми никогда и никто не справится, и сидели они занимали место, играли в карты... а такие техники мальчики в познаниях как я, работали за них...» (д. 3, л. 27).

В продолжение письма Москвитин рассказывает о переезде во Владивосток и новых условиях жизни: «Увольняясь у меня было около 900 руб. и теперь поселившись во Владивостоке осталось около 500 руб. Поместился я в гостинице... два самовара 55 руб. сравнительно очень недорого, чай, сахар-булки, молоко, а молоко мне необходимо, а бутылка стоит 30 к. Говорят за 40 руб. можно иметь комнату со столиком... во Владивостоке иметь сухонькую квартиру очень трудно, и кроме того Владивосток не Царицын...» (д. 3, л. 30-31). «Да мне кажется теперь предложат лечь в больницу, я бы согласился кажется умереть... По словам доктора, мне полечиться месяца 2-3 и скажу откровенно [на. – А. М.] месяца 2 у меня хватит средств и дальше ей Богу не знаю голубчик. Эти плевриты, головные боли, насморки с чем вот приходится бороться. А весной не знаю во Владивостоке туманы, если до весны не поправлюсь... придется поехать на месяц в Нагасаки, как видно из слов доктора» (д. 3, л. 32-33).

¹ Слово «маньчжур» или «маньчжурец» стало приобретать среди служащих значение недобросовестного и аморального человека, заинтересованного только в личной выгоде и прибыли (Bakich, 1985, pp. 10-11).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, данный микроисторический анализ показывает, что Г. С. Москвитин являлся представителем традиционного уклада железнодорожников. На протяжении этого времени первые изыскатели жили в палаточных лагерях, цинопочных бараках, в домах из самана, проектировали участки КВЖД, торговали, работали и конкурировали вместе с китайцами, собирались в палаточных лагерях в «дикой» Маньчжурской тайге, чтобы вместе выпить, поболтать, «перекинуться в картишки». Они справляли свои праздники, путешествовали, писали письма домой и получали письма из дома, переходили с участка на участок. Они являлись носителями передового характера железнодорожной отрасли, которая в XIX – начале XX в. отражала современность, и были субъектами новых идей об идеальном обществе на фронтирной территории. Покидая Европейскую Россию, русские железнодорожники смотрели с надеждой на новую жизнь. Большинство из них мечтали об успешной жизни на колониальной территории, которая предполагала большие заработки, свободу, комфорт и мн. др.. В конечном счете реальная жизнь в Маньчжурии и неприспособленность к новым условиям заставили изменить свои планы, взгляды и мечты на идеальное общество. Не случайно, что такой фронтирный город, как Харбин был построен согласно идеям нескольких поколений русских железнодорожников и участием китайских рабочих. Именно первоначальные идеи русских железнодорожников, а также дальнейшие трудности, опасности маньчжурской тайги, с которыми им пришлось столкнуться, способствовали созданию модели идеального городского пространства, где сочетались современность, безопасность, комфорт, досуг и природная среда.

Г. С. Москвитин отправился в Маньчжурию мечтая о новой жизни, к которой не был готов, как и многие другие. Постепенно тяжелые условия труда, климат, состояние здоровья заставляли его изменить свое отношение к новому пространству и жизни на новой территории. Но его внутренний настрой отражал веру в успех и стремление к постоянному движению вперед к новым рубежам. Он рассматривал свою дальнейшую жизнь и будущее развитие колониальной Маньчжурии с позитивной стороны. Оказавшись по своей воле в Маньчжурии, он продолжал нести бремя службы, тосковал по «родным просторам» и близким, но не прежней работе в Царицыне. Освобождение от бремени военной и гражданской службы на КВЖД открыли перед ним новые горизонты. Это освобождение от службы являлось для него свободой: «Да Таичка не дай Бог как

говориться: лихому татарину все испытать... но все-таки теперь я свободный...» (д. 3, л. 29). Он стремился к городской жизни, но служба и недостаток денежных средств не позволяли ему поселиться в городе и найти там работу. Он частично описывает пространства Санкт-Петербурга, Одессы, Владивостока и Царицына уделяя внимание досуговым заведениям, жилью и природной среде. Город и маньчжурская тайга являются важными топосами в его жизни.

В конечном итоге, письма Г. С. Москвитина, написанные в период 1898 – 1901 гг., отправленные когда-то в качестве источников в астраханский архив, остаются ценным свидетельством процесса освоения и восприятия нового пространства, установлением новых правил и формирования нового уклада жизни в Маньчжурии. Помимо того, что письма обеспечивали прямую коммуникацию Российской империи с Маньчжурией, сообщали о жизни на новой неосвоенной территории, они также свидетельствуют о условиях жизни отдельного человека и его семьи в метрополии и колонии, работах на КВЖД, различных условиях Маньчжурии, межкультурной коммуникации между русскими и китайцами, российско-китайских фронтальных процессах, традиционном укладе железнодорожников и мн. др.

Список литературы

- Bakich, O. (1985). Origins of the Russian Community on the Chinese Eastern Railway. *Canadian Slavonic Papers*, 1 (27), 1-14.
- Cherutti, S. (2004). Microhistory: Social Relations versus Cultural Models. *Between Sociology and History. Essays on Microhistory, Collective Action, and Nation-Building*, 17-40.
- Ginzburg, C. (1993). Microhistory: Two or Three Things That I Know about It. *Critical Inquiry*, 1(20), 10-35.
- Ginzburg, K. (2005). Latitude, Slaves, and the Bible: An Experiment in Microhistory. *Critical Inquiry*, 3(31), 665-683.
- Magnússon, S. G. (2015). Views into the Fragments: An Approach from a Microhistorical Perspective. *International Journal of Historical Archaeology*, (20), 182–206.
- Magnússon, S. G. (2016). Tales of the unexpected: The "textual environment", ego-documents and a nineteenth-century icelandic love story – an approach in microhistory. *Cultural and Social History*, 12(1), 77-94.
- Magnússon, S. M. (2016). Far-reaching microhistory: the use of microhistorical perspective in a globalized world. *Rethinking History. The Journal of Theory and Practice*, 21(30), 312-341.
-

- Бессмертный, Ю. Л. (1999). Коллизия микро и макроподходов и французская историография 90-х годов. *Историк в поиске. Микро- и макроподходы в изучении прошлого. Доклады и выступления на конференции 5-6 октября 1998 г.*, 10-30.
- Вишняков, О. (2006). *Автореферат. Деятельность охранной стражи КВЖД и Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи по защите государственных интересов России на Дальнем Востоке (1897-1918 гг.)*. Комсомольск-на-Амуре. Государственный архив Астраханской области (ГААО). Фонд 1096. Опись 1.
- Гинзбург, К. (2000). *Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в.* Москва: РОССПЭН.
- Гренди, Э. (1996). Еще раз о микроистории. *Казус. Индивидуальное и уникальное в истории*, 291-302.
- Козловский, Б. (1969). Охранная стража. *Политехник. Юбилейный сборник*, (10), 83-85.
- Медик, Х. (1994). Микроистория. *THESIS* (№4), 193-202.
- Нилус, Е. Х. (1969). Изыскания КВЖД 1896-1923. *Политехник*, (17), 212-221.
- Нилус, Е. Х. (1924). *Исторический обзор сооружений Китайской Восточной железной дороги. 1896-1923* (Т. I). Харбин: Типография КВЖД и Т-ва "Озо".
- Полное собрание законов Российской империи. Указ о воинской повинности, Высочайше утвержденный 1(13) января 1874 г. (1874)*. Retrieved from: <http://doc.histrf.ru/19/ustav-o-voinskoj-povinnosti-vysochayshe-utverzhdennyy-1-13-yanvaryu-1874-g/>.
- Ревель, Ж. (1996). Микроисторический анализ и конструирование социального. *Одиссей. Человек в истории*, 110-127.
- Ремнев, А. В. (2000). Региональные параметры имперской "географии власти" (Сибирь и Дальний Восток). *Ab Imperio*, (3-4), 343-358.
- Россов, П. (1901). Русский Китай. Очерки занятия Квантуна и быта туземного населения. Порт-Артур: Новый край.
- Рудаков, И. С. (2010). *Автореферат. Становление Приамурского военного округа и его роль в укреплении обороноспособности Дальнего Востока России (1884-1917 гг.)*. Хабаровск.
- Таиров, М. (1972). Кто и как строил Харбин? (4), 109-118.
- Тищенко, П. (1945). Русские в сельском хозяйстве Северной Маньчжурии. *Восточное обозрение*, (21-22), стр. 56-71.
- Шенк, Ф. Б. (2016). *Поезд в современность. Мобильность и социальное пространство России в век железных дорог*. Москва: Новое литературное обозрение.

- Якушенко, С. Н. (2015). Топофилия vs топофобия как когнитивные парадигмы фронтального пространства. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 3 (44), 261-266.
- Якушенко, С. Н. (2016). На границе тучи ходят хмуро, край суровый тишиной объят. *Журнал фронтальных исследований*, (4), 7-32.

References

- Bakich, O. (1985). Origins of the Russian Community on the Chinese Eastern Railway. *Canadian Slavonic Papers*, 1 (27), 1-14.
- Cherutti, S. (2004). Microhistory: Social Relations versus Cultural Models. *Between Sociology and History. Essays on Microhistory, Collective Action, and Nation-Building*, 17-40.
- Ginzburg, C. (1993). Microhistory: Two or Three Things That I Know about It. *Critical Inquiry*, 1(20), 10-35.
- Ginzburg, C. (2005). Latitude, Slaves, and the Bible: An Experiment in Microhistory. *Critical Inquiry*, 3(31), 665-683.
- Magnússon, S. G. (2015). Views into the Fragments: An Approach from a Microhistorical Perspective. *International Journal of Historical Archaeology*, (20), 182–206.
- Magnússon, S. G. (2016). Tales of the unexpected: The "textual environment", ego-documents and a nineteenth-century icelandic love story – an approach in microhistory. *Cultural and Social History*, 12(1), 77-94.
- Magnússon, S. M. (2016). Far-reaching microhistory: the use of microhistorical perspective in a globalized world. *Rethinking History. The Journal of Theory and Practice*, 21(30), 312-341.
- Bessmertnyj, Yu. L. (1999). Collision of micro and macro approaches and French historiography of the 90s. *Historian in search. Micro- and macro approaches in the study of the past. Reports and speeches at the conference on October 5-6, 1998*, 10-30.
- Chernyakov, O. (2006). *Synopsis of a thesis. Activity of Chinese Eastern Railway and Zhamursky district security guards of separate corps of border guards on protection of state interests of Russia in the Far East (1897-1918)*. Komsomolsk-on-Amur. *State Archives of the Astrakhan region*. Found 1096. Inventory 1.
- Ginzburg, C. (2000). *The Cheese and the Worms*. Moscow: ROSSPEN.
- Grandi, E. (1996). Once again about microhistory. *Case. Individual and unique in history*, 291-302.
- Kozlovsky, B. (1969). Protection guards. *Polytechnician. Anniversary collection*, (10), 83-85.

- Medic, H. (1994). Microhistory. *THESIS*, (4), 193-202.
- Nilus, E. H. (1969). Investigations of Chinese Eastern Railway 1896-1923. *Polytechnic*, (17), 212-221.
- Nilus, E. H. (1924). Historical review of Chinese Eastern Railway structures. 1896-1923 (VOL. I). Harbin: Printing house of CEL and T-wa "Ozo".
- Full collection of laws of the Russian Empire. Decree on military conscription, approved by the Highest Decree on January, 1 (13), 1874. (1874). Retrieved from: <http://doc.histrf.ru/19/ustav-o-voinskoy-povinnosti-vysochayshe-utverzhdennyy-1-13-yanvary-1874-g/>.
- Revelle, J. (1996). Microhistorical analysis and construction of the social. *Odysseus. Man in history*, 110-127.
- Rossov, P. (1901). Russian China. Essays of Kwantung Leased Territory and life of the native population. Port Arthur: New edge.
- Rudakov, I. S. (2010). *Synopsis of a thesis. Formation of the Amur Military District and its role in strengthening the defense capabilities of the Russian Far East (1884-1917)*. Khabarovsk.
- Tairov, M. (1972). Who built Harbin and how?. *Polytechnic*, (4), 109-118.
- Tishenko, P. (1945). Russians in Agriculture of Northern Manchuria. *Eastern Overview*, (21-22), pp. 56-71.
- Shenk, F.B. (2016). *Train to modernity. Mobility and social space of Russia in the railway age*. Moscow: NLO.
- Yakushenkov S. N. (2015). Topophilia vs topophobia as a cognitive paradigms of frontier space. *The Caspian region: politics economy culture*, 3 (44), 261-266.
- Yakushenkov, S.N. (2016). Gloomy clouds cover the border – the stern land is enveloped in silence. *Journal of Frontier Studies*, (4), 7-32.

РОССИЯ КОНЦА XIX В. В ПУТЕВЫХ ЗАМЕТКАХ ОЛИМПИИ ОДУАР

Ильина Лариса Евгеньевна (а)

(а) ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет». 460018, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, просп. Победы, д. 13. Email: nerol2620[at]mail.ru

Аннотация

В статье представлен перевод главы из путевых заметок французской путешественницы Олимпии Одуар (Olympe Audouard (1832-1890)) «Путешествие в стану бояр. Очерки о России наших дней (Voyage au pays des boyards. Étude sur la Russie actuelle)», которая была в России дважды: в 1864 и в 1876 годах. Произведение О. Одуар, вышедшее в Париже в 1881 году, было рассчитано на широкий круг читателей – современников путешественницы, и в занимательной форме знакомило французов с их новой союзницей – с 1882 года велись переговоры о военном союзе между Россией и Францией, объединившимися в 1894 для противостояния Антанте. В представленной главе описывается полиция, тюрьмы и крепости России. Перевод выполнен Л.Е. Ильиной.

Ключевые слова

Олимпия Одуар; Путешествие в стану бояр. Очерки о России наших дней; Россия; XIX век; путевые заметки Россия в зарубежной литературе XIX века

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution – Non Commercial – No Derivatives»](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

RUSSIA OF THE LATE XIX CENTURY IN THE TRAVEL NOTES OF OLYMPE AUDOUARD

Larisa Evgenievna Ilyina (a)

(a) Orenburg State University, 13 Pobedy av., Orenburg, Russia 460018. Email: nerol2620[at]mail.ru

Abstract

The article presents a translation of the Chapter from the travel notes of the French traveler Olympe Audouard (Olympe Audouard (1832-1890)) "Journey to the country of the boyars. Essays on Russia of our days (Voyage au pays des boyards. Étude sur la Russie actuelle)", who was in Russia twice: in 1864 and in 1876. The work of Audouard, published in Paris in 1881, was intended for a wide range of readers-contemporaries of the traveler, and in an entertaining form introduced the French to their new ally - since 1882, negotiations were conducted on a military alliance between Russia and France, united in 1894 to oppose the Entente. The present Chapter describes the police, prisons and fortresses of Russia. The translation was made by L. E. Ilyina.

Keywords

Olympe Audouard; "Journey to the country of the boyars. Essays on Russia of our days (Voyage au pays des boyards. Étude sur la Russie actuelle)"; Russia; XIX century; travel notes; Russia in foreign literature of the XIX century

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution – Non Commercial – No Derivatives 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Путевые заметки (путевой очерк) – широко распространенная форма сбора, оформления и предъявления информации, используемая в литературной и публицистической практике. Основой для путевых заметок является реальное или воображаемое путешествие автора. Путевые заметки обычно включают в себя повествования о дорожных происшествиях, впечатлениях и наблюдениях. До середины XIX века форма путевых заметок активно использовалась в научных произведениях, в приключенческой и научно-фантастической литературе.

Путевые заметки как жанр художественной литературы строятся на основе описания реального или мнимого перемещения в реальном или вымышленном пространстве путешествующего героя, который описывает малоизвестные или неизвестные отечественные, иностранные реалии и явления, собственные мысли, чувства и впечатления, возникшие в процессе путешествия, а также повествует о событиях, происходивших в ходе путешествия» (В. Михайлов).

Перевод произведений этого жанра отличается сложностью выбора способов передачи исходной информации, которые обеспечат переводному тексту адекватное исходному воздействие на получателя информации. Главным объектом при таком способе перевода оказывается не столько языковой состав исходного текста, сколько его содержание и эмоционально-эстетическое значение.

Читатель XXI должен вспомнить, что в конце XIX века Франция, потерпев поражение в франко-прусской войне 1870 года, оказывается перед лицом реального уничтожения. Единственным шансом, способным спасти Францию, становится её союз с Россией. Потребовалось создание позитивного образа России во Франции того времени. Франция не знала своего нового союзника. Воспоминания о разгроме армии Наполеона в снегах под Москвой, невероятные слухи и анекдоты складывались в искаженную картину о России. Поэтому путевые заметки французской аристократки Олимпии Одуар (Olympe Audouard (1832-1890)) «Путешествие в стану бояр. Очерки о России наших дней (Voyage au pays des boyards. Étude sur la Russie actuelle)», увидевшие свет в Париже в издательстве Dentu в 1881 году, явились своеобразным руководством, содержащим сведения по истории, литературе, политической ситуации в России конца XIX века. В целом эта книга – исторический труд, содержащий, с одной стороны, достаточно резкие выпады в адрес российского государственного управления, полиции, религии, но, с другой, – живописные описания

белых ночей Петербурга, снежной русской зимы, церковного пения и охоты на волков.

Олимпия Одуар, урожденная де Жуваль (de Jouval) - одна из самых ярких представительниц движения феминисток во Франции второй половины XIX века. В возрасте 20 лет она вышла замуж за известного нотариуса города Марселя Анри Одуара (Henri-Alexis Audouard), но после нескольких месяцев брака она потребовала развод. В 1855 году, после официального завершения бракоразводного процесса, Олимпия Одуар отправилась в долгое путешествие по Египту, Сирии, Палестине, Турции. Оттуда она отправилась в Россию, и возвратилась во Францию через Германию и Польшу. В России Олимпия Одуар была дважды: в 1864 и в 1876 годах.

В книге «Путешествие в стану бояр...» прослеживаются передовые взгляды автора, ее осведомленность в вопросах политики и юриспруденции.

Перевод снабжен краткими постраничными комментариями, составление которых определялось характером текста оригинала и содержанием. Французский текст повествует о российской действительности конца XIX века, поэтому в его переводе русскоязычные читатели не должны встретить затруднений, связанных с пониманием информации, заложенной в тексте. Комментарии приводятся в тех случаях, когда современный читатель может не в полной мере обладать культурно-историческими знаниями об описываемых предметах и явлениях. Возможно, некоторые комментарии читатели сочтут излишними, но для уточнения отдельных фактов, переводчику потребовалось изучить много дополнительной информации.

Произведение Олимпии Одуар «Путешествие в стану бояр. Очерки о России наших дней» на языке оригинала находится в свободном доступе на сайте Национальной библиотеки Франции Gallica, bibliothèque numérique de la Bibliothèque nationale de France (<https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k371339x.image>) (скан-копия), и на сайте Библиотеки русской и славянской литературы LA BIBLIOTHÈQUE RUSSE ET SLAVE (документ в формате PDF) https://bibliotheque-russe-et-slave.com/Livres/Audouard_-_Voyage_au_pays_des_Boyards.pdf

ГЛАВА VI РУССКАЯ ПОЛИЦИЯ, ТЮРЬМЫ И КРЕПОСТИ

Русская полиция – это огромная организация. Она подразделяется на два обособленных и независимых друг от друга отдела: видимая и невидимая полиции.

Видимая полиция должна поддерживать порядок, заставляя идти в ногу семьдесят пять миллионов школьников, которые обязаны повиноваться единственному желанию – желанию самодержца. Это муниципальная полиция.

Миссия невидимой полиции заключается в тщательном изучении мыслей царских подданных, предсказании их намерений, выслушивании их разговоров и склонении их к признаниям. Этой полицией руководит большой начальник, который находится в Петербурге, и она образует Третье отделение Министерства внутренних дел, поэтому русские обычно называют невидимую (тайную) полицию третьим отделением и её главу называют начальником третьего отделения. На этот высокий пост назначают влиятельного человека хорошо известного своими заслугами, имеющего звание генерала.

Начальник третьего отделения имеет неограниченную власть, это что-то вроде земного и ужасного бога. Он распоряжается жизнью, свободой и состоянием всех русских, как последнего из мужиков, так и первого среди знатных вельмож. Он не должен отчитываться ни перед кем за свои действия, его решения держатся в тайне. Когда по его приказу человека бросают в тюрьму, семья несчастного человека не имеет права сказать: «Докажите его преступление!» Все члены семьи, если они не хотят разделить его участь, должны молчать. Также у русских есть разумная, но жестокая привычка: как только человек исчез в неизмеримых глубинах крепости, о нём полностью забывают, вплоть до его имени. Они пьют, танцуют, развлекаются даже немного больше чем до его ареста, чтобы действительно доказать третьему отделению, что человек, впавший в немилость, для них – мёртвый, и о нём не сожалеют.

Начальник видимой полиции заключает в тюрьму воров, убийц и отъявленных революционеров. Начальник третьего отделения тщательно выискивает виноватых без вины, и он хоронит живых в сырой тюрьме, или же отправляет на Сибирские рудники.

Никакая нация в мире не изобрела преступление такого рода: быть виновным без вины. Это удручающее изобретение принадлежит самодержавию и является его позором.

Но, можете ли вы сказать, кто становится виновным без вины? Кто? Вы... Я... Все. Сначала те, кого они хотят погубить, затем те, кто

предположительно имеет либеральные идеи, или те, кто подозревается в связях с либералами. Те, у кого вырвались неосторожные слова или фразы, которые могли быть неверно истолкованы, а также те, кто, к несчастью, окажется связанным с заговорщиками. Они и не знают того, что стали подозреваемыми.

Любой русский подозревается в том, что он не испытывает глубокого ужаса перед либеральными идеями, и в том, что он не поклоняется самодержавию, как божественному провидению. Любой русский, которого, возможно, коснулось это зло, именуемое духом¹ (либеральным разумом), становится виновным без вины, разоблаченным начальником третьего отделения. Начальник же без суда и следствия отправляет всех за решетку.

Власть третьего отделения не ограничена, и всё же, имея могущество земного бога, у начальника Третьего отделения есть несовершенства, пороки и недостатки, свойственные людям, поэтому не нужно объяснять, насколько страшно для русских оказаться во власти начальника третьего отделения.

В подчинении этого могущественного человека находятся бесчисленные агенты. Одни принадлежат к высшему свету, их можно встретить при дворе, в аристократических салонах, на вечеринках гуляк, в будуарах актрис. Они очаровательны, беседуют, отвечают на вопросы, задают свои, пожимают по-дружески руки, а затем они идут составлять свой отчёт, и, без сожаления, отправляют в тюрьму или в Сибирь человека, которого они называли «дорогой друг», они отправляют в Сибирь даже своих родственников.

Доносчик – наиболее подлое существо из всех, его душа черна, или скорее у него нет души, и его сердце сделано из грязи. Он более бесчестный, чем убийца или вор. Вероломная хитрость, гнусная ложь, безобразная измена – его ежедневное вооружение. У него нет нравственного сознания, и он использует своё вооружение без стыда и без сожаления. Это морально деградировавшее и продажное существо. Прибегая ко лжи в разговоре с подозреваемым, изображая из себя либерала, чтобы заставить его проболтаться, доносчик продолжает лгать, отчитываясь начальнику, из корысти или желая компенсировать свои труды, он доносит на невинного! Если доносчик, значит, – бесчестный человек. Как можно доверять бесчестному существу? Между тем вся страна отдана на съедение десяти тысячам доносчиков, десяти тысячам бесчестных существ!

А некоторые люди удивляются, что русские недовольны правительственной системой в своей стране! Если бы эти люди стали

¹ Понятие дух О. Одуар передает как *doukh*.

русскими, то они были бы ещё большими реакционерами и быстро разделили бы недовольство русских либералов.

Постыдная вещь для женского сословия заключается в том, что самодержавие в своей «великой» работе по разложению человеческого сознания, атаковало даже сознание женщины, и испортило его столь хорошо, что многие женщины в России выполняют подлую работу доносчика. Третье отделение им дорого платит, тем более, если доносчицами становятся знатные дамы!

Заставлять людей выполнять работу доносчика, трактуя это как обычную работу, значит обрекать народ на безнравственное существование, которое приводит к разложению. Вот преступление, в котором я более всего обвиняю царское самодержавие.

Измываться над телом, истязать плетьюми – это чудовищно. Но разрушать сознание, веру в идеалы, честь народа, одним словом, приниматься за его душу, и делать её извращённой – это более чудовищное преступление, в котором нет ничего человеческого. Тот, кто совершает подобное, совершает сатанинское и адское деяние.

Тайная полиция встречается при дворе, в великосветских салонах, в салонах буржуазии, в ливрее слуги. В магазинах она рядится в платье приказчика, на улицах – в одежду рабочего, кучера, портье, она везде, она надевает любые костюмы, она находится даже в тех будуарах, где человек надеется встретить только Венеру.

Не следует думать, что русский, оставляя свою родину, окажется освобожденным от глаз неусыпных стражей тайной полиции, вовсе нет. В этом случае за ним шпионят доносчики-путешественники; тысячи этих печальных персонажей распространены по всей Европе. Некоторые принадлежат к высшему обществу. Третье отделение даёт им много золота с тем, чтобы они могли хорошо выглядеть и появляться при дворах и в салонах. Каждую неделю они посылают подробные отчёты о делах и поступках своих соотечественников, находящихся в путешествии. Соотечественников же, по возвращению в Россию иногда арестовывают за либеральные рассуждения, высказанные в Париже, Неаполе или Монако. Это проделки того любезного друга, который навязался им в компаньоны, и которому они так часто были чем-то обязаны – он заводил разговоры, чтобы их сдать!

Русские хорошо знают о средствах, используемых третьим отделением. Любой русский с глазу на глаз с французом говорит свободно, но стоит войти одному из его соотечественников, он замолкает, меняет тему разговора, опасаясь иметь дело с доносчиком.

Был один случай, о котором я не могу вспомнить без смеха, хотя это печальная история.

Я была в салоне с тремя русскими, принадлежащими к аристократическому высшему свету. Я принялась высказывать либеральные идеи, все трое возмутились и выступали поклонниками самодержавия. Они хвалили русское правительство с жаром, выказывающим их глубокое убеждение. Я была удивлена. Но минутой спустя, когда в салон вошли ещё какие-то люди, на мгновение я оказалась в стороне с одним из тех троих господ.

— Поверьте, — говорит он мне, — я разделяю ваши идеи, но из соображений осторожности, вслух я говорю другое... Эти господа, я уверен, принадлежат к третьему отделению.

Десять минут спустя, один из двух других оказывается около меня, и повторяет мне слово в слово то, о чем мне сказал первый. И, наконец, третий, выходя из этого дома, предложил мне руку, чтобы проводить меня и начинал следующую речь:

— Я либеральнее, чем вы, мадам: я испытываю отвращение к самодержавию, и я вас уверяю, что я стараюсь его разрушить. Но я высказываю консервативные идеи потому, что, скорее всего, эти два господина состоят на службе в третьем отделении.

Я не смогла удержаться и расхохоталась. Я объяснила ему, в чём причина моего веселья — в том, что те другие были такого же мнения о нём. На что он произнес правдивую, но удручающую фразу:

— Они правы в том, что никому не доверяют. У нас благоразумный человек не должен доверять ни своему самому близкому другу, ни женщине, которую он обожает. Он не должен доверять даже брату.

Правительство, которое устроило такую жизнь для всей страны — пагубное правительство.

Иностранцы, которые прибывают в Россию, подвержены тысяче неприятностей, если они из низших классов. Если у них есть положение или имя, доносчики, которых легко можно принять за гостеприимных и любезных русских, не имеющих другой цели, нежели оказывать вежливый прием и сделать приятным пребывание иностранцев России, незаметно пробираются в их окружение.

Я хорошо знаю одну даму, которой генерал X, начальник полиции, сказал с очаровательным и услужливым видом:

— Мадам, Вы плохо говорите по-русски. Позвольте мне предоставить в Ваше распоряжение двух моих адъютантов. Располагайте ими, я был бы счастлив, если бы они оказались Вам полезными.

Эта женщина поняла, что к ней хотят приставить двух доносчиков, но она поблагодарила генерала за столь великодушную любезность, и затем, повернувшись к разговаривающим адъютантам, сказала:

— Господа, так как вы поступаете в мое распоряжение, соблаговолите являться ежедневно к одиннадцати часам утра для моих указаний.

Не было ни дня, чтобы они пропустили свою службу. Каждый день она отправляла их во все концы Петербурга. Русские, которые наносили ей ответные визиты, говорили:

– Мы не хотим встречаться с этими людьми, которые, якобы графы, а на самом деле – доносчики. Выставьте их за дверь! ...

– Нет, ответила она, по крайней мере, я их знаю...

Если, находясь в гостинной, они пытались заставить её беседовать, она говорила с удовлетворением о том, что видит, как народ обожает царя всем сердцем, что страну она видит счастливой, спокойной, и этого ничто не может нарушить...

Тогда люди с горячностью сами приносили ей массу сведений о выступлениях против деспотизма, которые волновали всех образованных людей.

Она могла получать от них любые виды признаний, оставляя им приятную иллюзию, что она ничего не понимает в политике.

Представители высшего русского общества, которые приходили к ней с визитом, ей говорили:

– Вы принимаете у себя только этих шпионов, не принимайте больше: они собираются следить за нами.

– Они для меня очень полезны, отвечала она, улыбаясь, – и они доставляют меньше затруднений, чем вы предполагаете ...

И, чтобы освободить своих посетителей от общества адъютантов генерала Х, она давала им поручения в наиболее удалённые кварталы Петербурга. Во время их отсутствия она спокойно беседовало со своими посетителями.

Вот так однажды начальник полиции был обманут женщиной.

Когда кто-то собирается провести некоторое время в России, он должен предупредить своих родственников и друзей, чтобы они писали в письмах о незначительных вещах, потому что полиция обладает черным кабинетом¹, через который проходят все письма прежде, чем прибыть к своему получателю. Также не нужно говорить

¹ Чёрный кабинет - орган, занимающийся просмотром личной корреспонденции; а также помещение, служащее для этих целей.

о политике, критиковать систему или чиновников. Письма читаются также, прежде чем они покидают русскую почту.

Чтобы опубликовать в газете статью чисто литературного содержания о царе, должно быть получено разрешение министерства внутренних дел, которое наводит справки о просителе и о газете, где статью хотят напечатать. Если полученные сведения доказывают, что газета консервативна, и что те, кто её читают – тоже, то разрешение дается.

Полиция сохраняет список имён всех русских, подписанных на иностранные газеты. Все эти газеты считаются более или менее революционными. Читать их – значит заявить о себе и стать подозреваемым. Вот почему очень немногие русские открыто получают иностранные газеты. Но что касается печатной продукции, как впрочем, и всего остального – существует контрабанда, так что можно получить самые передовые газеты, но за них нужно дорого заплатить, только и всего.

Полиция знает об этой контрабанде. Если продажность является, увы! одной из ран России, становится совершенно очевидно, что морально деградировавшие доносчики, поскольку они смогли стать таковыми, более востребованы, чем другие русские. Продажная полиция, которая обладает неограниченной властью, – ужасная опасность для честных людей... И даже для самодержавия, так как полиция компрометирует его, она заставляет ненавидеть его ещё больше, совершая серию непрекращающихся мерзостей от его имени.

Иностранцам, путешественникам, так же как и русским, не положены газеты без специального разрешения, получение которого занимает две недели, если разрешение вообще возможно.

Газета «Артист», обсуждающая, как известно, только художественные вопросы, была направлена мне в Петербург, но до меня не дошла, я стала жаловаться на почте.

– Действительно, – ответили мне служащие, – эта газета прибыла по Вашему адресу, но Ваше имя не фигурирует в списке людей, которым разрешено получать зарубежную прессу, поэтому она была изъята.

Тогда я написала директору почты, что Франция предоставляет русским, постоянно проживающим в Париже или находящимся там временно, возможность получать совершенно свободно все газеты, которые они пожелают. Я попросила у императорского правительства соответствующего отношения ко мне как к француженке, находящейся в России. После трёх дней, потраченных на проведение расследования, полиция возвратила мне «Артиста».

Телеграфировав по этому поводу другу в Париже, я подметила следующее: единственная хорошо организованная вещь в России, но, невыносимая, это – цензура.

В телеграфном бюро решительно отказались отправить телеграмму с порицанием одной из структур русской империи.

У невидимой, или тайной полиции, есть подразделения во всём мире, которые через посольства и консульства должны посылать каждую неделю детальные сообщения о поведении, поступках, словах и мыслях русских, находящиеся за границей. Также ей необходимы такие подразделения во всех провинциальных городах. В губерниях империи тайную полицию представляет жандармерия. В каждом губернском городе есть отдел жандармерии и штаб-офицер, который должен осуществлять скрытое непрерывное наблюдение, посылать подробные отчеты в Петербург и сообщать о подозреваемых. Начальник третьего отделения ему посылает своих агентов, которые помогают штаб-офицеру в этой трудной миссии. Жандармский корпус считается элитным, правительство заботится о том, чтобы он состоял из людей, преданных власти. Ввиду важности миссии жандармерии и почти неограниченных полномочий, которыми она наделена, наименьшая её задача – быть в курсе общественного мнения и осуществлять активное наблюдение за местными властями.

В России законы иногда хороши. Почти всегда намерение царя превосходно, но одно обстоятельство, которое делает бесплодными добрые намерения, и которое делает пагубным наилучший из законов – это коррупция. Коррупция проникает в обычаи, а продажность, почти всеобщая, обнаруживается у большинства служащих.

Видимая или муниципальная полиция так же прекрасно организована, но мне она была менее интересна, чем невидимая, и я должна признать, что я изучила городскую полицию с меньшим вниманием, чем первую. Однако, желая представить в своей книге наиболее полные сведения обо всех русских учреждениях, я воспользуюсь очень любопытным и точным сочинением господина Леузона¹ о городской полиции.

Г. Леузон Ле Дюк был много раз в России, он говорит на русском языке, и он превосходно знает эту огромную империю. Я могу рекомендовать тем из моих читателей, которые хотят изучить эту страну, прочитать книгу «Современная Россия», которую господин

¹ Леузон Ле Дюк (фр. Léouzon Le Duc) Луи Антуан (1815-1889), французский литератор, долгое время жил в России, в начале 1840 годов был гувернером в доме В.А. Мусина-Пушкина.

Леузон опубликовал в издательстве Ашетт¹ в 1844 году. Читатели увидят, что события, происходившие тогда в России, предопределили печальную нынешнюю ситуацию. Особая обязанность городской полиции – пишет господин Леузон, поддержание хорошего порядка и спокойствия в городах. Посмотрим, как городская полиция организована в Петербурге. Петербургскую полицию можно рассматривать как образец, по которому устроена работа полиции в других городах империи.

Во главе столичной полиции стоит суперинтендант, который имеет звание генерал-лейтенанта. Затем идут три полковника - полицмейстеры, они ответственны за три гарнизонных батальона полиции; затем одиннадцать приставов полиции для одиннадцати округов города, наконец, четыре или пять квартальных комиссаров или унтер-офицеров на каждый квартал или район городского округа.

Квартальный, называемый также частный пристав² или квартальный комиссар, находится в съезжем доме, где расположены службы полицейского управления, пожарные насосы и камеры для заключённых. Съезжий дом можно отличить издали по высокой деревянной башне на платформе, в которой один из рядовых полицейских дежурит постоянно, чтобы подать сигнал о пожаре, если таковой случится.

В распоряжении квартального находятся несколько полицейских и младших офицеров, называемых надзирателями³. Эти офицеры и солдаты, одетые в военную форму, носят саблю или шпагу и упражняются в стрельбе из мушкетов.

Городская полиция Петербурга насчитывает приблизительно триста сторожевых будок⁴, распределённых по различным кварталам города, в каждой из которых находятся три человека, так называемые будочники⁵, задача которых состоит в том, чтобы заботиться о порядке и чистоте улиц.

Таким образом, полиция столицы насчитывает пять-шесть тысяч служащих личного состава. Конечно, в это число не входят секретные агенты, которыми городская полиция пользуется совсем как политическая полиция (невидимая).

¹ Hachette – книгоиздательская и торговая фирма Луи Ашетта, основанная в 1826 году, в настоящее время французское акционерное общество по изданию, распространению книг и периодической печати.

² Частный пристав во французском тексте передается как *tshastnoi pristoff*.

³ Надзиратели во французском тексте передается *nadziratels*.

⁴ Будка во французском тексте передается *boudka*.

⁵ Будочники во французском тексте передается *boutechniks*.

От столь могущественной и организованной полиции следует ожидать постоянного наблюдения и эффективной защиты. В некотором отношении, это действительно так. Никакой другой город Европы не смог бы сравниться с Петербургом порядком и чистотой. Пусть здесь мужикам позволено ходить по улицам в одеянии из овечьей шкуры и отравлять прохожих её тошнотворным запахом, но зато мостовые здесь всегда чистые. Особенно это заметно зимой, когда середина дороги покрыта слоем снега, и её постоянно бороздит, не продавливая, сталь саней, тротуарные плиты очищены и посыпаны мелким песком, что позволяет пешеходам ходить, не боясь поскользнуться. Эта особая забота о тротуарах объясняется строгим приказом, отданным Императором Николаем, когда он однажды упал с высоты своего роста на Морском проспекте.

В день всеобщего праздника не следует опасаться, что толпа может представлять опасность или доставлять неудобства, полиция там обеспечивает отличный порядок. Наши парижане, жалуются на живость наших полицейских. Но парижане были бы очень удивлены, став свидетелями грубых ругательств и жестоких ударов кулаком, которые агенты царской полиции раздают в толпе народа. Жестокость полиции вызвана тем, что нетерпеливое любопытство заставляет людей переступать линию, за которой должна последовать религиозная процессия или военный парад.

Многочисленные экипажи с оглушительным шумом проезжают по главным улицам. Но не пугайтесь, кучера смогут вас всегда вовремя предупредить, но если вы замешкаетесь и не отскочите в сторону, вас живо переедут. Несчастные! Если они вас задавят, меньшее, что их ожидает, это быть сосланными в солдаты на Кавказ, и увидеть, как их лошадей конфискуют в пользу пожарной команды.

Пожарная команда, находящаяся в ведении начальника полиции – одно из наиболее великолепно организованных учреждений, которые мне довелось видеть. Приказы пожарной команде отдает непосредственно брандмайор¹.

Каждый съезжий дом имеет свои насосы, оборудование и команду пожарных, которая всегда наготове, по первому сигналу они выезжают галопом. Этот сигнал подаётся солдатом, который наблюдает с платформы башни съезжего дома, посредством системы сигнальных огней ночью, а днём с помощью черных шаров, расположение которых указывает городской квартал, где имеет место

¹ *Брандмайор* или *брандмейстер* (нем. *Brandmeister*, от *Brand* - «пожар» и *Meister* - букв. «мастер») - должность в пожарной охране в Российской империи.

несчастный случай. Компания пожарных состоит из сорока человек и оснащена десятью или четырнадцатью насосами и тридцатью лошадьми. Такие команды располагаются во всех съезжих домах в различных кварталах города.

Таким образом, в каждом квартале было пятьсот пожарных, для столицы в целом штат состоял из шести с половиной тысяч человек, которые сразу по сигналу тревоги могут быть брошены на место происшествия. Добавьте к этому гвардейские формирования, которые полиция имеет право вызывать по потребности; личное вмешательство императора и его сыновей, которого никогда не было в таком случае (я думаю, в тот момент его присутствия не хватало бы!) и у вас будет картина грандиозного движения организованного аппарата полицейских пожарных частей, которое развёртывается в Петербурге при сильном пожаре.

Между тем, если верить мнению авторитетных людей города, маловероятно, что пожарные команды сумеют погасить даже небольшой огонь. Их участие приводит обычно к тому, что возгорание только усиливается. Посчастливится ещё, говорят погорельцы, если они сами не станут пособниками бедствия! Впрочем, каким бы ни был исход, пожарные команды там ничего не теряют, так как в России всё оплачивается. Также немало случаев, когда охваченные пламенем погорельцы, чтобы избежать хищений пожарников и расходов, которые влечёт вызов пожарных, закрывают двери и пытаются сами без шума спасти себя и своё имущество! За время пребывания в России, я не раз видел такие пожары при закрытых дверях.

Само собой разумеется, что, если бы о пожаре стало известно, пожарные приехали бы внезапно, взыскание, которое нарушители должны оплатить, значительно превысило бы штраф за ущерб, который они хотели якобы причинить полиции.

Если бы только полиция в российских городах не допускала, чтобы люди сами спасали свои дома без неё, и не допускала, чтобы люди боялись вызывать полицию, помогая прохожему, которому внезапно стало плохо в общественном месте! Но в России в подобной ситуации люди ведут себя не так, как в других странах Европы. В России, если кто-то падает на улице, тотчас же вокруг него образуется пустота, никто не осмеливается приблизиться, надо ожидать полицию. Несчастный человек может умереть, неважно! Если вы ему принесёте стакан воды, если вы ему протяните флакон, вы будете арестованы по подозрению, что именно вы его отравили, и Бог знает, чего вам будет стоить ваше освобождение. Только Бог знает также то,

чего будет стоить больному ускользнуть целому и невредимому от надзирателей!

Таким образом, российская полиция, столь бдительная ко всему, что касается чистоты и приличия городов, проявляет удивительную неразумность по отношению к людям. О чём я говорю? Мне кажется, что российская полиция видит свою задачу в том, чтобы накопить наиболее позорные притеснения, совершённые в отношении людей и вместо того, чтобы защищать их интересы, российская полиция смешиваться с теми, кто преследует простых людей своими придирками. А ворами эта полиция со странной легкостью позволяет делать их гадкое дело.

Русская полиция есть институт, который в наименьшей степени привержен миссии порядка и надзора, которая ей поручена. Несмотря на то, что в годовом отчёте суперинтенданта императору всегда изображается наиболее лестная картина морали и добродетели жителей столицы, всё же, вероятно, в Петербурге больше краж и убийств, чем в Париже и в Лондоне, или даже чем во всех столицах Европы вместе взятых. Но любое сообщение о правонарушениях или преступлениях запрещено в газетах, это страна абсолютного молчания, информация о каком-либо преступлении редко выходит за пределы места, где оно произошло. И в тоже время любой житель Петербурга по чистой случайности может знать о кражах в своем квартале больше, чем это отражено в официальном отчёте за весь год.

Однако этот отчёт называется подлинным! Когда пресса молчит, никто не может противоречить полиции, заинтересованной в том, чтобы фальсифицировать правду и заставить всех поверить, что полиция хорошо исполняет свой долг.

Во Франции некоторые выступают против так называемой нескромности прессы, которая, по их мнению, вмешивается в дела, которые её не касаются... Если бы они жили в России, где пресса нема, то они бы поняли, что журналисты с той самой нескромностью, окажут большую услугу обществу, предохраняя его от злоупотребления властью во всех проявлениях. В России я получила подобный опыт. Страна, где пресса не может свободно говорить, становится непригодной для жизни, так как люди там не чувствуют себя в безопасности.

Во время долгих зимних ночей, когда ночи черны, и Нева скована льдами, преступлений становится больше. Количество убийств оценивается по числу трупов, которые приплывают в Финский залив, когда вскрываются льды. Чаще всего это пьяницы, которых убивают кучера своими ножами или топорами. Эти преступления

раскрываются редко, полиция предпочитает облегчить свою работу и скрыть трупы, особенно если кто-то из полицейских замешан в преступлении.

В удалённых кварталах, где полицейские могут скомпрометировать себя, орудуют, главным образом, будочники, и, вне всякого сомнения, брандмайоры знают об этих профессиональных ворах. Не редко можно увидеть отважного злоумышленника, пойманного много раз за кражу одним и тем же полицейским и столько же раз отпущенного на свободу, поскольку полиции выгоднее, чтобы он был на свободе. Но если кто-то предложит за поимку вора больше, чем сам вор обычно платит за своё освобождение, то вора посадят. Эта процедура не имеет ничего общего с арестом неизвестного вора. Неслыханно, чтобы украденная вещь возвратилась к ее законному владельцу. Даже тогда, когда владелец приходит опознать найденное, он скорее передаст свое добро из рук профессионального вора в руки «привилегированных» воров. В любом случае, чтобы вернуть своё имущество, пострадавший должен оплатить полиции его полную стоимость.

Эти печальные детали совсем перестанут удивлять, если мы рассмотрим личное и семейное положение полицейских, которых мы упрекаем во взяточничестве. Российская полиция, так же, как все другие службы империи, получает очень незначительную плату. Вот как это подтверждают заслуживающие доверие русские:

Плохое обеспечение агентов полиции это одно, но ещё к Новому году суперинтендант ожидает обычно подарков от своих подчиненных, стоящих в десять раз выше суммы их жалования. Никакой закон не обязывает служащих делать такие подарки, это правда. Существует даже указ, по которому начальнику запрещается принимать подношения. Но стоит только подчинённому не сделать обычного подношения, как его понизят в должности, он будет лишен милости, его будут преследовать по любому поводу. Если он сделает подарок ниже принятой суммы, его переведут на менее доходный пост. Если, напротив, он делает очень дорогой подарок, либо жертвуя наилучшей долей своих неправомерных доходов, либо работая в два раза больше, он точно получит более выгодный пост. Таким образом, осуществляется преступное соперничество между теми, предназначение которых – искать преступников и наказывать за преступления.

Окончательная картина поборов, которыми эти вампиры обложили коммерсантов Петербурга, складывается по одному факту – содержатели кабаков в среднем за год отдают 40-60 процентов

прибыли (столько их вынуждают платить) напрямую или через третьих лиц городской полиции. Полицейские делят между собой жителей города, и им остаётся только наблюдать за точностью исполнения их прав, если можно назвать правами нечистый источник доходов, которые они взимают со слёз и отчаяния их сограждан».

Я знаю всё это, я слышала подобное от заслуживающих доверие русских, но я действительно с удовольствием процитировала слова господин Леузона Ле Дюка по этому поводу, чтобы показать моё желание непредвзято поведать о негативных сторонах жизни России.

А теперь речь пойдёт о маленьких притеснениях, заметных и незаметных, которые русская полиция совершает в отношении иностранцев, прибывающих в Петербург.

Если иностранцы приезжают по железной дороге, на границе они подвергаются паспортному допросу. Что они собираются делать в России? Имеют ли они тайную или явную цель? (Иначе говоря, не шпионы ли они?)

Если иностранцы добираются морем, тогда формальная процедура происходит на борту корабля, но она остаётся такой же раздражающе длинной.

Из рук полиции ваш паспорт переходит в ваше посольство, которое должно вам дать удостоверение о гражданстве, затем, паспорт возвращается в главную канцелярию, где вас подвергают второму допросу, очень походящему на тот, которому наши следователи подвергают обвиняемых. Если ответы удовлетворительны, полиция спрашивает у вас, сколько времени вы намереваетесь оставаться в России, и вам кажется, что, в этой вежливой фразе говорится: «Чем быстрее вы уедете, тем больше вам будут рады». Тогда вы получаете вид на жительство ровно на столько дней или месяцев, сколько вы назвали.

На вопрос, сколько я намерена пробыть в России, меня попросили ответить письменно. Я написала следующее: «Время моего пребывания в России зависит от того, насколько мне захочется остаться, а не от того, видит ли тайная полиция в этом неудобство». Они настаивали, я упорствовала, начальник полиции выдал мне удостоверение на шесть месяцев, говоря, что по истечению этого срока мне выдадут другое удостоверение, если я захочу продлить мое пребывание.

Когда иностранец желает оставить Петербург либо для того, чтобы отправиться в другой город империи, либо уехать из России, он должен за три дня запросить свой паспорт в полиции, которая учиняет

расследование чтобы выяснить, не забыл ли он оплатить сапожнику или перчаточнику. Если он должен всего сто су¹, ему не дают паспорт.

Ах! если бы эта мера была принята во Франции!

Русский, у которого есть долги, не имеет возможности сбежать за границу; пока он не удовлетворил своих кредиторов, он не получает паспорт.

Женщины, находящиеся во власти мужа, не могут получить паспорт: именно муж должен пойти и запросить паспорт для жены. Однако русская полиция осуществляет на практике фразу известного Тартюфа: «с небом в согласии». То есть для женщин речь идёт только о том, чтобы обозначить цену.

Русские, зарегистрированные за границей, должны запрашивать возобновление паспорта каждые три года, что стоит им приблизительно около трёхсот франков. Это кое-что вроде установленного налога с космополитов, и они его оплачивают с удовольствием.

Русский паспорт содержит и дату рождения, и запись о браке или разводе, он представляет собой то, что во Франции мы называем «*ses papiers*» - личными документами или метриками. Русский паспорт служит для заключения брака, он служит для всего. Когда у русских не было принято фиксировать гражданское состояние, хранителем всех записей о рождении, браке и разводе была церковь.

Меня убеждали, что иногда зрелая девушка или вдова зрелого возраста, посредством подарков для попов², становились немного моложе.

Подобный паспорт с указанием гражданского состояния позволяет сделать даже подлоги в родословной. Вот пример: разведённая дама едет в Германию, восемнадцать месяцев спустя она рождает мальчика. Ей следовало бы записать его как сына. Но зная превосходно, как исполняют свои обязанности служащие в России, она не записывает ребенка, не заявляет о его рождении. Когда ему исполняется два года, она его поручает немецкой коммерсантке, которая привозит его в Россию как своего сына. Через неделю она сама едет в Петербург, забирает своего ребенка и ищет полицейского, занимающегося паспортами.

– Мне нужно, – говорит она ему, – сделать другой паспорт, и туда вписать моего сына в возрасте трёх с половиной лет.

Полицейский отвечает, что это невозможно. Она вытаскивает связку купюр стоимостью в тысячу рублей. Служащий склоняется

¹ Су – монета в 5 сантимов, равная 1/20 франка.

² Попы (священнослужители) – во французском тексте передается *les popes*.

очень низко, получает деньги и делает паспорт, и вот ребёнок уже законный сын. Дама возвращает своего сына в Германию, у него теперь есть документы и он сможет вступить в брак.

В России подлог – обычное дело!

Кодекс Российской Империи или Свод¹, определяет обязанности иностранцев, находящихся в России. Вот некоторые главные статьи:

«1. Иностранцами считаются подданные иностранных государств, находящихся на территории страны.

2. Дети иностранцев, родившиеся в России и принятые на службу в гражданское, либо в административное, либо в военное ведомство, приравняются к русским подданным.

3. Девушка или женщина, которая сочетается браком с иностранцем, следует за своим мужем. Если он возвращается в свою страну, она должна ехать с ним. Но оставляя свою родину, она теряет право владеть недвижимым имуществом. Если она уже владеет некоторым имуществом, она должна его продать в срок шести месяцев и выплатить империи половину суммы, полученной с продажи. Если она оставляет своих детей в России, она может уклониться от продажи, но она должна перевести свое имущество детям.

4. Всё время, пока иностранцы остаются в России, они подчинены как в отношении их личности, так и в отношении имущества законам страны. Они могут исполнять военную службу, но не гражданскую (однако отдел народного просвещения им доступен).

Ни в каком названии иностранец или сын иностранца не может участвовать в строительстве мостов и дорог». (Это делается с разумной и мудрой целью предотвращения любой неосмотрительности, которая может принести вред во время войны).

Им разрешено занимать место в гильдиях или в объединениях мелких ремесленников.

Благородные иностранцы, чье дворянство было признано русским правительством, освобождаются от телесных наказаний».

Статья 9 запрещает иностранцам обустраиваться в городах военных поселений. Девятой статьёй самодержавие пытается защищать солдат от либеральных идей. Самодержавие боится, что солдаты узнают, что есть страны, где солдата нельзя избивать.

Статья 13 позволяет иностранцу настойчиво просить для него или для его детей свидетельства натурализации, для этого он должен только заявить, что хочет стать российским подданным, и принести клятву верности императору; он должен принести эту клятву перед

¹ Во французском тексте О. Одуар пишет *Le Svod*.

губернатором того города, в котором он проживает, на своём родном языке и в выражениях, соответствующих религии, которую он исповедует.

Евреев в России только терпят, они не могут испросить для себя гражданства. Они получают только удостоверения временного пребывания, которые они должны возобновлять, что им стоит обычно очень дорого.

Однако не так давно несколько высокопоставленных еврейских финансистов смогли, несмотря на этот закон, стать российскими подданными.

Господин G, богатый банкир, недавно даже получил высокий чин. Будем надеяться, что эта нетерпимость по отношению к сектантам одной религии, которая изначально была нашей общей религией, прекратится. Разве все мы не являемся сынами израилевыми?

Иностранец, который хочет остаться на год в России, получает вид на жительство, уплатив сумму приблизительно в тридцать франков. Столь малая сумма назначена для того, чтобы не показаться негостеприимными.

В России оба типа полиции, видимая и невидимая, или, если предпочитаете, гражданская и политическая, являют собой две мощные службы, как по числу, так и по организации. Но, однако, последние события нам доказывают, насколько мало самодержец может положиться на эти две мощные организации, содержание которых ему обходится во столько же, как и содержание армии. Полиция позволяет рыть траншеи под железнодорожными путями. За два месяца императору сообщают о том, что будет попытка разрушения Зимнего дворца, его хотят взорвать вместе с его обитателями... и полиция позволяет поместить восемьдесят килограммов динамита. Полиция редко арестовывает организаторов покушений. И вот по каким причинам: во-первых, полиция продажная, затем – среди полицейских много нигилистов, и наконец, ведётся непримиримая борьба между обеими службами. Глава третьего отделения не огорчится, если его коллега – глава гражданской полиции совершает ошибку, а тот, в свою очередь, будет рад, если оплошность совершит глава третьего отделения. У меня есть глубокое убеждение, что обе русские полиции – две наиболее опасные и нездоровые структуры северной империи.

Тюрьмы и крепости в России имеют плачевный вид; на них нельзя смотреть без содрогания, такой гнетущий и нерадостный облик им предают вовсе не глухие высокие стены из черных камней, а

молчание и таинственность, которыми они окутаны как холодным саваном.

Человек, брошенный в тюрьму во Франции, невиновный или виновный, знает, что он может рассчитывать на помощь его семьи и адвоката, он знает, что пресса всегда готова поддержать жертву произвола, и наконец, аресты, суд, исполнение приговора, всё происходит публично.

В России пресса мирится с произволом; слова хозяина¹ достаточно, чтобы прикрыть газету на время или закрыть её навсегда. Цензура более чем строга; писателей всегда отправляли в ссылку в Сибирь, в крепость или на смерть. Мысль в этой империи находится в невероятном рабстве. Газеты могут написать только то, что самодержавие хочет увидеть написанным в газетах. Жертвы не могут получить поддержку.

Аресты совершаются в полной тайне. Семья должна молчать, делать вид, что она забыла об арестованном, иначе все члены семьи будут брошены в крепость.

Обвиняемый не может вызвать адвоката, он сидит в одиночной камере, и никто не может с ним связаться.

Во Франции мы знаем о положении заключённых в наших тюрьмах, у нас разрешены посещения. Если обнаружится, что содержание в той или иной тюрьме вредно для здоровья, если пища плоха, если надзиратели жестоки, общественное сознание протестует, журналисты пишут, мнение принуждает власть улучшить положение заключённых. Солнечный свет освещает всё, он проникает даже в карцер приговоренного к смерти.

В России никто не может посещать тюрьмы. Те, кто туда брошены, редко из них выходят. Никто не знает, что происходит за высокими стенами: тюремные охранники пользуются своей безнаказанностью. Власть имеет право даровать жизнь и учинять пытки, нет никакого закона выше царского. Царь – закон: если царь жесток, закон жесток; если царь несправедлив, закон несправедлив. Люди, которых закон использует для выполнения приговоров, часто излишне старательны. Будучи созданиями человеческого рода, они подвержены ошибке, жестокости, несправедливости и жажде мести.

Арестованный человек дрожит от страха, так как он не знает, что его ожидает. Его ведут к тюрьме; он знает, что в тюрьме как в могиле, даже хуже, могила дает успокоение, а тюрьма – мучения и пытки.

Крепость Петербурга – огромное, чёрное, зловещее сооружение, она возвышается на одном из островов Невы. Крепость одновременно

¹ Хозяина: зд. царя.

является военным учреждением, императорской усыпальницей и государственной тюрьмой. Трудно объяснить, с какой целью самодержавие объединило в одном здании останки царей и тех, кто восстал против деспотизма.

Это возможно по двум причинам: правители, возможно, хотели сказать жертвам: «Успокойтесь, бывшие палачи там, рядом с вами, черви подтачивают их кости. Царь, который правит сегодня, и будущие цари, также окажутся в этой хмурой часовне, и их тела также будут источены червями. А могильные черви по сути своей являются опасными революционерами, и без стеснения атакуют труп самодержца, как и труп мужика».

Очевидно, подобная философская мысль должна немного успокоить жертвы деспотов. Но с этой ли целью императорская усыпальница была помещена туда? Я не могу знать точно, но, возможно, тем, кто распорядился сделать это, двигало желание преподнести душам умерших тиранов, в качестве приятных приношений, слезы и скрипы зубов заключенных!

Императорским могилам недостает величия: плита накрывает тело; выше, маленькое панно с гербом усопшего предупреждает, чтобы вы не наступили ногами на плиту, и сообщает имя того, кто покоится внизу. Это всё.

Если вы решитесь высказать нескромную просьбу посетить крепость, вас проводят в часовню, которая служит похоронной комнатой. Если вы допустите такую бестактность и попросите посетить карцеры, вам ответят сухо: «Это невозможно!»

Но решётки на слуховых окнах здания вам объясняют, что есть карцеры под водой, а другие – под крышами, где одни заключённые будут гнить от сырости, а, другие, летом, изнывать от нестерпимой жары!

В России очень много тюрем, располагаются они в Сибири и на одном из островов Архангельска. У некоторых тюрем зловещая репутация. Если однажды народ силой откроет эти тюрьмы, он узнает ужасные вещи!

Но беззаботный народ говорит себе: «Зачем! Здесь заключены люди, которым мы завидуем, – дворяне или ловкачи, на которых тяжелым бременем легли кандалы самодержавия!»

И тюрьмы будут ещё долго стоять, и будут оставаться такими же мрачными и таинственными!

Список литературы

- Партаненко, Т.В. (2002) Представления о России во Франции конца XIX - начала XX вв. *Studia culturae*, (2), 25-35.
- Audouard, O. (1881). *Voyage au pays des boyards. Étude sur la Russie actuelle*. Paris : Dentu.
- Audouard, O. (1881). *Voyage au pays des boyards. Étude sur la Russie actuelle. La bibliothèque russe et slave*. Retrieved from https://bibliotheque-russe-et-slave.com/Livres/Audouard_-_Voyage_au_pays_des_Boyards.pdf
- Ernot, I. (2014, Octobre16). *Olympe Audouard dans l'univers de la presse, (France, 1860-1890). Genre & Histoire*. Retrieved from <https://journals.openedition.org/genrehistoire/1990>.

References

- Audouard, O. (1881). *Voyage au pays des boyards. Étude sur la Russie actuelle*. Paris : Dentu.
- Audouard, O. (1881). *Voyage au pays des boyards. Étude sur la Russie actuelle. La bibliothèque russe et slave*. Retrieved from https://bibliotheque-russe-et-slave.com/Livres/Audouard_-_Voyage_au_pays_des_Boyards.pdf
- Ernot, I. (2014, Octobre16). *Olympe Audouard dans l'univers de la presse, (France, 1860-1890). Genre & Histoire*. Retrieved from <https://journals.openedition.org/genrehistoire/1990>.
- Partanencko, T.V. (2002) Representations of Russia in France in the late XIX - early XX centuries. *Studia culturae*, (2), 25-35.

<https://jfs.today> & <http://frontierstudies.com>

По всем вопросам сотрудничества и публикации материалов
обращаться по e-mail:

editorialboard.jsf[at]jfs.today or editorialboard.jsf[at]gmail.com

Телефон: +7 (988) 068-63-72

Это сетевое издание доступно по лицензии Creative Commons
«Attribution-NonCommercial-NoDerivatives» («Атрибуция —
Некоммерческое использование — Без производных произведений»)
4.0 Всемирная.

Вёрстка: Гончаренко Юрий Дмитриевич

© 2016 Журнал Фронтирных Исследований. e-ISSN: 2500-0225

In case you have any questions about co-operation please write an e-mail
the following address:

editorialboard.jsf[at]jfs.today or editorialboard.jsf[at]gmail.com

Phone: +7 (988) 068-63-72

This journal is licensed under a Creative Commons Attribution-
NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International License.

Layout: Yuri Goncharenko.

© 2016 Journal of Frontier Studies. e-ISSN: 2500-0225